

*Новосибирское
Пушкинское общество*

*Пушкинский альманах
выпуск 24*

**Новосибирск
Издательский дом «Манускрипт»
2018**

ББК 94.3

П-914 **Пушкинский альманах. Выпуск 24** /Под общей редакцией В.Е. Крыжановского. – Новосибирское Пушкинское общество. – Новосибирск: Издательский дом «Манускрипт», 2018. – 211 стр.

ISBN

*Все статьи Пушкинского альманаха
печатаются в авторской редакции.*

Пушкин и мы

А.С. Пушкин - П.Я. Чаадаеву

19 октября 1836 г.

Благодарю за брошюру, которую вы мне прислали. Я с удовольствием перечел ее, хотя очень удивился, что она переведена и напечатана. Я доволен переводом: в нем сохранена энергия и непринужденность подлинника.

Что касается мыслей, то вы знаете, что я далеко не во всем согласен с вами. Нет сомнения, что схизма отъединила нас от остальной Европы и что мы не принимали участия ни в одном из великих событий, которые ее потрясали, но у нас было особое предназначение. Это Россия, это ее необъятные пространства поглотили монгольское нашествие. Татары не посмели перейти наши западные границы и оставить нас в тылу. Они отошли к своим пустыням, и христианская цивилизация была спасена.

Для достижения этой цели мы должны были вести совершенно особое существование, которое, оставив нас христианами, сделало нас, однако, совершенно чуждыми христианскому миру, так что нашим мученичеством энергичное развитие Европы было избавлено от всяких помех. Вы говорите, что источник, откуда мы черпали христианство, был нечист, что Византия была достойна презрения и презираема и т.п. Ах, мой друг, разве сам Иисус Христос не родился евреем и разве Иерусалим не был притчею во языцах? Евангелие от этого разве менее изумительно? У греков мы взяли Евангелие и предания, но не дух ребяческой мелочности и словопрений. Нравы Византии никогда не были нравами Киева. Наше духовенство, до Феофана, было достойно уважения, никогда

не вызвало бы реформации в тот момент, когда человечество больше всего нуждалось в единстве.

Согласен, что нынешнее наше духовенство отстало. Хотите знать причину? Оно носит бороду, вот и все. Оно не принадлежит к хорошему обществу. Что же касается нашей исторической ничтожности, то я решительно не могу с вами согласиться. Войны Олега и Святослава и даже удельные усобицы – разве это не та жизнь, полная кипучего брожения и пылкой и бесцельной деятельности, которой отличается юность всех народов? Татарское нашествие – печальное и великое зрелище. Пробуждение России, развитие ее могущества, ее движение к единству (к русскому единству, разумеется), оба Ивана, величественная драма, начавшаяся в Угличе и закончившаяся в Ипатьевском монастыре, – так неужели все это не история, а лишь бледный полуза�отый сон?

А Петр Великий, который один есть всемирная история! А Екатерина II, которая поставила Россию на порог Европы? А Александр, который привел нас в Париж? и (положа руку на сердце) разве не находите вы чего-то значительного в теперешнем положении России, чего-то такого, что поразит будущего историка? Думаете ли вы, что он поставит нас вне Европы? Хотя лично я сердечно привязан к государю, я далеко не восторгаюсь всем, что вижу вокруг себя; как литератора – меня раздражают, как человек с предрассудками – я оскорблен, – но клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить отчество или иметь другую историю, кроме истории наших предков, какой нам Бог ее дал (...)

Феликс Кичатов

Кант и Пушкин о свободе, законе и праве

«...свободная воля и воля, подчиненная нравственным законам, — это одно и то же»

И. Кант

«Единственное, чего я жажду, — это независимости (слово неважное, да сама вещь хороша)...»

A. Пушкин

Девятнадцатый век с его войнами и революциями, охватившими всю Европу, принес с собой новое понимание Свободы, Закона и Права как единой системы политических гарантий, обеспечивающих независимость личности в современном государстве.

Рассматривая кантовскую концепцию этих философских категорий в преломлении к творчеству Пушкина, мы легко улавливаем органическую адекватность указанных понятий в произведениях этих двух гениальных личностей. Как у Канта, так и у Пушкина эти категории проходят красной нитью через все их творчество, охватывая весь спектр этих понятий: отличных до политических.

В «Словаре языка Пушкина» видим, что слова-синонимы «свобода» и «вольность» (по пушкинским понятиям это одно и то же) в совокупности с их производными использованы поэтом в своих произведениях 576 раз. Несколько меньше — слова «закон» (216) и «право» (161).

Право, по Канту, есть мера Свободы, а Закон — юридическое выражение и закрепление Права. Неразрывность этих понятий для Пушкина была мерилом благополучного состояния общества.

В 1817 году юный Пушкин, находясь под влиянием жарких споров о свободе и уничтожении рабства в России, часто возникающих в доме гётtingенцев Тургеневых, «воспел Свободу миру» в своей оде «Вольность», первоначальное название которой так и звучало — «Свобода». Только что окончивший лицей поэт еще не может освободиться от свежих знаний куницинского «права естественного», насквозь пропитанного вольнолюбивыми идеями Иммануила Канта, и навязчивых идей, почертнувших из разговоров с Николаем Тургеневым.

Из записи в дневнике Сергея Тургенева, относящейся к 1 декабря 1817 года, мы узнаем о том, что первая мысль о написании оды, так легко подхваченная Пушкиным, возникла у братьев Тургеневых в процессе их переписки: «Мне опять пишут о Пушкине как о развертывающемся таланте. Ах, да поспешат ему вдохнуть либеральность и вместо оплакиваний самого себя пусть первая его песнь будет Свободе»¹.

Ода «Вольность», по словам В.Э. Вацуро, стала высшим достижением русской политической оды 1810-х годов, в которой ярко отразились мысли кёнигсбергского философа, усвоенные автором на лекциях лицейских профессоров-гётtingенцев, а также в беседах и спорах с братьями Тургеневыми. Ода создавалась «независимо от тех или иных индивидуальных образов, но учитывала их общий дух и проблематику»². По справедливому замечанию В.В. Пугачева, в строках о «самовластном злодее» Пушкин имел в виду

¹ Декабрист Н.И. Тургенев: Письма к брату С.И. Тургеневу. М.; Л., 1936. С. 59.

² Вацуро В.Э. Пушкинская пора. СПб., 2000. С. 63.

деспотизм как явление, взятое в обобщенном виде»³. В своем поэтическом произведении Пушкин ратует не столько за личную свободу угнетенного народа, сколько за политическую свободу в самом широком общественном и государственном ее смысле. Недаром ода впервые увидела свет лишь в 1856 году, в лондонской «Полярной звезде».

Любопытна характеристика этой оды, данная в письме от имени министра иностранных дел Нессельроде генерал-лейтенанту Инзову при направлении Пушкина в его распоряжение: «При величайших красотах концепции и слога это последнее произведение исполнено опасными принципами, навеянными направлением времени или, лучше сказать, такой анархической доктриной, которую по недобросовестности называют *системою человеческих прав, свободы и независимости народов*»⁴, то есть кантовской системой, господствующей в то время в Европе.

По словам Л.М. Аринштейна, «убедившись, что заставить подчиняться закону ни ту ни другую сторону не так-то просто, Пушкин назовет свою оду «детской» («Ах, Ваше Величество, зачем упоминать об этой детской *Оде...*» — XI, 23). И все же убежденность, что только закон может обеспечить незыблость монархии и благоденствие народа, Пушкин сохранил на всю жизнь...»⁵.

Тема свободы в эти годы настолько увлекла юного поэта, что он, совершенно игнорируя подстерегавшую его опасность и заботливые предостережения друзей, позволял себе произносить крамольные речи в публичных местах. В декабре

---

³ Цит. по: Пугачев В.В. Эволюция общественно-политических взглядов Пушкина. Горький, 1967. С. 73.

⁴ Скатов Н. Пушкин русский гений. М., 1999. С.179.

⁵ Аринштейн Л. Поэт и царь (Пушкин и Император Александр I) // Русское возрождение. №76. М., 1999. С. 58.

1817 — начале 1819 года Пушкин читает оду «Вольность» представителям высшего света в особняке графини Лаваль. В апреле 1818 года на одном из спектаклей петербургского театра он выкрикивает: «Теперь самое безопасное время — по Неве лед идет», намекая присутствующим на то, что можно не опасаться заключения в Петропавловскую крепость. Из-под его пера выходит и быстро распространяется в списках ряд дерзких эпиграмм: на графа А.А. Аракчеева («Всей России притеснитель»); на князя А.Н. Голицына («Вот Хвостовой покровитель»); на самого самодержца России, Александра I («Ты и я»). Поэтому же поводу у поэта неоднократно возникают неприятные дискуссии с историографом Н.М. Карамзиным, особенно после выхода в свет его «Истории государства Российского». Об одном из таких случаев поэт вспоминает: «Однажды начал он (Карамзин. — Ф.К.) при мне излагать свои любимые парадоксы. Оспаривая его, я сказал: “Итак, вы рабство предпочитаете свободе”. Карамзин вспыхнул и назвал меня своим клеветником. Я замолчал, уважая самый гнев прекрасной души» (ХII, 306). Как мы знаем, эти споры привели в конце концов почти к двухлетнему охлаждению отношений между Пушкиным и Карамзиным. Это лишний раз подчеркивает, с каким трепетом относился поэт к этому священному для него понятию Свободы. Наверняка он имел в виду себя, когда писал в своем раннем стихотворении «К Лицинию» (1815) следующие строки:

Я сердцем римлянин; кипит в груди свобода...

(I,111)

Слово «Свобода» у Пушкина, как замечено многими пушкиноведами, зачастую приобретает сакральный смысл, исходящий от Святого Писания. Ярким примером тому может

служить стихотворение «Ему претит Свобода...», в котором прослеживается мотив 13-го псалма Давида:

*[Свободы] буря подымалась,
И вдруг нагрянула... Упали в прах и кровь,
Разбились ветхие скрижали,
Явился Муж судеб, рабы затихли вновь,
Мечи да цепи зазвучали.*

*И горд и наг пришел Разврат,
И перед ним сердца застыли,
За власть Отечество забыли,
За злато продал брата брат.
Рекли безумцы: нет свободы...*

(II, 314)

Здесь мы видим негативное, сродни кантовскому, отношение поэта к так называемой свободе, полученной ценой насилия, которая, по его мнению, скорее, *несвобода*. Она не способна дать ни мира, ни благополучия народу. «Кровавой вольностью» называет Пушкин мятеж изменника гетмана Мазепы в своей поэме «Полтава». Осуждая этот мятеж во имя свободы, он как бы предостерегает о неминуемой тирании, которая может последовать за победой мятежников:

Не многим, может быть, известно...

.....

*Что он не ведает святыни,
Что он не помнит благостины,
Что он не любит ничего,
Что кровь готов он лить как воду,
Что презирает он свободу,
Что нет отчизны для него.*

(V, 25)

Не случайно Пушкин часто окрашивает слово «Свобода» эпитетами «священная» («Андрей Шенье») или «святая» («Вольность», «К Чаадаеву»).

Любопытен диалог между Пушкиным и англичанином, сохранившимся в черновой редакции «Путешествия из Петербурга в Москву»:

«*Он*. Что такое свобода?

Я. Свобода есть возможность поступать по своей воле.

Он. Следственно, свободы нет нигде — ибо везде есть или законы, или естественные препятствия.

Я. Так, но разница — покоряться предписанным нами самими законам или повиноваться чужой воле» (XI, 231).

В этом диалоге собеседник поэта видит в законе причину несвободы, Пушкин же не мыслит закона без учета воли народа. Он против деспотических законов, принуждающих «повиноваться чужой воле» (т.е. воле деспота).

Заметим, что убеждения Пушкина практически не отличаются от рассуждений Канта о том, что «законодательная власть может принадлежать только объединенной воле народа» (4(2), 24). Ненавидя рабство, отмену которого Пушкин видит в сочетании мудрости правительства с единой волей народа, способной положительно повлиять на его решения, он пишет в статье «Заметки по русской истории»: «...нынче же политическая наша свобода неразлучна с освобождением крестьян, желание лучшего соединяет все состояния противу общего зла, и твердое, мирное единодушие может скоро поставить нас наряду с просвещенными народами Европы» (XII, 202).

Человек по Канту «есть цель сама по себе, т. е. никогда никем (даже Богом) не может быть использован только как средство» (4(1), 465). В «Критике способности суждения» свое понятие о том, «что такое человек». Кант связывает его

прежде всего с понятиями свободы и культуры. При этом под культурой он понимает: во-первых, способность произвольно самому ставить себе цели; во-вторых, умение осуществлять эти цели, используя природу в качестве средства для достижения свободных целей; в-третьих, способность сделать самого себя конечной целью своего собственного существования (5, 462 — 464).

Герои ранних произведений поэта А.С. Пушкина («Кавказский пленник», «Братья разбойники», «Цыганы») не могут смириться с окружающей их удушливой атмосферой действительности, стремясь найти личную свободу в иной, незнакомой для них среде, без сожаления расставаясь с привычным комфортом и, может быть, сытым и удобным существованием.

В «Кавказском пленнике» герой родом из России

*...где пламенную младость
Он гордо начал без забот;
Где первую познал он радость,
Где много милого любил...*

не может без содрогания вспоминать

*...Давно презренной суety
И неприязни двуязычной...*

В поэме (черновая редакция) пленник, хорошо познавший «превратный мир», добровольно оставляет «родной предел» в надежде обрести свободу:

*Превратный мир изведал он
И знал неверной жизни цену,
Презрев мечтаний ложный [ложивый] сон
Бесплодной [истины] замену.*

*Оставил он родной предел,
Отступник [изгнаник] света, друг природы,
И в путь далекой полетел
С веселым призраком свободы.*

(IV, 296; 297)

Он не хочет возвращаться туда, где гнет самодержавия, моральные и физические унижения человека, порочные страсти стали нормой жизни. Он надеется найти свободу «меж горцев»:

*Свобода! Он одной тебя
Искал еще в пустынном мире...*

(IV, 298)

Попав в плен, он с упоением наблюдает жизнь и быт общества совершенно иной культуры:

*В плену жестоком он познал
их нравы, воспитанье,
Любил их жизни простоту,
Беспечну дерзость, жажду [брани]
Могучих горцев красоту.*

(IV, 312)

Мы невольно сочувствуем разбойникам («Братья разбойники»), их стремлению во что бы то ни стало, даже ценой своей жизни, вырваться на свободу. Пушкин не сообщает нам о причине их заключения в темницу, о чем мы можем только догадываться. Поэтому вполне естественно воспринимаем заявление декабриста В.И. Штейнгеля, которого удивляет появление на свет в период жесточайшей цензуры этого произведения: «Непостижимо, — пишет он, — каким образом в то самое время, как строжайшая цензура внимательно привязывалась к словам, ничего не значащим, как то: ангель-

ская красота, рок и пр., — пропускались статьи, подобные Волынскому, Исповеди Наливайки, Разбойникам братьям»⁶. Сочувствие к разбойникам, по мнению Б.В. Томашевского, вызывалось прежде всего их неуемным стремлением к свободе, которое рождало настроения политического порядка.

В стихотворении «Чаадаеву» (1821) тема ухода от опостылевшего общества, от гнета несвободы уже связана с личными испытаниями и пересмотром жизненного пути поэта, сосланного по велению царя в ссылку, где он нашел «для сердца новую... тишину»:

*Оставя шумный круг безумцев молодых,
В изгнании моем я не жалел об них;
Вздохнув, оставил я другие заблужденья,
Врагов моих предал проклятию забвенья
И, сети разорвав, где былся я в плену,
Для сердца новую вкушаю тишину.*

.....

*Ищу вознаградить в объятиях свободы
Мятежной младостью утраченные годы
И в просвещении стать с веком наравне...*

(II, 187)

В 1824—1825 годах Пушкин пересматривает свой жизненный путь. Трагический апофеоз выступления декабристов на Сенатской площади в Петербурге заставил его иначе взглянуть на себя самого и на свое творчество. Теперь он, по словам В.И. Кулешова, «продолжал петь «прежние гимны», но по-другому. Это уже не лозунги дня, не призывы к поколению — он ищет более прочные исторические, народные обоснования для вольнолюбия... он отходит от абстрактного воспевания изображений свободы. У него это понятие все

---

⁶ Цит. по: Томашевский Б. Пушкин: В 2 т. М., 1990. Т. 2. С. 81.
14

больше связывается с возможностями отдельного человека. Нетерпима ему символика бурь, к которой он еще прибегал не так давно, например, в стихотворении «К морю». Эта «свободная стихия», как и людское море, беспределна и не может служить равно добру и злу»⁷. В письме к П.А. Вяземскому от 14 августа из села Михайловского в ответ на его восторги по поводу стихотворения «К морю» Пушкин писал с нескрываемым сарказмом:

*Не славь его. В наши грустный век
Седой Нептун земли союзник.
На всех стихиях человек —
Тиран, предатель или узник.*

(XIII, 290)

Обратимся к 1826—1828 годам: освобождение из ссылки, первая встреча с Николаем I, за которой следовали коронационные торжества, встречи со старыми друзьями и приобретение новых, в том числе и «любомудров», лихорадочный поиск невесты, бесконечные рауты, балы, на которых поэт был «гвоздем программы» и пр. Где уж тут углубляться в систему Канта! Говоря о душевном и психологическом состоянии поэта в этот период, примем во внимание высказывание Н. Котляровского, который, возможно, верно уловил отношения поэта с «любомудрами», находящимися в пленах идей новейшей немецкой философии: «Пушкин на чистую теоретическую философию откликался туго... Есть поэты, для которых отвлеченная мысль — родник вдохновения. Но случается, что и великий поэт чувствует себя неловко в мире отвлеченностей и избегает их или путается в них. Пушкин в них не путался, но ставил их всегда вне поля своего по-

---

⁷ Кулешов В.И. А.С. Пушкин: Научно-художественная биография. М., 1997. С. 246; 247.

этического зрения. Так, вероятно, поступал он и в кружке московских философов. Он слушал их, вставлял, вероятно, свою реплику в их споры, наслаждался ими как личностями, а они были вполне достойны его дружбы и любви, — выходил из их компании обогащенный, конечно, впечатлениями, быть может, и мыслями, но впечатлениями по преимуществу».⁸

Тем не менее мысли и впечатления, связанные с новыми идеями Канта, Шеллинга, Фихте и других философов, навеянные беседами с «любомудрами», вполне согласовывались с ранее приобретенными знаниями поэта и были для него совсем не новыми. Именно поэтому они часто проявлялись в отдельных его произведениях или письмах независимо от впечатлений, полученных случайным образом. Это были его собственные мысли, собственные суждения. Во всяком случае он так считал.

Для молодого Пушкина характерно стремление к личной свободе. Примером тому может служить его отношение к графу М.С. Воронцову, в покровительстве которого он видел разновидность рабства. В письме к А.И. Казначееву в июне 1824 года он ясно дает понять, насколько неприятна ему эта «забота»: «Я не могу, да и не хочу притязать на дружбу графа Воронцова, еще менее — на его покровительство: по-моему, ничто так не бесчестит, как покровительство... На этот счет у меня свои демократические предрассудки, вполне стоящие предрассудков аристократической гордости... Единственное, чего я жажду, это — независимости (слово неважное, да сама вещь хороша)...» (ХIII, 94). Эта мысль поэта явноозвучна тезису Иммануила Канта: «Не становитесь холопом человека. Не допускайте безнаказанного попрания ваших прав другими» (4(2), 375).

---

⁸ Цит. по: Скатов Н. Пушкин русский гений. М., 1999. С. 435.

Возвратившись из ссылки в 1826 году, Пушкин получил свободу творить от самого императора. Он был бесконечно рад этому, пока что не вполне осознавая, в какой «капкан» попал, согласившись на цензурование самодержцем своих произведений. Вдохновленный благословением самого царя, он пишет «Пророка», в котором сравнивает его с шестикрылым Серафимом; «Стансы», где призывает монарха «во всем быть пращуру подобным». Будучи формально свободным художником, Пушкин вскоре начинает понимать всю эфемерность этой свободы. И чем дальше, тем все больше он ощущает на себе вяжущую силу «сетей рабства». Именно это имел в виду «вездесущий» Кант, когда писал: «Человек рожден свободным, а между тем он повсюду в оковах. Иной мнит себя повелителем других, а сам не перестает быть рабом в еще большей степени...»⁹. Бремя несвободы Пушкин ощущал не только на себе самом, но и повсюду, куда бы не направлял свой взор.

Пушкин не мог равнодушно воспринимать реальную жизнь простых людей в том виде, в каком она была, его очень удручало осознание того, что он не может изменить положения вещей. Попытка уехать за границу, чтобы только вырваться из этого угнетающего заколдованного круга, встречает упорное сопротивление властей. «Я, конечно, презираю отчество мое с головы до ног, — в отчаянии пишет он П.А. Вяземскому 27 мая 1826 года. <...> Ты, который не на привязи, как можешь ты оставаться в России? Если царь даст мне свободу, то я месяца не останусь...» (ХIII, 279).

Через десять лет в письме к Чаадаеву Пушкин, уже не юноша, но зрелый муж, повторил мысль в отношении своей отчизны, но покидать ее он уже не намерен, так как уже признает, что теперь он не просто популярный поэт, любимец

---

⁹ Цит. по: Гулыга А. Кант. М., 1977. С. 70.

публики, а поэт-пророк, имеющий огромное влияние на умы просвещенной России, без которой он уже не мыслит своего существования, несмотря на все имеющиеся в ней пороки: самовластие, рабство, нищету. «Я далек от того, чтобы восхищаться всем, что я вижу вокруг себя, — пишет он в письме к другу, — как писатель я огорчен... многое мне претит, но клянусь вам своей честью — ни за что в мире я не хотел бы переменить родину или иметь иную историю, чем история наших предков, как ее нам дал бог» (XVI, 171).

Кант видел в рабской покорности людей «наивысшее зло в человеческой природе»: «Человек, зависящий от другого, — уже не человек, он это звание утратил, он не что иное, как принадлежность другого человека» (2, 220). Философ писал: «Склонять колени и падать ниц даже с целью показать свое преклонение перед небесными силами противно человеческому достоинству. <...> Но кто превратился в червя, не должен потом жаловаться, что его топчут ногами» (4(2), 375; 376). В то же время любое нарушение закона, по его мнению,

Могила Канта в Калининграде

«должно иметь лишь одно объяснение: оно проистекает из некоей максимы преступника (делать для себя подобное преступление правилом)» (4(2), 244). По Канту, уважение к закону есть «сознание свободного подчинения воли закона, связанного, однако, с неизбежным принуждением по отношению ко всем склонностям, но лишь со стороны собственного разума» (4(1), 406).

Пушкин, как и Кант, считал: быть личностью — значит быть свободным и реализовывать свое самосознание не на словах, а в личном поведении. «Зависимость, которую налагаем на себя из честолюбия или из нужды, — писал поэт в письме к жене от 8 июня 1834 года, — унижает нас» (XV, 156).

Чем дальше, тем чаще Пушкин задумывается над философией жизни. Его все больше волнуют мысли о государстве, о существующих законах, о правах человека, о войне, о вечном мире, о будущем России. При этом его всегда возмущала «рабская покорность» людей, с которой он сталкивался повсеместно. В письме к Е.М. Хитрово от середины (не позднее 10) сентября 1831 года Пушкин не без горечи пишет о том, что: «У нас нет слова для выражения понятия безропотной покорности, хотя это душевное состояние, или, если вам больше нравится, эта добродетель чрезвычайно свойственна русским. Слово «столбняк», пожалуй, передает его с наибольшей точностью» (XIV, 224).

Пушкин не может равнодушно воспринимать политическое безразличие народа. В стихотворении «Свободы сеятель пустынный» (1823), написанном по поводу падения революции в Неаполе, когда карбонарское движение было подавлено при полном равнодушии народа, поэт выражает свое личное отношение к этому «равнодушию». Он рассчитывает на то, что проницательные читатели поймут, в кого направлен этот «выстрел»:

*Паситесь мирные народы!
Вас не разбудят чести клич.
К чему стадам дары свободы?
Их должно резать или стричь.
Наследство их из рода в роды
Ярмо с гремушками да бич.*

(II, 302)

Защищая свободу печатного слова, Кант рассматривал ее как «единственный палладиум прав народа». «Запрещение публичности, — по его словам, — препятствует продвижению народа к лучшему, даже в том, что касается наименьшего из его требований, его естественного права»¹⁰. По мнению философа, гражданин государства, и притом с позволения государя, должен иметь право открыто высказывать свое мнение о том, какие из распоряжений государя кажутся ему несправедливыми по отношению к обществу. Однако при этом он предупреждал, что «надо повиноваться ныне существующей власти, каково бы ни было ее происхождение» (4(2), 234). Кант убежден, что «против законодательствующего главы государства нет правомерного сопротивления народа, ведь правовое состояние возможно лишь через подчинение его устанавливающей всеобщие законы воле; следовательно, нет никакого права на возмущение (seditio), еще в меньшей степени — на восстание (rebellio)» (4(2), 242). Свобода выражать свои мысли, какими бы сомнительными они ни были, без страха быть наказанным или подвергнутым гонению, без навязывания под давлением чужих мыслей и идей, вытекает, по Канту, «уже из коренных прав человеческого разума, в которых каждый имеет голос...» (3, 626). Но суверен (власть), как известно, учреждает цензуру, являющуюся законом для

---

¹⁰ Кант И. Спор факультетов. Калининград, 2002. С. 212.

подданных и призванную не выпускать в свет ничего из того, что претит ее идеологии, установленному ею порядку.

Со временем Пушкин приходит к пониманию тщетности открытого противления властям. Если в юношеские годы он позволял себе сочинять эпиграммы на Александра I и Аракчеева, в какой-то мере будучи подогретым тщеславием и близостью с оппозиционно настроенной молодежью, за которые он заплатил ссылкой на юг, то в дальнейшем жизнь научила его разумно использовать новые формы выражения своих мыслей. Уже в 1822 году в своем стихотворении «Послание цензору» он, как будто прислушиваясь к «советам» Канта, заметно «сдерживает удила», весьма осторожно прикрывая свой протест против реакционной цензуры критикой наиболее одиозного цензора Бирюкова. При этом предупреждает читателя:

*Не бойся: не хочу, прельщеный мыслью ложной,
Цензуру поносить хулой неосторожной...*

Но даже непросвещенный читатель видит в «Послании» всю пушкинскую нелюбовь и откровенное презрение ко всей царской цензуре:

*А ты, глупец и трус, что делаешь ты с нами?
Где должно б умствовать, ты хлопаешь глазами;
Не понимая нас, мараешь и дерешь;
Ты черным белое по прихоти зовешь:
Сатири пасквилем, поэзию развратом,
Глас правды мятежом, Куницина Маратом.
Решил, а там поди, хоть на тебя проси.
Скажи: не стыдно ли, что на святой Руси,
Благодаря тебя, не видим книг доселе? ...
<.....>*

*О варвар! Кто из нас, владельцев русской лиры,
Не проклинал твоей губительной секиры?*

(II, 267)

Пушкин хотел бы видеть в цензоре «гражданина», который должен «ум иметь прямой и просвещенный» да

*Закону преданный, отечество любя,
Принять ответственность умеет на себя...*

Борясь с цензурой, Пушкин порой вынужден был прибегать к спискам, в чем упрекал цензора, хотя хорошо знал, что цензор только лишь выполнял волю правительства или самодержца:

*... поверь мне, чьи забавы —
Осмеивать Закон, правительство иль нравы,
Тот не подвергнется взысканью твоему;
Тот не знаком тебе, мы знаем, почему —
И рукопись его, не погибая в Лете,
Без подписи твоей разгуливает в свете.*

<.....>

Памятник А.С. Пушкину (ск. М.К. Аникушин), г. Калининград

*И Пушкина стихи в печати не бывали;
Что нужды? Их и так иные прочитали.*
(II, 267)

Другой формой борьбы с цензурой стало использование Пушкиным в своем творчестве языка немецкого писателя Э.Т.А. Гофмана. Примером тому может служить стихотворная переписка Пушкина с Вяземским летом 1826 года, которая, по словам Р.В. Иезуитовой, «характеризует резкий перелом в самих принципах политического иносказания: открытая программность, подчеркнуто гражданский пафос сменяются более сложными и завуалированными формами выражения политических и общественных эмоций, возрастает роль лирического подтекста, особые намеки и слова-символы становятся своеобразными по своей эстетической функции шифрами к пониманию скрытого смысла стихотворения»¹¹.

---

¹¹ Иезуитова Р.В. К истории декабристских замыслов Пушкина. 1826—1827 гг. // Пушкин: Исследования и материалы. Ленинград, 1983. Т. 11. С. 92.

Антонина Дорохова

«Записки пушкиниста»

Чаусская строка в биографии «арата Петра Великого»

Удивительным образом порой пересекаются во времени история с географией, события, человеческие судьбы...

В Колыванском краеведческом музее хранится «прозрачный портрет» А.С. Пушкина – свидетель двухдневных городских торжеств по поводу 100-летнего юбилея великого поэта в 1899 году. Но, оказывается, и в истории Чаусского острога – предтечи Колывани – имеются строки, связанные с предком Александра Сергеевича – прадедом по материнской линии – Абрамом Петровичем Ганнибалом.

Необычайна судьба этого человека. Он родился в 1696 году в семье наследного эфиопского князя, «губернатора приморской провинции», в резиденции Логон девятнадцатым ребенком. При султане Ахмете III его, семилетнего мальчика, увезли аманатом (заложником) в Константинополь. Оттуда,

в числе трёх похищенных Саввой Лукичом Рагузинским арапчат, его привезли в Москву в подарок Петру I. Вручение «подарка» состоялось 13 ноября 1704 года. А в июле 1705 года Петр I крестил мальчика и нарекли его Петром Петровичем. Но он попросил своего великого крёстного называться именем, к которому привык, и ему было разрешено. С этого года Абрам Петрович неотлучно находился при Петре I: сначала камердинером, затем личным секретарём. Участвовал в битве при Лесной, в Полтавском сражении, взятии Пернова и Нейшлота, высадке в Або, Прутском походе.

В 1717 году А.П. Ганнибала Пётр I оставляет во Франции для получения военного образования. Там он окончил артиллерийскую школу в Ла Фер, где в те годы преподавал лучший математик и фортификатор своего времени Бернар Белизор. По поручению Петра I шефство над А.П. Ганнибалом взяли побочный сын Людовика XIV и главнокомандующий всей французской артиллерией генерал де Вальер. Учёба юноше давалась легко, учился он прилежно, стал прекрасным офицером: в войне с Испанией отличился в сражениях, был ранен в голову, получил чин капитана и почести, достойные храбреца. Его оставляли служить во Франции, но своей второй родине он не изменил.

В Россию Абрам Петрович вернулся в 1723 году, снова стал личным секретарём Петра I, хранителем его библиотеки, чертежей. Он и сам собрал библиотеку, в которой насчитывалось свыше 400 томов. Это был образованнейший человек Петровской эпохи. С самой лучшей стороны проявил себя при руководстве строительством кронштадтских доков. А с 7-го февраля 1724 года был определён поручиком в бомбардирскую роту Преображенского полка, где Пётр I был капитаном. С осени 1724 года строил новые укрепления в Риге, поправлял старые.

После смерти Петра I во время царствования Екатерины I Абрам Петрович оставался на той же должности в Преображенском полку, ему также поручили обучать внука Петра I. За эти годы он выполнил рукопись двухтомного труда «Геометрия и фортификация», ставшего классическим пособием, по которому учились А.В. Суворов, М.И. Кутузов и другие прославленные полководцы. Кстати, в Инженерной школе любимым учеником у преподавателя А.П. Ганнибала был М.И. Кутузов. При Екатерине I светлейший князь и фельдмаршал А.Д. Меньшиков становится всесильным временщиком; помолвив свою дочь с малолетним Петром II, стал управлять государством, не обращая внимания на мнение Верховного Тайного Совета. Под его диктовку Пётр II издает указ, по которому А.П. Ганнибала сначала отправили в Казань «тамошнюю крепость осмотреть и каким образом её починить или вновь запотребно разсудить, сделать цитадель, тому учинить план и проект». Пробыв в Казани всего 25 дней, он получил «Ордер светлейшего князя А.Д. Меньшикова Абраму Ганнибалу отправиться в Тобольск строить крепость», куда и прибыл 30 июля 1727 года.

В Тобольске А.П. Ганнибал произвёл неотразимое впечатление в форме офицера лейб-гвардии Преображенского полка. Все знали его как соратника Петра I, лучшего фортификатора России. Деятельно принявшихся за работу, он успел просмотреть планы острогов, построенных в допетровские и петровские времена, а по новому ордеру от 3-го августа 1727 г. уже должен был следовать на китайскую границу «...для возведения фортеций (крепостей, укреплений) в г. Селенгинске». Это была замаскированная «почетная» ссылка.

В ноябре 1727 года он прибывает в Иркутск, а в декабре – в Селенгинск. По пути он посетил Томск и другие города Сибири, расположенные по Сибирскому тракту, давая советы по укреплению острогов.

После падения А.Д. Меньшикова временщиками стали князья Долгорукие. Им тоже не нужен был при дворе сподвижник Петра I, и 29 декабря 1729 г. сибирскому губернатору приходит копия с резолюции Верховного Тайного Совета «...коей постановлено отобрать у А.П. Ганнибала на китайской границе все его письма и по запечатании их отправить в Москву, а самого Ганнибала – в Томск, где и держать до указа с пристойным конвоем.» Ганнибал, к этому времени уже доехавший из Селенгинска до Тобольска, был отправлен в Томск. Там его держали под арестом, выдавая по 10 рублей на прокормление.

С 1728 года А.П. Ганнибал уже не числился в Преображенском полку. Переходя служить из гвардии в армейские гарнизоны, находящиеся в провинции, офицер повышался в звании на два чина; так что А.П. Ганнибал стал майором не по своему желанию. А это значило, что его намеревались держать подальше от столицы.

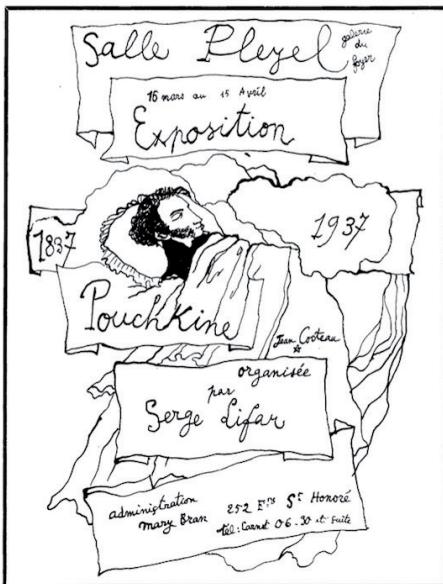
Между тем, очередные временщики, князья Долгорукие, как и Меньшиковы были сосланы в Пелым, после недолгого царствования, а 18 января 1730 года скончался 14-летний Пётр II и воцарилась Анна Иоанновна. Фельдмаршал Б.Х. Миних, заведовавший Военной коллегией, ощущая острую нехватку военных инженеров, помог А.П. Ганнибалу вернуться из Сибири. В сентябре 1730 года вышел указ Сената, и Абрам Петрович отбыл из Томска в Петербург.

За всю свою «сибирскую одиссею» (1727–1730 гг.) Ганнибал не менее 4-х раз побывал в Чусском остроге: останавливался, менял лошадей, и, конечно, как инженер – фортификатор инспектировал строения острога и его вооружение.

Когда в 1752 году инженер – генерал-майор А.П. Ганнибал стал заведовать всеми инженерными сооружениями России, и он снова большое внимание уделял сибирским крепостям и острогам, входившим в его ведомство.

Александр Громов

Четвертый праздник Пушкина

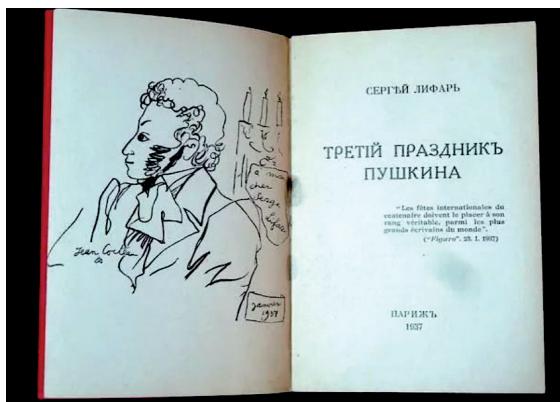
Афиша Пушкинской выставки. Париж.
1937 г. Худ. Ж.Кокто

Весной 1937 года в Париже, в зале «Плейель» с большим успехом прошла выставка «Пушкин и его эпоха». Советская сторона всеми силами препятствовала проведению юбилейной пушкинской выставки за пределами СССР, но русские эмигранты и лично Серж Лифарь, великий танцовщик и балетмейстер, горячий поклонник творчества А.С. Пушкина, сделали все возможное, чтобы достойно отметить память великого русского поэта вдали от родной земли.

«Третий праздник Пушкина¹» – так эмоционально назвал юбилейную выставку 1937 года Серж Лифарь (Лифарь, Сергей Михайлович, 1905, Киев – 1986, Лозанна). Двумя другими праздниками «мирового гения» он справедливо по-

¹ Лифарь С.М. Третий праздник Пушкина. Париж: Изд. С.Лифаря; Тип. Сооп Етоile. 1937.

считал открытие памятника Пушкину в Москве в 1880 году и юбилейные торжества по случаю столетия поэта в 1899 году.

С. Лифарь. Третий праздник Пушкина. Париж. 1937

Серж Лифарь был не только великим балетным артистом, но и увлеченным коллекционером, всю жизнь верно служившим «национальному поэту», о чем он рассказал в своей книге «Моя зарубежная Пушкиниана. Пушкинские выставки и издания» (Paris: Editions Berésniak, 1966). Двадцать лет спустя после эпохальной пушкинской выставки 1937 года он сумел организовать еще одну выставку, которую с полным правом можно назвать «Четвертым праздником Пушкина». К сожалению, об этой выставке сохранилось очень мало письмен-

С. Лифарь. Моя зарубежная пушкиниана. Титул.
Париж. 1966

ных свидетельств, и она практически не известна широкому кругу почитателей великого поэта.

В моём собрании «пушкинских» эфемер² находится интересный документ, имеющий прямое отношение к «Четвёртому празднику Пушкина» – программа «Концерта – бала по случаю 150-летия со дня рождения Пушкина», который состоялся 25 июня 1949 г. в Париже, в помещении «Русской гимназии имени княгини Л.П. Донской» по адресу: Бульвар Отёй, д. 29, Булонь³. Программа, выполненная в виде брошюры содержащей 20 страниц, имеет весьма импозантный вид – она заключена в издательскую обложку (27,2x21 см), напечатанную на плотной бумаге серо-жёлтого цвета с тиснёным бронзой барельефным портретом поэта (точно таким, как на аверсе медали, выбитой в честь Пушкинской выставки 1937 года в Париже).

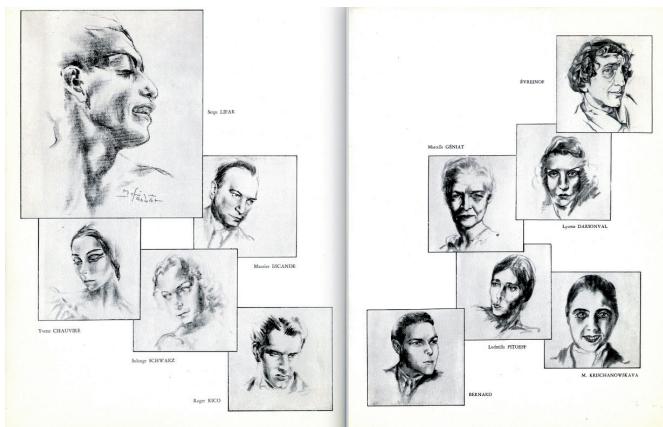
² Эфемеры (*от греч. Ерхемерон – скоротечный, однодневный*) – печатные (реже рукописные) издания, не предназначенные для долгосрочного использования. К ним относятся: однодневные листки, специальные выпуски, приглашения, программы мероприятий, листовки, анонсы, афиши и многое другое.

³ Булонь-Бийанкур – местность на западной окраине Парижа (16-й Округ), названная по имени двух старинных деревень, расположавшихся на территории знаменитого дубового «Булонского леса», который в раннем средневековье носил название «Лес Рувр». В 1920-е гг. Булонь и ее ближайшие окрестности стали прибежищем и местом работы для многих русских эмигрантов «первой волны». Здесь жили князь Ф.Юсупов с женой, княжной Ириной Александровной, писатели А.Ремизов, В.Набоков, Д.Мережковский, З.Гиппиус, В.Ходасевич, Н.Берберова, театральный деятель Н.Евреинов и многие др. Нина Берберова кратко и выразительно охарактеризовала Булонь-Бийанкур в книге «Курсив мой»: «В Булони был стадион, в Булони были скачки (*Ипподром «Отёй»*). В Бийанкуре был автомобильный завод «Рено». В Бийанкуре была улица, где сплошь шли русские вывески... Ночью (на Поперечной улице) шумел, галдел русский кабак...».

Программа «Концерта-бала». Обложка, титул

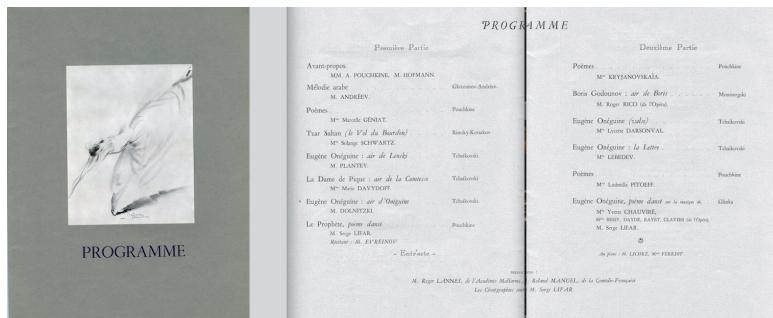
В брошюре содержится статья «Наш Пушкин» (на русском и французском языках), написанная Сержем Лифарём, в которой помещены две страничные иллюстрации знаменитых русских художников А.Н. Бенуа и М.В. Добужинского (к «Медному всаднику» и «Евгению Онегину»). Отметим особо разворот в середине брошюры с рисованными портретами артистов, выступавших в тот знаменательный день

Портреты участников концерта

в праздничном концерте. Они были исполнены знаменитой французской художницей Моник Ланселот (Monique Lancelot, 1923–1982), посвятившей свою творческую жизнь искусству балета. Она является автором портретов многих звезд французского театра, иллюстратором нескольких книг об искусстве балета, в частности, одного из изданий книги «Основы академического танца», написанной Сержем Лифарем (изд-во «Bordas», Париж, 1949).

В брошюру вложена «Программа» на французском языке (4 с.), отпечатанная на тонированной серой бумаге с красивой «балетной» иллюстрацией Моник Ланселот на первой странице и стихотворением А.С. Пушкина «Пророк» на французском языке в переводе М. Расловлева⁴, помещенным на последней странице.

Программа «Концерта – бала»

Сержу Лифарю удалось собрать поистине звездный интернациональный состав для концерта, который состоялся 25

⁴ Михаил Сергеевич Михайлов-Расловлев (1892, Саратовская губ. – 1987, Париж) – русский писатель, поэт, переводчик. Принадлежал к старинному дворянскому роду Михайловых-Расловлевых. Морской офицер, Георгиевский кавалер, один из лидеров монархического движения русской эмиграции. Многолетний член правления Общества сохранения русских культурных ценностей, член Морского собрания. Много сделал для популяризации русской литературы на Западе.

июня 1949 года. В нем участвовали известные русские артисты: певцы – М.С. Давыдова (1889, Санкт-Петербург–1987, Париж) и З.К. Дольницкий (1896, Польша–1976, Париж), драматические актрисы М.А. Крыжановская (1891–1979, Париж), Людмила Питоэфф (1899, Тбилиси–1951, Рюей-Мальмезон), киноактриса Марсель Жениа (Marcelle Géniat, 1881, Петербург–1959, Валь-де-Марн). Из французских артистов выделим: солиста (бас) «Гранд Оперы» Роже Рико (Roger Rico, 1910–1964), прима-балерин Соланж Шварц (Solange Schwartz, 1910–2000), Лисетт Дарсонваль (Lycette Darsonval, 1912–1966), Иветт Шовире (Yvette Chauviré, 1917–2016). Конферирувал концерт артист знаменитого театра «Комеди Франсэз» Ролан Манюэль (Roland Manué, 1891–1966). Вдохновенно прозвучало в конце первого акта пушкинское стихотворение «Пророк» в исполнении великого русско-французского режиссера, реформатора драматического театра Н.Н. Евреинова (1879, Москва–1953, Париж). Под эту декламацию танцевал сам Серж Лифарь. Завершил концерт номер, поставленный Сержем Лифарем на музыку П.И. Чайковского к «Евгению Онегину».

Концерт-бал 25-го июня 1949 г.
На фотографии: Лисетт Дарсонваль,
А.Н. Пушкин, С. Лифарь, Иветт Шовире

гину». В нем великий танцор выступил с прима-балеринами «Гранд Опера». Все выступления имели огромный успех у собравшейся публики. После концерта был организован большой бал с угощением.

Следует сказать, что выпуск 1948/49 учебного года в парижской «Русской гимназии» был объявлен «Пушкинским выпуском», так что «Концерт-бал» явился достойным завершением обучения. Однако «Четвертый пушкинский праздник» по-настоящему лишь начинался, поскольку вслед за «Концертом-балом» последовало открытие «пушкинской» выставки. Позволим себе привести цитату из книги «Моя зарубежная Пушкиниана», хорошо раскрывающую мотивы, побудившие С. Лифаря снова взяться за весьма непростое дело.

Выпускной жетон «Русской гимназии». 1948

«Мои усилия на этот раз были направлены в сторону русской молодежи, живущей в Париже. Эти юноши и девушки, достигшие уже такого возраста, в котором доступно восприятие поэзии Пушкина и сознательное отношение к его творчеству, родились и выросли на чужбине, вдали от источников родной великой культуры, и тем более необходимо было направить свои усилия на ознакомление их с этой родной

культурой. Вот почему, задумав вторую Пушкинскую выставку, я решил устроить ее в русском учебном заведении – в русской гимназии имени кн. Донской, в Париже. Выставка эта, на которой, помимо книг, рукописей, рисунков и других реликвий великого поэта из моей собственной коллекции, было много экспонатов, любезно предоставленных мне другими коллекционерами, продолжалась с 26 июня по 10 июля 1949 года и имела большой успех не только у посещавших ее школьников, но и у многочисленных посетителей старшего возраста. Всего на выставке было представлено более 150 экспонатов.»

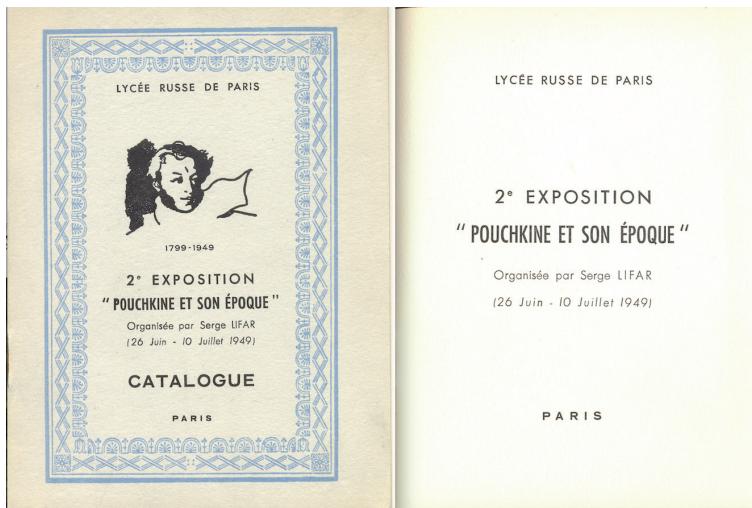
«Бал-концерт» и последовавшая за ним вторая «пушкинская» выставка прошли под председательством правнука великого поэта (предпоследнего прямого потомка по мужской линии) – Александра Николаевича Пушкина⁵.

К выставке был выпущен иллюстрированный каталог «2-я выставка “Пушкин и его эпоха”» на французском языке, первую страницу обложки которого оформил живший в Париже известный художник Ю.П. Анненков (1889, Петропавловск–1974, Париж). Отметим, что помещенный на обложке рисунок не повторял широко известный графический портрет А.С. Пушкина, выполненный художником в 1937 году.

Обе эфемеры – программа «Бала-концерта» и каталог второй «пушкинской» выставки представляют музейную ценность. Они весьма редки в силу их малого тиража (не более 150 экземпляров) и практически не встречаются в букинистической и аукционной продаже.

---

⁵ Пушкин Александр Николаевич (1909–1968), правнук А.С. Пушкина. Происходит из ветви потомков, берущей начало от старшего сына поэта А.А. Пушкина (1833–1914). На бездетном сыне Александра Николаевича – Александре Александровиче Пушкине ветвь прямых потомков А.С. Пушкина по мужской линии закончилась... (А.А. Пушкин (р. 1942; женат на Марии-Мадлен Дурново, своей троюродной сестре) проживает в Бельгии, имеет российское гражданство, часто приезжает в Россию.)

Каталог выставки. Обложка. Титул

*Портрет А.С. Пушкина.
Худ. Ю. Анненков. 1937*

Настало время рассказать о «Русской гимназии имени княгини Л.П. Донской» (иногда ее называют на французский манер – «Русский лицей» (Lycée russe)). Совершим небольшой экскурс в историю. В начале 1920-х гг. во Франции оказались десятки тысяч русских эмигрантов, большинство приехали целыми семьями, с детьми разных возрастов. Им приходилось налаживать свою жизнь в нелегких условиях привыкания к новой язы-

ковой, культурной, социальной среде. Одной из серьёзных проблем стало обучение детей и молодежи. Для решения этой задачи в Париже, этой «столице» русской эмиграции по согласованию с властями был организованы ряд высших учебных заведений: Русский народный университет, Православный богословский институт, Русский политехнический институт, Русская консерватория. При Сорbonне и Парижском университете были созданы языковые и подготовительные курсы.

Особенно не хватало в то время начальных и средних школ, где бы дети могли учиться на русском языке. В январе 1920-го года в Париже были созданы курсы для русской молодежи, готовящейся к сдаче экзаменов на аттестат зрелости. Занятия проходили в здании посольства Российской Империи на улице Гренель⁶, в квартире бывшего посла Временного правительства В.М. Маклакова (1869, Москва—1957, Баден, Швейцария). Летом того же года состоялся выпуск первой группы слушателей курсов, и было принято решение об открытии в Париже русской средней школы (гимназии).

Деятельное участие в создании гимназии принял ряд эмигрантских организаций, в первую очередь «Общество помоши детям беженцев из России» и лично его председатель М.А. Маклакова (сестра посла). Первым директором гимназии стал известный деятель народного просвещения, бывший директор известной московской Медведниковской

---

⁶ Посольство Российской Империи располагалось в красивом историческом здании (№ 79) по улице Гренель, расположенной в центральной части столицы Франции. Это здание – бывший дворец маршала д'Эстре, построенный в 1711–1713 гг. и выкупленный в 1863 г. русским правительством. После установления в 1924 г. дипломатических отношений между СССР и Францией здание стало Посольством СССР. После постройки в 1970-х гг. в 16-м округе Парижа комплекса зданий для Посольства СССР в «старом» здании на улице Гренель расположилась резиденция посла.

гимназии (в наши дни Гимназия №1529 им. А.С. Грибоедова) В.П. Недачин (1863, с. Белоручье—1936, Париж). Занятия в гимназии, расположенной в здании на улице Доктора Бланша (16-й Округ), начались в первых числах октября 1920 года. Русская школа была в подчинении Министерства народного просвещения Франции, поэтому выдававшиеся в ней аттестаты зрелости, приравнивались к французским. К концу 1920-х гг. число учащихся гимназии достигло цифры 250.

Русская гимназия постоянно испытывала серьёзные финансовые трудности. Более 70% учащихся в силу тяжелого материального положения их родителей учились бесплатно либо пользовались льготами. Не хватало денег на аренду помещения, зарплату учителям, учебные пособия. «Общество помощи детям беженцев из России» само находилось в крайне стесненных финансовых условиях и мало чем могло помочь гимназии. В 1928 году русская школа оказалась на грани неминуемого закрытия.

Ситуация коренным образом изменилась, когда на пост председателя «Общества помощи детям беженцев из России» пришло новое лицо – хорошо известная в эмигрантской среде Леди Лидия Детердинг (Lady Lydia Deterding). Кем же была эта женщина – Леди Детердинг, она же княгиня Донская, она же...? Чтобы ответить на этот вопрос, расскажем все по порядку.

Одна из легенд русской эмиграция – Лидия Павловна Кудеярова – именно о ней идёт речь, родилась 27 марта (ст. ст.) 1904 года в Ташкенте, где в армии служил ее отец (по некоторым данным имевший чин генерала). О ее детстве и ранней юности практически ничего не известно. Ее взрослая жизнь началась рано – уже в 16 лет она выходит замуж за своего дальнего кровного родственника, князя из знатного армянского рода Якова Герасимовича (Акопа Карапетовича)

Багратуни⁷, который был генерал-майором русской армии, боевым офицером, прошедшим Русско-японскую и Перову мировую войны, имевшим многочисленные высокие воинские награды. Разница в возрасте между супругами составляла 25 лет.

В самом начале 1920-х гг. Я. Багратуни и его молодая жена жили в Лондоне, где генерал, помотавшийся на фронтах Гражданской войны на стороне белых сил, представлял интересы тогда еще независимой Республики Армении. (Советская власть была в Ереване установлена в декабре 1920 года, но проармянские националистические силы на Западе все еще надеялись на свержение власти большевиков.) Семья жила в весьма стесненных материальных условиях. Лидия, как следует из отрывочных сведений из разных источников, подрабатывала пением в кафе, работала в магазине. В 1924 году произошла перевернувшая её жизнь встреча с недавно овдовевшим «королем нефти», британским подданным Сэром Генри Детердингом⁸. По одной версии супруги Багратуни были приглашены из Лондона на великосветский бал в

---

⁷ Багратуни, Акоп Карапетович (1879, Ахалцихе, Грузия–1943, Лондон), генерал –майор русской армии, генерал армии Армении. Представитель древнего кавказского княжеского (царского с 885 по 1045 гг.) рода Багратионов (Багратуни – в Армении, Багратиони – в Грузии). Доблестно сражался на фронтах Русско-японской и Первой мировой войн. Имел высокие награды. Осенью 1917 г. – Главнокомандующий войсками Петроградского военного округа, безуспешно пытался противостоять большевикам в ходе Октябрьского переворота. В 1918–1919 гг. формировал армянские воинские подразделения на Кавказе. В эмиграции добивался признания независимости Армении.

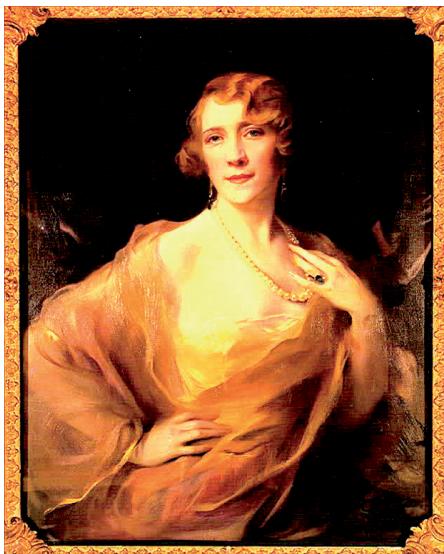
⁸ Сэр Генри Детердинг (Sir Henri-Wilhelm-August Deterding, 1866–1939), голландский нефтяной магнат, основатель и президент (с 1900 по 1936 гг.) компании «Ройял Датч Шелл». Один из богатейших людей начала XX века. Ярый противник большевизма, активно финансово поддерживал нацистский режим Третьего Рейха. Был трижды женат, вторым браком на Л.П. Кудеяровой.

знаменитом парижском отеле Крийон, где молодая супруга генерала и познакомилась с Детердингом. По другой версии Лидия работала какое-то время в Париже, в салоне «высокой моды» у известной художницы-модельера Жанны Пакен (Jeanne Paquin, 1869–1936), и именно туда случайно зашел Детердинг. По этой же, «парижской» версии у Лидии в то время был роман со знаменитым нефтяным дельцом Галустом Гюльбенкяном, известным в деловом мире как «Господин 5 процентов»⁹. Как бы то ни было, но Сэр Генри Детердинг с первого взгляда влюбился в молодую русскую эмигрантку (разница в возрасте между ними была 38 лет).

Не будем останавливаться на деталях бракоразводного процесса Лидии и генерала Багратуни (злые языки говорили, что генерал выторговал у Детердинга большие «отступные»), скажем лишь, что свадьба состоялась весьма быстро. Сэр Генри Детердинг был человеком решительных действий. Перед Леди Детердинг, так теперь стала именоваться Л.П. Кудеярова, открылись практически неограниченные финансовые возможности. Поместья в Англии и Германии, дома в Лондоне и Париже, лучшие курорты Европы, новый круг родовитых и влиятельных знакомых – такая жизнь окружала теперь новоиспеченную леди. К чести Лидии Павловны надо сказать, что, пользуясь открывшимися возможностями, она «не ожесточилась сердцем», как это часто случается с нуворишами, но, напротив, проявила искреннюю доброту и заботу по отношению к русским эмигрантам, чью нелегкую жизнь хорошо

---

⁹ Гюльбенкян, Галуст Sarkis (Kalust Sarkis Gülbenkyan, 1869–1955), британский финансист, промышленник, крупный нефтяной магнат, организатор многих сделок, за которые требовал 5% от суммы сделки (за что был прозван «Господин 5%»). Крупный коллекционер и библиофила. В 1920-х гг. покупатель многих картин из Эрмитажа. Филантроп, организовавший в Лиссабоне, где проживал в 1950-х гг., первоклассный художественный музей своего имени.

*Леди Детердинг. Портрет работы
Филиппа де Ласло. 1928*

знала по собственному, к счастью короткому, опыту. Единственной ее личной, чисто женской слабостью была тяга к приобретению ювелирных изделий. Ее коллекция вскоре стала одной из богатейших в мире. В ней, среди прочего, находились ювелирные изделия, принадлежавшие особам Императорского дома Романовых. Распродажа этого уникального собрания драгоценностей на аукционе Christie's в 1980 году в Женеве стала

большим событием в мире аукционной торговли. (По этому случаю был выпущен специальный каталог.)

Подробное перечисление всех добродеяний Леди Детердинг заняло бы не одну страницу. Она долгие годы поддерживала различные эмигрантские общественные организации, содействовала реставрации нескольких православных храмов и церквей в разных городах Франции, выдавала стипендии русским студентам, молодым художникам и писателям и т.д., и т.п. Весом её вклад и во французскую культуру – она выделяла средства на содержание и реставрацию различных исторических и художественных объектов, включая Версальский дворец и Музей Почетного легиона. Не случайно её усилия были вознаграждены высокими наградами – знаком отличия Международного комитета Красного Креста (1926) и орденом Почетного легиона Франции (1956). В 1936 году

самопровозглашенный Император Всероссийский Великий князь Кирилл Владимирович (двоюродный брат Николая II; 1876, Царское Село – 1938, Париж) пожаловал Лидии Павловне титул княгини Донской. Этот факт говорит в пользу версии, что предки Л.П. Кудеяровой были донскими казаками. (Когда молодая Лидия выступала на сцене её, по воспоминаниям современников, объявляли, как «донскую казачку».)

Важен тот факт, что Сэр Генри Детердинг был открытым и ярым борцом с «большевистскими идеями», выделял значительные средства на всевозможные действия, направленные против СССР. Очевидно, что здесь большую роль сыграла потеря им сверхвыгодных концессий на Каспийском шельфе после национализации бакинских промыслов большевиками. К благотворительным действиям своей супруги в отношении русских эмигрантов Детердинг относился более чем лояльно, вероятно считая, что они наносят урон ненавистной Москве. Сэр Генри Детердинг открыто поддерживал нацистов, финансировал многие проекты Третьего рейха. Такая политика в итоге стоила ему потери в 1936 году поста президента компании «Ройял Дафф Шелл», которую он основал в 1900 году. Лидия Павловна Кудеярова, имевшая двух дочерей от Детердинга, развелась с ним в том же 1936 году. Бывший супруг оставил ей внушительный капитал, обеспечившей безбедную жизнь до конца дней. Скончалась Л.П. Кудеярова – Леди Детердинг в 1980 году в Париже и похоронена на самом «русском» кладбище Сен-Женевьев-де-Буа.

Оставим семейные и великосветские детали долгой жизни Лидии Павловны. Скажем несколько слов о её роли в истории «Русской гимназии» и пушкинских торжеств во Франции.

В 1928 году семейство Детердингов выделило средства на содержание «Русской гимназии», которая была размещена, как мы уже говорили, на улице Д-ра Бланша в 16-м Округе

Парижа. Однако через два года помещение школы перестало вмещать учащихся, число которых быстро росло и к началу учебного года превысило 250 человек. Для решения проблемы в 1930 году было куплено новое здание все в том же 16-м Округе, на Бульваре Отёй (дом №29) недалеко от Булонского леса. Церемония открытия «Русской гимназии» была торжественной и многолюдной, на ней помимо русских эмигрантов присутствовали представители французских властей, наблюдатели от международных организаций, пресса. Мобелен и освящение нового здания провел Митрополит Евлогий, Глава Русской православной церкви в Европе.

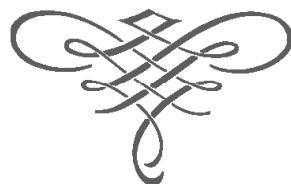
Здание на Бульваре Отёй быстро стало подлинным «русским центром» в столице Франции. Помимо средней школы в нем разместились: Русский коммерческий институт, многочисленные воинские и гражданские эмигрантские союзы, благотворительные и творческие организации. На бульваре Отёй устраивались выставки, праздники, новогодние ёлки, ставились спектакли, проходили «Дни русской культуры», приуроченные, как правило, к различным пушкинским датам. (Это была обычная практика в большинстве стран, где проживали русские эмигранты.) В 1939 году леди Детердинг купила соседнее со школой здание, что позволило увеличить масштабы проводимой работы. Учитывая заслуги Лидии Павловны, созданная ею школа стала называться «Русской гимназией имени княгини Л.П. Донской».

В годы Второй мировой войны «Русская гимназия» была на несколько месяцев переведена в Бретань, но вскоре вернулась в Париж. Она просуществовала до 1961 года, выпустив за сорок лет более 1000 бакалавров. Лидия Павловна последний раз посетила свое детище в 1955 году. В конце прошлого века особняк на бульваре Отёй был продан, а затем разобран. Сегодня на его месте стоит большое жилое здание.

*Ученики и преподаватели «Русской гимназии».
В центре сидит Леди Детердинг*

Остаётся сказать, что Леди Детердинг принимала активное участие не только в проведении второй выставки «Пушкин и его эпоха» 1949 года. В 1937 году она была активным членом «Центрального Пушкинского Комитета» (1935–1937) – органа по подготовке всемирных пушкинских торжеств, финансово помогала Сержу Лифарю в организации юбилейных мероприятий и выпуске книг.

*Orepk u
публицистика*

Людмила Тонышева

Обида

(непридуманная история)

Бывают обиды, которые не затихают в душе человека до самой смерти. Вот о такой неистребимой и почти сокрушающей обиде я и хочу рассказать. А случилась эта история два века назад.

В Санкт-Петербурге было литературное объединение под названием «Беседа любителей русского слова». Возглавлял его мэтр поэзии Г.Р. Державин, а его помощником был А.С. Шишков. Почетными членами объединения были архиерей, министры, знать. Заседания проходили в доме Державина на Фонтанке.

По сравнению с «Арзамасом» и Московским литературным обществом оно не было многочисленным и просуществовало не долго, всего 5 лет (с 1811 по 1816 год), смерть Державина прекратила его работу. Судя по отзывам его сотрудников, особенно активиста – Константина Батюшкова, жалеть особенно было не о чем, вот строки из его письма другу и члену этого объединения Н.И.Гнедичу 07.11.1811 года:

«Открылась ли «Беседа»? Что делают наши петухи? Зачем хочешь печататься в «Беседе»? По крайней мере, я не советую: надо иметь характер и золота в навоз не бросать, именно в навоз, ибо кроме «Горация» Муравьева и Крылова басен там ничего путного я не видел».

Единственной женщиной в объединении была Анна Петровна Бунина. Она стала членом «Беседы» в 37 лет, при ее закрытии ей уже было 42 года.

Речь в этой истории пойдет преимущественно о ней.

Творчество этой поэтессы было многогранно: лирические миниатюры, эпиграммы, лирические стихотворения, торжественные оды, поэмы.

Никому прежде не доводилось выступать в литературное соревнование с мужчинами на равных. А Бунина рискнула, осознанно и целенаправленно взявшиясь за создание женского поэтического языка, способного выражать сложные переживания и глубокие мысли, она выступила, как смелый экспериментатор, внедряющий новые стихотворные формы и раздвигающий жанровые и стилистические границы. Ее поэзия наметила две будущих линии в женской поэзии – медитативно-рассудочную (ахматовскую) и эмоционально-чувственную (цветаевскую).

Несколько слов о ее биографии: родилась она 18 января 1774 года в родовом имении селе Урсово Ряжского уезда Рязанской губернии.

Отец – прапорщик Петр Максимович Бунин.

Мать – Анна Ивановна Ладыгина. Анна, названная в честь погибшей в родах матери, была шестым ребенком в семье. Росла и воспитывалась у тетки, с детства пристрастилась к чтению. Была влюблена в поэзию М. Ломоносова. В 1801 году, когда ей уже было 27 лет, впервые появились в печати ее стихи. В этом же счастливом для нее году случилось горе – умер отец. Анна уезжает к старшему брату в Санкт-Петербург и остается у него на целых 20 лет. Весь доход, оставленный ей от отца, тратит она на свое образование, с горечью, потом вспоминая эти годы, говорит: «Учителя меня разорили». В 1803 году выходит стихотворение в прозе «Меланхолическая прогулка одной молодой россиянки». Этот прозаический опыт получает одобрение А.Н. Карамзина. От этого у нее вырастают крылья, и уже в 1809 году она публикует первую книгу своих стихотворений под скромным названием «Не-

опытная муз». В это же время она пишет посвящение вдовствующей императрице Марии Федоровне под заголовком «О счастии». Этой поэмой она тронула императрицу до слез. И та в ответ назначает Буниной пожизненный пансион – 500 рублей.

Императрица была женщиной незаурядной, занималась покровительством женскому образованию, ею был основан ряд женских учебных заведений в Петербурге, Москве, Харькове, Симбирске и др. городах.

Но, к сожалению, литературное творчество, когда начинала Бунина, не воспринималось никем всерьез, на писательницу-женщину смотрели, как на явление аномальное. Замуж Бунина так и не вышла, целиком посвятив себя литературному труду, нажив множеством болицек и множество литературных врагов.

В 1813 году Константин Батюшков написал серьезно-шуточное стихотворение «Певец в беседе любителей русского слова», в нем он дает характеристики – 17 членам «Беседы». Характеристики едкие, колючие, юморные. Если вы обратитесь к этому стихотворению, то фамилии Буниной в нем не найдете, а ведь она уже ходила на заседания «Беседы» и печаталась в периодическом издании «Чтение в беседе любителей русского слова». Назову из этого стихотворения только фамилию – Хвостова. И позднее Вы поймете, почему называю его. Вот строки, ему посвященные:

...«Хвала, читателей тиран,
Хвостов неистощимый!
Стихи твои – наши барабан,
Для слуха нестерпимый;
Везде с стихами ты готов,
Везде ты волком рыщешь,
Пускаешь притчу в тыл врагов,

*Стихами в уши свищешь;
Лишь за поэму – прочь идут,
За оду – засыпают,
Ты за посланье – все бегут
И уши затыкают»...*

По возрасту Анна Бунина была старше К. Батюшкова на 13 лет. А Пушкина – на 25 лет! Свое первое «Письмо цензору» А.С. Пушкин написал в 1822 году, когда А. Буниной было 48 лет. Почему я считаю года, тоже Вы поймете далее. Впереди у Буниной еще 7 лет жизни. Вот об этих огорченных обидой годах и хочу сказать, потому что обида была так глубока, что вызывала заболевание сердца. У Анны Петровны Буниной пропала всякая охота браться за перо. А тот, кто сам занимается творчеством, знает, что это такое -лишиться возможности творить.

Что же это за обида и кто ее причинил?

Представьте себе, невольным виновником оказался А.С. Пушкин.

Но вначале хочу познакомить Вас с некоторыми высказываниями по поводу ее стихов коллег по «Беседе» К. Батюшкова, В. Кюхельбекера и др.

Назову в первую очередь К.Батюшкова. Именно от него она получила больше всего нареканий, незаслуженных нападок. Деятельный член «Беседы» – директор Публичной библиотеки Петербурга, а с 1817 г. – президент Академии художеств Алексей Николаевич Оленин покровительствовал К.Н. Батюшкову. Это ли обстоятельство или просто молодая горячая кровь ударила в буйную голову, но Батюшков иногда в довольно грубой, неподобающей форме мог обратиться к А.П. Буниной с такими словами: «Обыкновенная чума не действует на тех, к которым привита чума стихотворная. Вот новая чума»...

Или, к примеру, следующее: «Большая часть людей принимает за поэзию рифмы, а не чувства, слова, а не образы». И при этом указывать пальцем на Анну Петровну.

И еще обиднее было слышать ей такое: «Прекрасная женщина всегда божество, особливо, если умна и мила, если хочет нравиться. Но где она привлекательней?

– За арфой, за книгою, за пяльцами, за молитвою или в кадрили?

– Нет совсем!

– А за столом, когда она делает салат».

Это была уже явная издевка, и вышла ссора. И только через несколько месяцев им удалось помириться. Батюшков понял, что он обидел женщину старше себя по возрасту, а главное, действительно личность незаурядную, одаренную. И поделился об этом с Н.И. Гнедичем: «Поверь мне, что дарование редко, что его надобно уважать, даже баловать». И будучи в Череповце, в письме тому же Гнедичу (VIII–1811 г.) писал: «Бываешь ли ты во пиру в «Беседе»? Нынче осень на дворе и пчелы собираются в улей и в Вашем улье дым коромыслом. Один читает, другой говорит изрядно, третий хвастает, четвертый хвалит себя и Шишкова. Ибо Шишков воплотился. Что делает Орфей-Орфеич (Державин – высоко чтимый К. Батюшковым). Что делает Шаховский? Что делают все и в том числе Бунина, с которой я помирился? Она написала «О счастии». Предмет обильный и важный для дамы. В ее поэме нет философии (а предмет философический), нет связи в плане, много чего нет, но за то, есть прекрасные стихи. Прочитай конец третьей песни, описание сельского жителя. Это все прелестно. Стихи текут сами собою, картина в целом выражена, и краски живы и нежны.

Позвольте мне, милостливая государыня, иметь счастье целовать вашу ручку!

Клянусь Фетом и Шишковым, что Вы имеете дарование!»
Больше выпадов в сторону А. Буниной он не делал.

Ее высоко ценили Державин, Крылов, Шишков, Карамзин, Баратынский, Кюхельбекер. Подтвердим это словами Вильгельма Кюхельбекера: «Стих ее заслуживает во многих отношениях внимания публики: госпожа Бунина – женщина-поэт, явление редкое в нашем обществе, и сверх того поэт с дарованием, поэт – не подражатель».

Интересно мнение о первой женщине-поэтессе В.Г. Белинского, оно выглядит весьма сурово: «Анна Бунина лишь подготовила почву для серьезной женской поэзии». Ни слова об отношении к творчеству А. Буниной мы не услышим от Анны Ахматовой, она только сообщает, что «Анна Бунина была теткой моего деда Эразма Ивановича Стогова», на протяжении своей жизни ни разу более о ней не вспомнив. Давайте вернемся в 18-ый век и прочтем наконец отрывок из «Послания к цензору» А.С. Пушкина, первого послания, так как у него их два:

*...«Во-первых, искренно я признаюсь тебе,
Нередко о твоей жалею я судьбе:
Людской бессмыслицы присяжный толкователь,
Хвостова, Буниной единственный читатель,
Ты вечно разбирать обязан за грехи
То прозу глупую, то глупые стихи»...*

И авторитетное заявление в то время уже признанного поэта отвернуло читателей от Буниной на целых два столетия.

А ведь в первой редакции эти строки звучали по-другому:

...«Василия Пушкина – единственный читатель»...

«Вероятно, Пушкин решил пожалеть родного дядю и просто нашел ему ритмичную замену».

Такое мнение высказали авторы книги «Неопытная муз», выпущенной в 2016 году, /объявленного в России годом куль-

туры /. Считаю это мнение весьма спорным. Справедливо предположить, что на эти фамилии – Хвостова и Буниной навел Пушкина Константин Батюшков, которого Пушкин любил и к мнению которого прислушивался.

Думать о какой-то ритмической замене в отношении Пушкина просто не серьезно.

Только ради рифмы Пушкин не стал бы называть эти фамилии. Таким образом, брошенные неоднократно критические выпады К. Батюшкова к членам «Беседы» получили продолжение в творчестве А. Пушкина. Но если Хвостов принял этот удар стойко, по-мужски, он даже в дальнейшем бывал в переписке с Пушкиным, Бунину этот удар сразил, и она уже не смогла от него прийти в себя до конца жизни. Возможно это была та последняя капля, которая переполнила чашу терпения и сделала обиду неистребимой.

Горько за А.П. Бунину. Она больше ничего не писала. В 1826 году лечилась в Липецке, летом 1827 года – в Горячих водах. Сердечные приступы и истощение нервной системы давали о себе знать вплоть до декабря 1829 года, 4 декабря ее не стало. Ей было 55 лет. Похоронили ее братья рядом родителями, на ее Родине, в с. Урсово.

Прошло два столетия полного забвения.

Спасибо 21-ому веку! Новый сборник стихотворений А. Буниной лежит на полках библиотек и ждет своих читателей. А ведь на злой язычок Батюшкова попал даже А.С. Грибоедов, вот строки из письма Батюшкова Н.И. Гнедичу в августе 1816 г. из Москвы: / Гнедич критиковал Жуковского за увлечение балладами/

«Жаль, что напал на род баллад. Тебе, литературе, это не-простительно. Все роды хороши. Грибоедову не отвечай ни слова; и Катенин по таланту не стоит твоей прекрасной кри-

тики, которую сам Дмитриев хвалил очень горячо. Надобно бы доказать, что Жуковский поэт; надобно говорю перед лицом света: тогда все Грибоедовы исчезнут. Не хочется, но пора признать, что люди творческих профессий, даже обладающие умом и талантом, часто не щадят друг друга и мелкими уколами и обидами стараются показать, как мало значит талант коллеги в их глазах.

Невольно вспомнился один эпизод из книги А.Г. Достоевской «Воспоминания».

На похоронах Н.А. Некрасова Достоевский поделился с женой: «Когда я умру, Аня, похорони меня здесь или где хочешь, но запомни, не хорони меня на Волковском кладбище, на Литераторских мостках. Не хочу я лежать между моими врагами, довольно я натерпелся от них при жизни».

Ф.М. Достоевский был таким же ранимым человеком, как и Анна Петровна Бунина.

Остается только восхититься поступком Г.Р. Державина – руководителя «Беседы». Некто Неклюев как-то отозвался о поэте: «Державин должно быть величайший невежда, человек тупой и тому подобное». Державин, узнав об этом, вспыхнул и на другой день отправился к Неплюеву.

«Не удивляйтесь, что меня видите. Вы меня бралили, как поэта, прошу Вас, познакомьтесь со мною, может быть, найдете во мне хорошую сторону, найдете, что я не так глуп, не такой невежда, как полагаете, может быть, смею ласкать себя надеждою и полюбите меня».

В итоге Державин стал другом семьи Неплюева.

Но ведь не все способны на такую самозащиту.

Тема, которую затеяла я, бесконечна, поэтому хочу завершить этот разговор стихотворением нашего земляка Александра Кухно «О женской поэзии», поэта-современника:

«Когда с душой не все в порядке,

Во мне особый интерес
Рождают тонкие тетрадки
Почти безвестных поэтесс.
О, женщины они и в слове
Живут, играя и греша.
И песня их верна в основе
А чем-то все же нехороша.
За строчкой строчку пробегая,
Все жду, не подвожу итог...
Я верю – женщина другая
Проглянет междуду слабых строк.
И точно – вот она строка!...
Одна строка...
Она строга.
Одна задела за живое
И, все собою заслоня
Решительно, как под конвоем,
На пытку повела меня.
Смотри, сказала, пусть одна –
Я не тобою рождена.
Но ты к моей причастен боли...
Так что же тебя смущило вдруг?...
Я – эхо дальнее не боле,
Всех материнских бед и мук,
Восторгов женских, грез девичьих
И чувств возвышенных, таких,
Что все Петрарки и да Винчи
Лишь краешком коснулись их...
Все не мужское, все другое
Строка ...
Попробуй отвяжись, –
Когда, быть может, в бабьем горе

*И наша боль,
И наша жизнь...
Спасибо, женщины, спасибо!..
За то, что правда чувства есть
В словах, которых не смогли бы
За вас мужчины произнесть.*

После этого мужского признания захотелось услышать голос Анны Буниной с его неподражаемой иронией: «Стихи на письма А.С. Шишкова.

*Хоть бедность не порок
Для тех, в ком есть умок;
Однако всяк ее стыдится.
И с ней, как бы грехом, таится,
К иному загляни в обеденный часок:
Забившись в уголок,
Он кушает коренья:
В горшочек лебеда;
В стаканчике вода:
Спроси, зачем? – Так, братец! Для спасенья!
Поцусь! – сегодня середа: –
Иной вину сухояденья
На поваров свалит:
Другой тебе: « Я малым сым!» –
У третьего: «Желудок не варит!
Мне доктор прописал диету», –
Не скажет попросту:
«Копейки дома нету!»*

Ирина Крюкова

В доме моем...

Экология и проза П.П. Дедова: точки соприкосновения

*Памяти сибирского прозаика и поэта Петра
Дедова*

Пётр Павлович Дедов – писатель, в творчестве которого ярко, лейтмотивом звучит экологическая тема. Звучит, задавая основу, тон, переливаясь радужными красками, а порою тревожно, призывно, как набат.

По содержанию, посылу, воздействию своих произведений Пётр Дедов – один из самых, «экологических» писателей, причём в разных аспектах этого понятия.

Для этого были и предпосылки. Он родился и рос на просторах Кулундинской степи, где людей окружало всё естественное, первозданное, где ещё жили в согласии, гармонии с природой. С детства – исподволь – учили понимать и беречь все формы жизни, всё то, что составляет мироздание. От матери он мог слышать: «на травку-былинку ступить жалко. Всё ить живет, радуется» (автобиографическая трилогия «Светозары»). А бабушка учила слушать… нет, не радио, а воду в колодце, чтобы узнать о том, какая будет погода (рассказ «Колодец»).

В тяжёлом, неприглядном сельском быту в основном природа, в своём вечном движении, в разных ипостасях, обличиях и нарядах, удовлетворяла многие эстетические потребности. На приволье расцвели и окрепли присущие будущему писателю

от рождения качества: сострадательность, благородство, восприимчивость к красоте, ведь именно «постоянное и близкое общение с природой обостряет все чувства» (повесть «Алый свет зари»).

Экологичность – это прежде всего любовь к своему родному краю и его людям. По мере становления человека эта любовь может переноситься на всю Землю. Сколько чарующих, поэтичных описаний природы в прозе Дедова! Существование человека в том мире не мыслилось вне природы, её многоголосия и многоцветия. Люди, домашние животные и дикие, цветы, деревья, травы, небо, степень – всё было переплетено, взаимосвязано. И даже душа начинаяла, «оттаивать, оживать» вместе с природой («Светозары»).

Природа у Дедова – не стаффаж, лишь дополняющий иль создающий фон, а равноправный персонаж. Автор часто словно приостанавливает развитие сюжета, чтобы полюбоваться синеоким подснежником, травой, сизой от холодной росы, послушать «голубую тишину...». Подивиться тому, как туман на глазах съедает снег, как струится в канаву чистая вода-снеговица, как лунный свет преображает всё вокруг, как полыхают далёкие зарницы...

Проза Дедова – это и ценный материал краеведческого характера. Из нее можно узнать о быте людей, их менталитете и обычаях, о происхождении названий...

Благодаря экскурсам в повествовании сюжет обогащается интересными сведениями, например, о Караканском боре, озере Горьком.

А с какой теплотой, уважением, состраданием пишет Дедов о людях, живущих на земле, обиживающих её, о людях трудолюбивых, прямодушных – о тех, кого принято называть «простыми» людьми. Книги Дедова – это особого рода памятник им.

Но так ли просты эти люди? В них так много всего прекрасного и драгоценного, они внутренне богаты, одарены, колоритны. Красива душа у бригадира со страшным лицом, обезображенными войной. Дедушка, обессиливший от голода, жертвуя, отдаёт свой хлеб внукам. Не перечислить тех умений и ремёсел, какими они владели. Сколько прекрасных, полезных вещей создавали их руки. Но как непросто было сохранить драгоценные человеческие качества в тех тяжелейших жизненных условиях, в которых находились герои Дедова.

Сколько в этих людях мудрости и душевной тонкости. Они видят главное, им присуще умение жить по законам мироздания, которые они «вычитали» в книге Природы:

«И такая стояла тишина, что как-то боязно громко разговаривать». («Светозары»)

«Рази можно в солнышко стрелять?» (рассказ «Апрельский лед»).

«... кажин день с матушкой-природою с глазу на глаз. А она мудра, матушка, лучше твоих книг уму-разуму учит». («Светозары»)

Это мысли, суждения, чувства высшего порядка, высокого полёта, и пусть нас не вводит в заблуждение язык, которым они порой выражены.

Произведения Дедова – это и своеобразный заповедник, музей Природы. Писатель оставил в дар современникам и потомкам завораживающие, облагораживающие душу картины природы. Ведь вряд ли потомкам суждено увидеть её первозданность, чистоту, услышать тишину... Даже сейчас это многим недоступно. Чтобы увидеть, обонять, услышать то, о чём пишет Дедов, нужно прилагать усилия, преодолевать расстояния.

Это страшно, но о природе скоро можно будет, пожалуй, только прочитать, как мы сейчас читаем о событиях прошло-

го. Больно читать прекрасные, захватывающие, трогательно-щемящие описания природы в произведениях писателя. Понимания, что эта красота обречена, оказалась ненужной, изжитой: «новые хозяева дикими зверями набросились на самое доступное и дармовое – на природу». (Эссе «Русская доля»).

В своих произведениях Пётр Павлович обращается и к самому болезненному, животрепещущему аспекту экологии, ставшему в последние десятилетия особенно актуальным. В книгах Дедова звучит твёрдый голос в защиту природы. Природозащитная тема выражена и явно, и подспудно. По сути каждое описание природы у автора – как мольба, обращение к читателю: «Полюбуйся, я услада для глаз! Я порадую, накормлю, обогрею, сделаю для тебя мир чистым, благоуханным. Не губи меня, не истребляй! Не трогай без нужды. Иначе пострадает многое другое и … ты тоже»

Этот мотив бумеранга, отголоска от удара звучит в рассказе «Апрельский лёд». Человек оказывается в шаге от гибели на апрельском непрочном льду от того, что «речка, отравленная ядами, даже зимой почти не замерзает». А человек приложил много разрушительных усилий, чтобы сделать эту реку мёртвой. Рассказ имеет эсхатологическую окраску, его можно рассматривать как рассказ-предупреждение, рассказ-притчу.

Повесть «Алый свет зари» – это один из солирующих голосов в хоре тех, кто выступает в защиту Караканского бора, «чуда, подаренного природой огромному городу». Автора уже нет с нами, вечная ему память! А книжка живёт и борется. Какое подспорье она тем, кто делает всё возможное, чтобы превратить Караканский бор в заповедник, спасти его от вырубок, защитить от браконьеров и горе-туристов. Может, кто-то, прочитав повесть, встанет в ряды его защитников.

Или другого природного чуда, пусть даже дерева, растущего возле дома.

Как горько, что автору приходится напоминать об элементарных законах, по которым живёт природа, об элементарной порядочности по отношению ко всему живому: «обеими руками ягодник дерут», «здесь заместно редкостной и пользительной ягоды теперь один чертополох вырастет». И кажется на первый, поверхностный взгляд, наивными, оторванными от жизни, утопическими рассуждения егеря, болеющего душой за свое дело, например, о машинах. Вот, мол, много развелось личных машин, вольготно браконьерам, пусть посмотрят прежде, кому можно их продавать, в чьих руках машина не станет орудием уничтожения и разрушения.

А по большому счёту герой Дедова смотрит в завтра, в отдалённое будущее, прозревая то, к чему такой техногенный путь может привести. Действительно, без машин и многочисленных гаджетов люди жили и МОГУТ жить. А попробуй, проживи без чистого воздуха, плодоносящей земли, живой воды.

В широком понимании экологичность – это и любовь к своему родному языку, стремление сохранить его фонд, многообразие, красочность, живоносность. Пётр Дедов сохранил для нас, для потомков образцы колоритного, самобытного, прекрасного в своей «неправильности» языка чалдонов. Того языка, на котором говорили в сёлах и деревнях до широкого проникновения туда городской культуры. Причём это не стилизация, а язык, на котором говорил когда-то сам автор, это язык его детства и юности: «было обидно, будто наш чалдонский язык, на котором разговаривали мои родители, мои деды, прадеды, да и вообще все коренные сибиряки, старожилы глухих деревень, – будто этот язык настолько плох и смешон, что его надо стыдиться» («Светозары»).

Автор дал в своих книгах приют пословицам и поговоркам, даже ругательствам, тем словам, которые по разным причинам вышли из активного употребления: **ботало, розвальни, серянки...**

И хотя писатель и сам родился в советский период и описывает послереволюционные события, в речи его персонажей есть слова и сравнения с церковной окраской:

«...лицо его обрезалось» т.е. преобразилось;

...«в телегах колоколами ухали на ухабах огромные артельные казаны».

Видимо, вековые устои веры не так просто было вытравить из жизни людей.

Пётр Дедов принадлежал к тем замечательным, совестливым людям, после которых в доме всё становится лучше, чем было до их появления. Он обихаживал, охранял свой дом, отдал дань памяти и уважения своим односельчанам... Проза писателя – это литературный памятник сибирской деревне 40–50 гг.

Произведения Петра Павловича Дедова знакомят нас с прекрасной и суровой природой Сибири – уже для многих читателей областью малоизвестной, умозрительной. Они учат наблюдать, понимать, любить природу. Источают чувства, делают человека восприимчивым к её красоте, прививают экологическое мышление, побуждают бережно относиться ко всему живому.

В них предлагается та шкала ценностей, в которой на первом месте не побрякушки технического прогресса, а насущное: вода, воздух, земля.

Авторитет, заслуженная известность автора, мысли, идеи его произведений дают поддержку тем, кто борется за сохранение природы, выступает против её истребления. Нередко людям, которые обеспокоены беспределом, творящимся по

отношению к природе, а в итоге к самому человеку, приходится слышать, что, вот, дескать, ничего нельзя изменить, таков наш путь развития, не в пещере же жить и тому подобное.

Пётр Павлович в своей повести «Алый свет зари» дает ответ на подобные измышления: ... «уяснили для себя какую-то выгодную вам идею и накручиваете вокруг нее свою философию – может, чтобы перед собственной совестью оправдаться. Это сейчас модно».

Сибирский
Парнас

Павел Васильев

(1910 – 1937 гг.)

Какой короткой оказалась судьба Павла Васильева. Но сколько в ней уместилось взлётов и падений, путей и перепутьев. Он родился в Семипалатинской губернии, в казачьем крае, в городе Зайсан. А обошёл и объехал всю Сибирь и Дальний Восток, где познакомился с поэтом Рюриком Ивневым. Занимался у него в поэтической секции.

В этих странствиях публиковался в местной периодике, в том числе в журнале «Сибирские огни». И кем только ни работал: и охотником, и матросом, и старателем на золотых приисках, о чём рассказал в книгах очерков в «Золотой разведке» и «Люди тайги».

Видимо, от казачьей вольницы усвоил неуёмный, строптивый нрав, за что и подвергался постоянным гонениям. Например, услышав неблагодарный отзыв о Наталье Кончаловской комсомольского поэта Джека Алтаузена дал ему затрещину.

Всё это естественно было раздуто и вынесено в массы. Да в чём только его не обвиняли: и в пьянстве, и в хулиганстве, и белогвардейщина, и защите кулачества (тем более, что у него была поэма «Кулаки»). Обвиняли и в причастности к тайной

организации «Сибирская бригада», в которую внесли и Леонида Мартынова, и Сергея Маркова, и Льва Черноморцева и др. Аресты шли за арестами. Последний из них (третий) закончился расстрелом.

Но поэзию расстрелять не удалось. Пусть недопетая она всё-таки осталась и вышла из катакомб замалчивания. В ней чувствуется взрывная самобытная сила, неуёмная энергия и лирического, и эпического начал. Это отмечали и его современники. И даже считали, что он всё-таки больше эпический поэт. Но эмоциональный заряд явно присутствует в его «эпосе», в его размашистом народном речении. Он и перо выбрал не гусиное, а ястребиное.

A. Чернышёв

* * *

Родительница степь, прими мою,
Окрашенную сердца жаркой кровью,
Скупую песнь! Склонившись к изголовью
Всех трав твоих, одну тебя пою!
К певучему я обращаюсь звуку.
Его не потускнеет серебро.
Так вкладывай, о степь, в сыновью руку
Кривое ястребиное перо.

* * *

Всё так же мирен листьев тихий шум,
И так же вечер голубой беспечен,
Но я сегодня полон новых дум,
Да, новых дум я полон в этот вечер.

И в сумраке слова мои звенят.
К покою мне уж не вернуться скоро,

И окровавленным упал закат
В цветном дыму вечернего простора.

Моя Республика, любимая страна,
Раскинутая у закатов,
Всего себя тебе отдана сполна,
Всего себя, ни капельки не спрятав.

Пусть жизнь глядит холодною порой,
Пусть жизнь глядит порой такою злую,
Огонь во мне, затепленный тобой,
Не затушу и от людей не скрою.

И не пройду я отвернувшись, нет,
Вот этих лет волнующихся – мимо.
Мне электричества весёлый свет
Любимее очей любимой.

Я не хочу и не могу молчать,
Я не хочу оставаться постояльцем,
Когда к Республике протягивают пальцы,
Чтоб их на горле повернее сжать.

Республика, я одного прошу:
Пусти меня в ряды простым солдатом.
...Замолк деревьев переливный шум,
И стих разлив багряного заката.

Но нет вокруг спокойствия и сна.
Угрюмо небо надо мной темнеет.
Всё настороженнее тишина,
И цепи туч очерчены яснее.

* * *

Сибирь, настанет ли такое,
Придёт ли день и год, когда
Вдруг зашумят, уставши от покоя
В бетон наряженные города.

Я уж давно и навсегда бродяга,
Но верю крепко: повернётся жизнь,
И средь тайги сибирские Чикаго
До облаков поднимут этажи.

Плыют и падают высокие закаты
И плавят краски на зелёном льду.
Трясёт рогами вспугнутый сохатый
И громко фыркает, почувавши беду.

Всё дальше вглубь теперь уходят звери;
Но не уйти им от своей судьбы.
И старожилы больше уж не верят
В давно пропетую и каторжную быль.

Теперь иные подвиги и вкусы.
Моя страна, спеши сменить скорей
Те бусы
Из клыков зверей –
На электрические бусы.

Лагерь

Под командирами на месте
Крутились лошади волчком,
И вглубь берёзовых предместий
Автомобиль прошёл бочком.

Война гражданская в разгаре,
И в городе нежданный гам, –
Бьют пулемёты на базаре
По пёстрым бабам и горшкам.

Красноармейцы меж домами
Бегут и целятся с колен;
Тяжёлыми гудя крылами,
Сдалась большая пушка в плен.

Её, как в ад, за рыло тянут,
Но пушка пятится назад.
А в это время листья вянут
В саду похожем на закат.

На сеновале под тулупом
Харчевник с пулей в горле спит.
В его харчевне пар над супом
Тяжёлым облаком висит.

И вот солдаты с котелками
В харчевню валятся, как снег,
И пьют весёлыми глотками
Похлёбку эту у телег.

Войне гражданской не обуза –
И лошадь мёртвая в траве,
И рыхлое мясо арбуза,
И кровь на рваном рукаве.

И кто-то уж пошёл шататься
По улицам.

И под хмельком
Успела девка пошептаться
Под бричкой с рослым латышом.

И гармонист из сил последних
Поёт во весь зубастый рот,
И двух в пальто в овраг соседний
Конвой расстреливать ведёт.

* * *

Не добраться к тебе! На чужом берегу
Я останусь один, чтобы песня окрепла.
Всё равно в этом гиблом, пропащем снегу
Я тебя дорисую хоть дымом, хоть пеплом.

Я над тёплой губой обозначу пушок,
Горсти снега оставлю в причёске – и всё же
Ты похожею будешь на дальний дымок,
На старинные песни, на счастье похожа!

Но вернуть я тебя ни за что не хочу,
Потому что подвластен дремучему краю.
Мне другие забавы и сны по плечу,
Я на север дорогу себе выбираю!

Деревянная щука, карась жестяной
И резное окно в ожерелье стерляжьем –
Царство рыбы и птицы! Ты будешь со мной!
Мы любви не споём и признаний не скажем.

Звонким пухом и синим огнём селезней,
Чешуёй, чешуёй обрастаёй по колено,

Чтоб глазок петушиный казался красней,
И над рыбьими перьями ширилась пена.

Позабыть до того, чтобы голос грудной,
Твой любимейший голос, не доносило,
Чтоб огнями и тьмою и рыжей волной
Позади, за кормой убегала Россия.

* * *

Затерян след в степи солончаковой,
Но приглядись – на шее скакуна
В тугой и тонкой кладнице шелковой
Старинные защиты письмена.

Звенит печаль под острою подковой,
Резьба стремян узорна и темна...
Здесь над тобой в пыли многовековой
Поднимется курганная луна.

Просторен бег гнедого иноходца.
Прислушайся! Как мерно сердце бьётся
Степной страны раскинувшейся тут.

Как облака тяжёлые плывут
Над пёстрою над юртой у колодца.
Кричит верблюд. И кони воду пьют.

Сонет

Суровый Данте не презирал сонета.
В нём жар любви Петрарка изливал...
А я брожу с сонетами по свету,
И мой ночлег – случайный сеновал.

На сеновале – травяное лето,
Луны печальной розовый овал.
Ботинки я в скитаньях истоптал.
Они лежат под головой поэта.

Привет тебе, гостеприимный кров,
Где тихий хруст и чавканье коров
И неожидан окрик петушиный...

Зане я здесь устроился, как граф!
И лишь боюсь, что на заре, прогнав,
Меня хозяин взбрызнет матершиной.

* * *

Сибирь!
Все ненасытнее и злей
Кедровой шкурой дебрей обрастая,
Ты бережешь
В трущобной мгле своей
Задымленную проседь соболей
И горный снег
Бесценных горностаев.
Под облаками пенятся костры...
И вперерез тяжелому прибою,
Взрывая воду,
Плещут осетры,
Толпясь над самой
Обскою губою.
Сибирь, когда ты на путях иных
Встаешь, звения,
В невиданном расцвете,
Мы на просторах
Вздыбленных твоих

Берем ружье и опускаем сети.
И город твой, наряженный в бетон,
Поднявшись сквозь урманы и болота.
Сзывает вновь
К себе со всех сторон
От промыслов работников охоты.
Следя пути по перелетам птиц.
По голубым проталинам туманов
Несут тунгусы от лесных границ
Мех барсуков и рыжий мех лисиц.
Прокущенный оскаленным капканом.
Крутая Обь и вспененный Иртыш
Скостили крепко
Взбухнувшие жилы,
И, раздвигая лодками камыш,
Спешат на съезд
От промысловых крыш
Нахмуренные старожилы...
И на призыв знакомый горячей
Страна охоты
Мужественно встала
От казахстанских выжженных степей
До берегов кудлатого Байкала.
Сибирь, Сибирь!
Ты затаилась злей,
Кедровой шкурой дебрей обрастая,
Но для республики
Найдем во мгле твоей
Задымленную проседь соболей
И горный снег
Бесценных горностаев!..

1930

Гости
Пушкинского
альманаха

Никита Лобанов-Ростовский

Князь Никита Дмитриевич Лобанов-Ростовский –

геолог, банкир (в 1961–1967 начальник международного отделения «Кемикал Банк» в Нью-Йорке – теперь «Морган Чейс Банк», в 1970–1979 – вице-президент «Уэллс Фарго Банк» в Сан-Франциско), известный коллекционер, общественный деятель. О его житие рассказывается в сотнях журналистских статей, интервью, репортажах, его собственных выступлениях, собранных им в 2-х объёмистых тома: «Рюрикович в эмиграции» и недавно вышедшем «Рюрикович в XXI веке». Житие это можно выразить коротко – БОРЬБА. Не за свою защиту, а за Справедливость. За выношенное всей его трудной жизнью право отстаивать её.

Родился 6 января 1935 года в Софии. Прописан в Лондоне. Но жизнь ведет, по его собственным словам, «на колесах и самолетных крыльях» – бурлит-кипит энергией, старается везде поспеть.

А как иначе? Судите сами: Заместитель Председателя Президиума Международного совета российских соотечественников (МСРС). Почетный доктор Петербургской академии живописи, скульптуры, архитектуры (бывшей Императорской Академии художеств) и академик «Международной информационной академии» при ООН в Женеве; член Международного фонда искусства и просвещения в Вашингтоне, Института современной русской культуры в Лос-Анджелесе, Ассоциации американских ученых русского происхождения в Нью-Йорке и Союза благотворителей Музея «Метрополитен», Координационного совета русскоязычной общины в Объединенном Королевстве, бюро болгарского Фонда Кирилла и Мефодия, комитета «Русского Славянского Искусства» в Москве. 10 лет был советником в «Де Бирс», консультантом аукционных домов «Кристис» и «Сотбис». Всего не перечислишь... Все это он успешно сочетал и со служебными обязанностями. А если прибавить и написанные им книги – по театральному искусству, банковскому делу, торговле и двух мемуарных – невольно возникает вопрос: как возможно всё это вместить в одну жизнь?

Я думаю часто об Александре Сергеевиче Пушкине. О его удивительной и универсальной алхимии слова, о знании человеческой души, о его жизни и о том, что мы в совокупности называем его гением. Даже взрывной темперамент поэта, приведший его к безвременной и ужасной гибели, укладывается в это непростое слово — гений. Я думаю о Пушкине — и все же с робостью рисую в своем воображении его портрет (чем заняты мы все, когда думаем о нем), — не в последнюю очередь, вероятно, потому, что мое родовое имя непростым образом связано с жизнью великого поэта.

Моя робость продиктована любовью. Гений принадлежит всем, всякий волен рисовать его портрет. Писать о Пушкине

— большой и, в сущности, беспрогрышный бизнес. Кто тут только не подвизался! Рядом с глубокими серьёзными научными трудами находим массу работ поверхностных. И вот наступает момент, когда хочется сказать: лучше бы некоторых портретов не было. Сколько скопилось в русской литературе казённых, идеологически выверенных, засушенных и пустых, а то и просто неумных и корявых биографий поэта! И даже не биографий — агиографий. Человека в них не разглядеть. А ведь Пушкин — не только культурный символ России, не только величайший из ее сынов, он еще и человек. И вот, преодолевая понятную робость, я решаюсь говорить о моем отношении к этому символу и к этому человеку.

Художник и писатель Джорджио Вазари (1511–1574) писал о Леонардо да Винчи в своей знаменитой книге Жизнеописания наиболее знаменитых живописцев, ваятелей и зодчих: «Сердца людей тянулись к нему... Природа решила облагодетельствовать его тем, что, куда бы он ни обращал свои помыслы, свой ум и свое дерзание, он в творениях своих проявлял столько божественности, что никогда никто не мог с ним сравниться...» Эти слова как нельзя лучше выражают мое отношение к Пушкину.

И сразу же покаюсь: анализировать поэзию или исторические работы А. Пушкина — эта задача совсем не по мне. О его трудах по русской истории мог бы повторить с благодарностью мысль Леонардо да Винчи о том, что знание прошедших времён есть украшение и пища человеческого разума. По-моему лучше и не скажешь. В конце концов, это задача и привилегия пушкинистов. В наше время, когда почти всех титанов уже разобрали по косточкам, разъяснили, растолковали, обвинили в ошибках или низвергли с пьедестала, будь то Исаак Ньюton, Карл Маркс, Чарльз Дарвин, Зигмунд Фрейд или Владимир Ленин, личность Александра Сергеевича

вича Пушкина по-прежнему остается загадкой. Несмотря на все многотрудные интернациональные учёные попытки анатомировать ее. И мне даже думается, что после каждой такой попытки великий поэт становится еще более таинственным и неуловимым. Слишком много вопросов, на которые скорее всего просто невозможно найти ответ. Настоящего гения никому не разгадать. Я в это верю всей душой.

Пять столетий люди ломали голову над загадочной улыбкой Моны Лизы. Каких только гипотез не выдвигали! Сколько пыла растратила учёная братия! К моему счастью, её улыбка и по сей день остаётся загадкой. Когда я вхожу в прохладные залы Лувра, я спешу увидеть именно эту улыбку и это чудо искусства, а не некую мистерию. Открывая книгу Александра Сергеевича, будь то «Евгений Онегин» или лицейские стихи, я встречаю ту же магическую улыбку гения. И я радуюсь, что живу на этой земле. Наследие Пушкина необъятно. На мой взгляд (и к моему большому сожалению) это наследие уже вышло за пределы русской иконографии и в каком-то смысле стало архетипом, если хотите — клише России. Но Пушкин — не клише. Он входит в каждый русский дом истинным посланцем Муз. И он не должен становиться заезженной и многократно используемой в пропагандистских и политических целях эмблемой России. «Кесарево — кесарю», как говорили древние. А творчество Кесаря-Пушкина отнюдь не общеизвестные строчки из «Руслана и Людмилы» или милая, всем понятная музыкальная фраза из Евгения Онегина. Для нас, любящих Россию, Пушкин существует совершенно отдельно от банальных и затёртых цитат. Он уникум, он гений и слава огромной и талантливой страны.

К величайшему сожалению, правление Александра I — не ознаменовалось характерным для нашего времени «культурным обменом». Победителя Наполеона занимало более прославление могущества и военных успехов России, а не культурная

экспансия. Петербург слишком охотно уступал Парижу роль литературной столицы. Русская литература в лице Пушкина встала вровень с великой европейской литературой, а Европа и не подозревала об этом. На востоке лежала большая варварская страна — без Пушкина. Один из величайших поэтов Европы не был прочитан и понят своими западными современниками. Об этом я вспоминаю часто и с горечью. Наша великкая литература незаслуженно оставалась только в пределах страны.

На полотне за Моной Лизой расстилается загадочный пейзаж со странными древними скалами и призрачным светом воды. Невозможно не чувствовать, что эта женщина (и её улыбка) — много старше этих камней, старше исходящего от воды света. Но пейзаж производит то же самое действие, что и улыбка, и ощущение прекрасного поневоле захватывает зрителя, вытесняя прочие чувствования и мысли. То же и с поэзией Пушкина. Мы воспринимаем загадочную улыбку величайшего поэта России и им созданные пейзажи в совокупности — как чудесное творение, раздвигающее горизонты наших представлений. Простота его — удивительна, но еще удивительней скрывающаяся за ней глубина. Насыщенный смыслом звук его ямбов — как чистый звук древней флейты, как икона, написанная глубоко верующим и самоотверженным иконописцем, как журчание ручья, как смех ребёнка.

Комментаторы советского периода весьма комичным образом представляют нам политическое лицо поэта. У них он чуть ли не революционер, республиканец и тираноборец. На деле все было гораздо сложнее. Верно: в свои молодые годы Пушкин был задирой и вольтерьянцем, но на то и молодость. Верно и другое: вдохновение ставило его над царями и над историей — но такова уж природа вдохновения. Кем, однако, был Пушкин в зрелые годы? Вот его знаменитая мистификация:

кация, стихотворение Из Пиндемонти, помеченное 5 июлем 1836 года:

*Не дорого ценю я громкие права,
От коих не одна кружится голова.
Я не ропщу о том, что отказали боги
Мне в сладкой участии оспаривать налоги,
Или мешать царям друг с другом воевать;
И мало горя мне, свободно ли печать
Морочит олухов, иль чуткая цензура
В журнальных замыслах стесняет балагура.
Все это, видите ль, слова, слова, слова.
Иные, лучшие мне дороги права;
Иная, лучшая потребна мне свобода:
Зависеть от царя, зависеть от народа –
Не всё ли нам равно? Бог с ними. Никому
Отчета не давать, себе лишь самому
Служить и угодждать; для власти, для ливреи
Не гнуть ни совести, ни помыслов, ни шеи;
По прихоти своей скитаться здесь и там,
Дивясь божественным природы красотам,
И пред созданьями искусств и вдохновенья
Трепеща радостно в восторгах умиленья,
Вот счастье! вот права...*

Вслушаемся: «Зависеть от царя, зависеть от народа — не всё ли нам равно?..» Кто здесь наш поэт: республиканец или монархист? Ни тот и ни другой. Он — служитель муз, и в этом своем качестве стоит над царями и над народами. Но кем он был в жизни? — Придворным дворянином. Хотел ли он низвержения существующего строя? Ничто на это не указывает. Россию он принимал такой, какою она была, и желал ей лишь просвещения и смягчения нравов; себя, смею думать,

сознавал монархистом (традиционистом и консерватором, говоря сегодняшним языком).

Таков поэт за полгода до гибели. Но «Стансы» («В надежде славы и добра...») были написаны не позднее 1828 года (а вероятнее всего, в 1826, вскоре после казни декабристов). В них он чуть ли не оправдывает казнь декабристов, сравнивая Николая I (в выигрышном для него контексте) с Петром I: «Начало славных дней Петра / Мрачили мятежи и казни.» Кто же был прав – те ли, упрекавшие поэта в лести престолу? Или другие, говорившие (в советское время) о его наивности? Подозрение в лести отметаем сразу: не таков был Пушкин, ничего в своей жизни не написал он иначе как по велению сердца. Да и наивность тут ни при чем: Николай совершенно искренне нравился поэту (чего нельзя было сказать об Александре), и не один Пушкин связывал с новым царствованием новые надежды.

Вспомним и то, что Николай по-своему отдал дань Пушкину. Отнюдь не большой поклонник литературы, император после личной встречи с поэтом назвал его «умнейшим человеком России». Был ли он искренним, утверждая это? Неужто и монархом двигали какие-то хитроумные соображения вроде желания прольстить поэту и тем самым приурочить его? Комplименты — не дело царей. Зачем он вызвался быть личным цензором поэта, не скрывшего от него своей симпатии к декабристам? Не потому ли, что увидел в поэте союзника и убежденного монархиста? Республиканца царь поощрять бы не стал, скорее бы в Сибирь отправил. А высочайшая цензура была именно поощрением и знаком доверия. Да и свирепой она не была. Пусть История Пугачёва стала, по приказу императора, Историей пугачёвского бунта, а «бедный колодник» — «тёмным колодником», — смысл пушкинского сочинения не полинял от этого ни перышком. Между прочим,

думаю, что и Борис Годунов, противоречавший в то время официальной точке зрения на русскую историю, не увидел бы света без высочайшего покровительства.

Мой дед, Иван Николаевич Лобанов-Ростовский, человек светский и петербургский, который свято относился к Пушкину, рассказывал мне в Софии «преданья старины глубокой».

С его точки зрения, отношения царя и поэта были скорее отношениями строгого отца и блудного, но очень одарённого и непредсказуемого сына. А поэт, под тяжестью долгов, вынужденный согласиться с рангом чиновника — титулярного советника и званием камер-юнкера при Дворе, — был естественно не очень доволен. Положение камергера с ключом на голубой ленте (6-й класс!) было бы для него многое приличнее, — ведь человек, даже самый великий, живет не в истории, а в конкретном времени, в окружении конкретных людей — и, как правило, в социальных тисках. И в этом — неизбывный парадокс. Великий человек, понимая свое величие, все же чувствует себя униженным житейскими обстоятельствами, из которых нет выхода.

А Николай? Разве он, самодержец, не был связан ответственностью за судьбы империи? Разве не понимал значения Пушкина для России? Разве не он сказал в 1841 году, объявляя придворным о смерти Лермонтова, что несчастный юноша мог «занять место Пушкина»? Николай видел, что Пушкин к нему расположен, и сам чувствовал симпатию к поэту. Без излишней натяжки отношения царя и поэта можно назвать дружескими, с той оговоркой, что дружба эта была обусловлена обстоятельствами и не только не исключала, а даже подразумевала конфликт. По счастью, новое российское литературоведение все глубже проникает в сущность этой очень непростой коллизии. А давно ли всё строилось на идеологических предрассудках и догмах?

Пушкиноведение советского периода подчас бывало просто анекдотическим. Поэта (дворянина и христианина!) представляли жертвой режима, революционером с бомбой в руках. Но корни этого подхода следует искать не в советское время, а у младших современников Пушкина: у Белинского и Чернышевского, этих баловней российской либеральной интеллигенции середины XIX века, у этих «властителей дум», несколько склонных к истерике и слезам на благо общества, но лишенных художественного дара и совершенно не сопоставимых с Пушкиным по масштабам.

Известно, что поэт никогда не вступал в тайные общества, а наказаниям подвергался легким. Так называемая ссылка в Киншинёв под покровительство добрейшего генерала И.Н. Инзова была по форме порицанием за юношеское фрондёрство, по существу — для самого Пушкина — чем-то вроде творческой командировки, в которой совсем еще молодой человек знакомился с жизнью и развивал свое дарование. То же самое можно сказать и про его вынужденное сидение в Михайловском (в 1824–1826 годах), которое было все же родовым имением Пушкиных-Ганибалов, а не тюремной каторгой…

Был ли Пушкин дерзок? Был — и еще как. Слава Богу, музам неведома политическая корректность. Был ли он, однако, врагом обществу, в котором жил? Ни в малейшей степени. Вспомним: он сам отдал военному губернатору Петербурга, графу Михаилу Милорадовичу, дерзкие стихи и эпиграммы, критикующие Александра I, но не монархию как таковую.

Какой ему виделась монархия? Во-первых, просвещенной, во-вторых, конституционной. Вот эпиграмма на историка Николая Карамзина, приписываемая молодому Пушкину:

*В его Истории изящность, простота
Доказывают нам без всякого пристрастия
Необходимость самовластья
И прелести кнута.*

Пушкин повзрослевший ценил Карамзина и его монументальный труд; Пушкин молодой, фрондирующий (если Б.В. Томашевский был прав, и эпиграмма действительно принадлежит Пушкину), отвергал консервативный тон сочинения Карамзина, его уважение к традиции, — что ж, на то и молодость, она надеется с насоку решить все проблемы, изжить все социальные язвы. Но как, скажите, вывести отсюда, что Пушкин был республиканцем и чуть ли не якобинцем? А ведь именно это и делали. Нет, в этих словах — только отвержение произвола, но в пользу произвола и монархист доброго слова не скажет. А что до традиции, то позже (в неполных 25 лет!) Пушкин уже осознает ее значение в народной жизни. Во время работы над Борисом Годуновым, он пишет Жуковскому: «Что за чудо эти 2 последние тома Карамзина! Какая жизнь!»

Средневековые философы и учёные полагали, что наши глаза испускают лучи, которые освещают предмет и возвращают нам его изображение. Мне кажется, что глаза Пушкина обладали именно этим волшебным свойством: увидеть, преобразить и показать. Наверное, этим и отличаются глаза истинных художников, будь то Андрей Рублёв, Микеланджело, Шекспир или Пушкин.

Странным образом, сделанное Пушкиным сводится к написанным им стихам и прозе. Словно забывают, что он поднял русскую поэзию и всю русскую культуру на новую высоту, распахнув перед нами необозримые горизонты. Это чувство было уже у его современников. Прекрасно сказал об этом Н.В. Гоголь: «В нём, как будто в лексиконе, заключилось всё богатство, сила и гибкость нашего языка. Он более всех, он далее раздвинул ему границы, более показал всё его пространство...»

Трагическая гибель Пушкина от пули Дантеса — еще одна неистощимая тема для словесных упражнений. Чего только об

этом не писали! Каких мифов не нагородили за два столетия! Кажется, ни одно событие российской истории не вызывало такого взрыва спекулятивных построений, не волновало умы в такой мере, как поединок на Чёрной речке январским утром 1837 года. И было отчего. С одной стороны барьера — национальная гордость, лучший сын России, с другой — пустейший иностранец, прощелыга, француз на русской службе, усыновленный (при сомнительных обстоятельствах) голландским посланником. Ничтожное встречается с великим — и торжествует! Какая пища воображению! Но отдадим должное и современникам дуэли, в том числе царю и иностранцам. За дуэль полагалась смертная казнь, впрочем, никогда не применявшаяся. Царь был волен и совсем помиловать провинившегося. Он этого не сделал — Данте разжаловал и выслал. А иностранцы, жившие в России, поняли значение трагедии. В своем донесении посол Неаполитанского королевства Джордж Вильдинг ди Бутера-Ридали писал, что «эта дуэль считается национальной катастрофой всеми сословиями... потому что француз, состоящий в русской службе, отнял у России ее лучшего поэта». Следует заметить, что в Петербурге барона Геккера, приемного отца убийцы поэта, знали как величайшего сплетника и интригана, с удовольствием ссорившего друзей. И даже в его собственной столице — Гааге — Геккерн считался весьма неискренним человеком с эластичными представлениями о чести и морали.

Моя первая любимая книжка была пушкинская поэма «Руслан и Людмила», напоминавшая мне, маленькому мальчику, замечательные рыцарские истории. Читал я её спотыкаясь, но совершенно заворожено. И как-то вдруг одна знакомая нашей семьи сказала мне: «А ведь Владимир Красное Солнышко тебе родня». Она, очевидно, имела ввиду не Лобановых-

Гости Пушкинского альманаха

Ростовских, а Рюриковичей. Я был совершенно потрясён. Дальше больше.

Здесь меня можно легко упрекнуть в тщеславии, но я не могу удержаться, чтобы не привести строфу из «Медного всадника»:

*Тогда, на площади Петровой,
Где дом в углу вознёсся новый,
Где над возвышенным крыльцом
С подъятой лапой, как живые,
Стоят два льва сторожевые,
На звере мраморном верхом,
Без шляпы, руки сжав крестом,
Сидел недвижныи, страшно бледный
Евгений...*

Дом А.Я. Лобанова-Ростовского

Мраморные львы стоят перед парадным подъездом дома А.Я. Лобанова-Ростовского, время — 7 ноября 1824 года,

Петербургское наводнение, а спасающийся на льве — «безумец бедный» Евгений.

Дом А.Я. Лобанова-Ростовского

Есть и другие нити, связывающие мою семью с Пушкиным. Рассказывают, что поэт был влюблён в одну из московских красавиц Елизавету Петровну Лобанову-Ростовскую, которую (вслед за Вяземским) он называет «запретной розой» в стихотворении, посвященном поэтессе Е.А. Тимашевой («Я видел вас, я их читал...»):

*Соперницы запретной розы,
Блажен бессмертный идеал...*

Здесь Тимашева — «соперница» Лобановой-Ростовской (очевидно, в сердце поэта).

Мой родственник князь А.М. Горчаков, министр иностранных дел России, был лицейским товарищем Пушкина. Дед говорил мне, что князь Горчаков был первым слушателем «Бориса Годунова», которого читал ему Александр Сергеевич

Пушкин во время их встречи в 1825 г. в Лямоново – псковском имении А. Н. Пещурова (дядюшки Горчакова).

Много писано о роли (самой неблаговидной) графа Александра Христофоровича Бенкендорфа, главы Третьего отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. И здесь я сам становлюсь, к моему немалому удивлению, частью этого рассказа. Моя крёстная мать Екатерина – прправнучка графа Александра Христофоровича Бенкендорфа и внучка последнего посла царской России в Великобритании Александра Константиновича Бенкендорфа.

А.Х. Бенкендорф, так называемый «Главный жандарм при Жандарме Европы», и предположительно, в традициях нашей давно сложившейся иконографии, полицейское чудовище, спровоцировавшее гибель Поэта, по рассказам родни и некоторым документам, был господином весьма странным.

Высокий и красивый, прекрасный танцор и, кстати, покоритель сердец дам петербургского света, был феноменально рассеянным человеком. Рассеянность — фамильная черта Бенкендорфов. Таких забывчивых министров внутренних дел, я думаю, не знала история. Этот светский человек с превосходной родословной, сноб, поклонник литературы и театра, человек незаурядной политической интуиции, охранял покой огромной Империи. Делал он это, надо сказать, не только профессионально, но и особым, не полицейским апломбом. А жестокость и отсутствие уважения к человеку или к свободе мысли всегда была интегральной частью русской жизни. Мы и до сих пор страдаем от этого. И я знаю об этом неонаслышке. Как бы там ни было, поразительная комбинация человеческих и государственных качеств графа Бенкендорфа до сих пор поражает меня. Его личный секретарь, выпускник того же самого Царскосельского Лицея, в котором учился Пушкин, Павел Иванович Миллер понимал значение великого

поэта и, полагаю, с большим удовольствием не клал на стол Шефа – главного российского жандарма-цензора, перехваченную сомнительную или крамольную корреспонденцию А.С. Пушкина. Не хочу казаться циничным, но мне кажется, что мы очень многим обязаны, помимо Муз, рассеянности графа Бенкendorфа и находчивости его помощника Павла Миллера. Экспансивный, упрямый, мудрый, но часто безрассудный Александр Пушкин нуждался в хитрых и влиятельных поклонниках и в забывчивых имперских чиновниках.

Я много раз бывал в Советском Союзе и позднее в России. Эта страна – мой дом. Так что поездки мои туда были не служебными командировками, а возвращением в отчий дом. И культура и жизнь великой страны были в самом прямом смысле моей жизнью. Что даёт мне какое-то право говорить о том, что я думаю. С надеждой, что это будет воспринято, как обычное высокомерное западное критиканство.

Советский Союз был удивительной страной. Политической моделью он напоминал мне древний Египет. Задача власти – вечное спокойствие с фараоном-вождём, защищавшим любыми средствами страну от внешнего враждебного хаоса. В данном случае – не от диких кочевников из пределов известного египтянам мира, а от опасного влияния капитализма. Даже бессмертная мумия Ленина в Мавзолее-пирамиде рождала невольные ассоциации с очень далёким прошлым. Талантливейшие учёные, страна, первой вышедшей в космос, прекрасные актёры и художники, добрые и умные люди — мои друзья, жили в обществе, которое при всём желании нельзя было назвать нормальным.

Странно подумать, но при гигантских прогрессивных инвестициях в высокие технологии и умении заглянуть в будущее науки, руководство страны, парадоксально, всеми силами оберегало священную корову марксизма –ленинизм-

ма – коллективное сельское хозяйство. Люди часто голодали или недоедали. Но любая критика не работавшей и нерациональной системы сельского хозяйства рассматривалась как предательство. Идеология, как жена цезаря, была выше обсуждений. А объективные причины всем очевидной неудачи или практическое мышление здесь не имели места. Великое учение не могло ошибаться. Заблуждались неверующие, за что и были наказуемы.

Мысль, подчинённая идеологическим канонам марксизма-ленинизма, рождала метафизические организации, тяжелым и дорогостоящим ярмом висевшие на шее России. Различные удивительные научно-исследовательские институты. Например, таинственное учреждение, изучавшее мозг покойника Ленина.

Были институты международного рабочего движения, прибежище или талантливых бездельников, или авантюристов и при этом совершенно очевидная политическая фикция во имя идеологии.

Или ужасающие, не очень образованные товарищи, «назначенные» прогрессивными философами и запрещавшие кибернетику или генетику, объявляя их происками злокозненного внешнего мира — врага вечного социалистического покоя. И другие, не менее иррациональные учреждения, уверенно обозначавшие рамки того, о чём можно было думать и о чём нельзя. Поиски крамолы были доходным бизнесом. А жрецы идеологии не дремали.

Партийные «бизнесмены» разрабатывали совершенно невероятные ленинские планы монументальной пропаганды, уснаща страну безобразными чугунными или выкрашенными алюминиевой краской массовыми монументами.

Существовал, кажется, даже какой-то комбинат скульптуры, конвейерным способом выпускавший различных вождей

и идеологически апробированных деятелей культуры. Их жертвой стал и бедный Пушкин.

Пушкин стал таким же бизнесом большевистского Кремля, как «очередные задачи партии» и прочий идеологический вздор. Выросло очень советское «племя пушкинистов», кормившихся от Пушкина, от его великого имени, всеми правдами и неправдами привязываемого к мертворожденной марксистской идеологии. Были, разумеется, и настоящие знатоки и ценители Пушкина — но большевики инстинктивно видели в них врагов и не давали им дороги. В сущности, и Пушкин был для них враг, с помощью казуистики (которую они называли диалектикой) обращенный в лучшего друга. Столкновение между Пушкиным и идеологической мертвичиной было неизбежным.

В то же время наш великий поэт, человек обоюдоострого гения, использовался, почти в течение столетия, либералами и диссидентами, иногда впрямую, а иногда исподволь в качестве аллюзии свободомыслия, обращённой к произволу предержащих властей. Или — третьему Отделению Е.И. В Собственной Канцелярии или же КГБ.

Универсальный Пушкин годился всем. Но это уже не Александр Сергеевич поэт, а какой-то печальный швец, жнец и в дуду игрец. Уважение к великому гражданину России было отравлено идеологией или убеждениями и даже — мне неприятно думать об этом — страхом. Так где же сам гений — Пушкин? Куда мы его в этой суете дели?

Не существует в Великобритании Института шекспироведения. Нет в высококультурной, влюблённой в себя Франции институтов Вольтероведения или Дюмаведения. В США как-то живут без НИИ Франклиноведения или особой науки Линкольноведения. Есть отдельные исследователи, университетские специализации, гранты молодым учёным,

есть патриархи знания или денег, часто финансирующие научные работы из собственного кармана. И нам в России в первую очередь необходима свобода мысли и творчества. А новообретённое знание есть цель исследования. И только. Всё остальное или наносное, или от лукавого.

Может быть, пришло время и нам освободить Александра Сергеевича Пушкина от сильно обветшавших, а главное совершенно ненужных пут предвзятости или всем привычного идеологического кощунства? Очистить его дорогую всем память от липкой политической паутины, сплетённой или «любителями» народа и его страданий или советскими чиновниками от литературы. Попросту оставить его в покое. И вернуться к обычному, трепетному человеческому уважению к гению, к Пушкину — нашей гордости. И не нужны больше приуроченные к каким-то датам его памятники. Мой Александр Сергеевич, я убежден, обрадовался бы этому. В конце концов, поэт ведь всегда ждет от нас этого: любви и понимания.

Светлана Мрочковская-Балашова

Светлана Мрочковская-Балашова — литератор, журналист, переводчик, член Союза болгарских журналистов, Союза независимых

болгарских писателей. Окончила факультет журналистики МГУ. Работала редактором на Центральном телевидении в Москве и Болгарском ТВ в Софии, параллельно была корреспондентом газеты «Советская культура» в Болгарии. Перевела с болгарского на русский язык около 15 книг. Автор собственных книг «Она друг Пушкина была» (издана в 1998 в Софии, изд-во «Христо Ботев», переиздана в 2000 г. в Москве в 2-х томах изд-вом «Терра»), «Мой ангел, мой чертенок» — о петербургском

романе Иоганнна Штрауса и Ольги Смирнитской. (М., «Радуга», 2002), «Долли Фикельмон. Дневник 1829–1837. Весь пушкинский Петербург» (М. «Минувшее», 2009). Автор сайта pushkin-book.ru Живет в Софии, замужем за болгарским дипломатом.

Дневник Долли Фикельмон как парадокс любви к «Нашему всё»

За десять лет ожидания издания Дневника Долли Фикельмон я превратилась в Фому неверующего, до конца сомневаясь в реализации публикации. Эврика! Свершилось! Казалось бы, радуйся и ликуй! Но тем не менее решила опубликовать этот исполненный горечи рассказ о перипетиях Записок Д.Ф. Фикельмон на их пути к Читателю. Как красноречивую иллюстрацию «истинной» цены российской любви к «нашему могучему духовному исполнину».

Первооткрывателем дневника Д.Ф. Фикельмон стал удивительный человек – писатель-пушкинист Николай Алексеевич

Раевский, до окончания Второй мировой войны русский эмигрант в Чехословакии. А там, как оказалось, проживали потомки Д.Ф. Фикельмон – её правнук князь Альфонс Клари-Альдринген с супругой Людиной, урождённой графиней Эльтц фон Штромберг. Князь Альфонс был владельцем родового – со средины 17-го века – замка Клари-Альдрингенов в Теплице – прославленном европейском курорте. Куда на воды приезжали знаменитейшие люди Европы – Гете и Бетховен, Черубини и Доницетти, Беранже, Дюма, Шатобриан, европейские коронованные особы, в том числе русские цари – Александр I и Николай I с супругой.

Об всем этом, об истории рода, своём знаменитом предке М.И. Кутузове и его внучках Е.Ф. Тизенгаузен и Д.Ф. Фикельмон – своей прабабке, о бабушке Элизалекс Фикельмон, ставшей женой его деда Эдмунда Клари-Альдрингена, князь Альфонс позднее расскажет в мемуарах **«Истории старого австрийца»¹**

И к этому знатному богемскому аристократу рискнул в 1942 г. обратиться скромный д-р биологии Раевский, давно уже серьезно «заболевший» Пушкиным. Движимый надеждой, что в семейном княжеском архиве могут сохраниться бумаги его прадеда – австрийского посланника в Петербурге графа Шарля Фикельмона, он спрашивал князя, нет ли в них дневника графа, альбомов графини, а, может, и каких-нибудь писем Пушкина. (Почему бы и нет – ведь Поэт был вхож в их петербургский дом и даже, говорят, имел роман с графиней – но о последнем, само собой, не упомянул Его Сиятельству).

Полученный от князя 22 ноября того же года ответ ошеломил Раевского – архив графов Фикельмонов действительно хранится в теплицком замке, и в нем, как и предполагал

---

¹ Clary-Aldringen, Alfons. Geschichten eines alten Oesterreichers. – Frankfurt/M., Berlin, Wien: Ullstein, 1977.

Николай Алексеевич, имеется письмо Пушкина графине. Но дневника прадеда не существует, зато есть пррабабушкин с длинной записью о дуэли и смерти Поэта. Спустя некоторое время пришла бандероль с факсимиле того самого, неизвестного ранее письма Пушкина к графине Фикельмон от 25 апреля 1830 г. (на франц. яз.), и копией её дневниковой записи о дуэли.

Об оглашении сенсации – существовании дневника Дарьи Фёдоровны Фикельмон, о котором, как сказал Раевский, до той поры «не знал решительно никто» и который мог бы подтвердить или опровергнуть легенду об отношениях графини с Пушкиным, – тогда не могло быть и речи: шла война, Чехословакия была оккупирована фашистами. Однако и после её окончания Н.А. Раевскому не удалось оповестить о своей находке – 13 мая 1945 г. он был арестован в Праге, судим советским военным судом «за связь с мировой буржуазией» и приговорен к пяти годам тюремного заключения в советских тюрьмах и лагерях. Затем последовала ссылка на поселение в Красноярский край. Фактическое освобождение наступило лишь в конце 1960 г. Еще во Львовской пересыпочной тюрьме Раевский понял, что свободы лишился надолго, быть может, даже навсегда. Поэтому в феврале 1946 решается передать свой личный архив на сохранение в Пушкинский дом (ИРЛИ).

Но только спустя 10 лет в советской печати появилось официальное сообщение о находке дневника Д.Ф. Фикельмон. После ознакомления с архивом Н.А. Раевского Е.М. Хмелевская оповестила в периодическом издании Пушкинского Дома – «Пушкин. Исследования и материалы» **«О новом документе о дуэли и смерти Пушкина»²**, разумеется, без

---

² Е.М. Хмелевская. Из дневника графини Д.Ф. Фикельмон (новый документ о дуэли и смерти Пушкина). Пушкин. Исследования и материалы, Т. I, Пушкинский Дом, М.-Л., 1956. – С. 343-356.

ссылки на его первооткрывателя. Последовали отклики: статьи профессора Пражского университета А.В. Флоровского с выдержками из Дневника гр. Фикельмон **на русском языке**³. Их впервые довел до сведения русских читателей **Николай Васильевич Измайлова** в 1962 г.⁴ Между тем итальянская пушкинистка российского происхождения Нина Каухчишивили проявила расторопность – заполучила в Чехословакии копию «Дневника Дарьи Федоровны Фикельмон» и в 1968 г. издала в Милане первую дневниковую тетрадь (1829–1831), а также отрывки из 1832 и 1837 гг., касающиеся Пушкина и его жены. Этим изданием и пользовался Н.А. Раевский при работе над своей книгой **«Портреты заговорили»**.⁵

Однако все эти публикации и еще несколько других (**М.И. Гиллельсона, С.А. Рейсера**)⁶ затрагивали лишь одну тему – «Пушкин в дневнике Фикельмон». Пусть и важную, но в сущности обесцененную отрывом от многопластовой хроники пушкинского Петербурга, которую добросовестно на протяжении 9 лет, с 1829 по 1837 годы, вела графиня Фикельмон. Светская, придворная, общественная петербургская жизнь, проявленная через сотни оживших под пером автора знакомых и незнакомых нам спутников Поэта, – интерьер, в котором протекали последние годы Поэта. Именно в нём

---

³ Флоровский А.В. Пушкин на страницах дневника гр. Д.Ф. Фикельмон, «S v», 1959, с . XX III. 4; Флоровский А.В. Дневник гр. Д.Ф. Фикельмон. Из материалов по истории русского общества тридцатых годов XIX века. W w t ch J h b ch , В . 7, G z-Koeln, 1959.

⁴ Измайлова Н.В. «Пушкин в 4 дневнике Д.Ф. Фикельмон». Временник Пушкинской комиссии. 1962. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1963. – С. 29–37.

⁵ Раевский Н. Портреты заговорили. Алма-Ата, из-во «Жазушы», 1974.

⁶ М.И. Гиллельсон. Пушкин в итальянском издании дневника Д.Ф. Фикельмон. Временник Пушкинской комиссии, 1967-1968 / АН СССР. ОЛЯ. – Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1970. – С. 14–32; С.А. Рейсер. Пушкин в салоне Фикельмон (1829–1837). Временник пушкинской комиссии. 1977. АН СССР. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1980 (вып. 15). – С. 36–43.

вырисовывается истинный образ Пушкина и воспринимается совсем иначе, чем из оторванных от контекста отрывков.

Хроника эта, оставшаяся недоступной читателю, таит немало открытий для пушкиноведения. Упомяну о двух наиважнейших свидетельствах, не подмеченных прежними исследователями, но представляющих ключ к ещё не выясненной до конца преддверальной истории: о дне приёмов у баварского посланника графа Лерхенфельда (по четвергам) и так называемом царском следе.

Если упомянутый графиней Фикельмон в записи от 15.6.1833 г. день официальных приёмов у Лерхенфельда – ЧЕТВЕРГ – не изменился и в последующие годы, можно уточнить хронологию событий, предшествовавших вызову на дуэль Дантеся Пушкиным. Последний октябрьский четверг 1836 года приходился на 29 число. Следовательно, известный теперь эпизод, ставший поворотным пунктом в развитии преддверальной драмы, – РАЗГОВОР ГЕККЕРЕНА С Н.Н. ПУШКИНОЙ на балу у Лерхенфельда (во время которого он пытался склонить ее к сожительству с Дантесям) состоялся 29 ОКТЯБРЯ.

Отталкиваясь от сообщения Фикельмон, я выстроила свою версию **преддверльных событий**⁷. Повторила её и в первом варианте вступительной статьи к дневнику Долли Фикельмон, полный текст которого для издания на русском языке (с моими комментариями и примечаниями – результатом многолетних исследований) подготовлен еще в 2001 г.

История поисков свидетельств «по царственной линии», несомненное указание на которую имеется в «пасквиле», – сродни мифу. 170-летние попытки атрибуции «персонажей» диплома о рогоносцах привели к типичному для мифологии-

---

⁷ Впервые была изложена в моей книге «Она друг Пушкина была». Из-во «Христо Ботев», София, 1988; та же переиздана в 2-х томах из-вом «Терра – Книжный клуб», Москва, 2000.

ческого изложения смещению фигур и акцентов. П.Е. Щеголев в своей книге «Дуэль и смерть Пушкина», анализируя содержание анонимного письма, впервые ввел в пушкиноведение сведения о супругах Борхах. Однако вынужден был огорченно заключить: *«Но «по царственной линии» для Борха пока нет материалов»*⁸ (выделено мной – С.Б.). Обратите внимание – Павел Елисеевич видел в «пасквиле» намёк не на отношения царя с Н.Н. Пушкиной, а с графиней Любовью Борх. То есть пытался открыть «царский след» совсем не там, где ищут его современные исследователи, словно забывая совершенно очевидный факт – сам Пушкин не узрел в анонимном пасквиле никакого намека на связь царя с его женой. Видел лишь то, что было известно всему светскому обществу: царь сожительствует с графиней Борх – женой «непременного секретаря» ордена рогоносцев И. Борха. В этом убеждают и слова Пушкина, сказанные Данзасу по дороге к месту дуэли. Увидев едущих навстречу в карете четверней Борхов, Александр Сергеевич весьма беспечно воскликнул: «Voila deux ménages exemplaires» (франц.: Вот два образцовых супруга). Поняв, что до товарища не дошел смысла каламбура, пояснил: «Ведь жена живёт с кучером, а муж – с форейтором». Подразумевая под кучером царя, держащего бразды правления Россией.

П.Е. Щеголев, убежденный, что для «царственной линии» необходимы свидетельства об отношениях Николая I с очередной его фавориткой Любовью Борх (урождённой Голынской), оставил указание, где они могут быть открыты: *«Отмечу для будущих розысков, что Голынские – Любовь и Ольга – были внучками генерал-лейтенанта Павла Ивановича Арсеньева (род. 1770, ум. 25 ноября 1840 в Москве)»*⁹.

---

⁸ П.Е. Щеголев. Дуэль и смерть Пушкина. Москва. «Книга», 1987. – С. 381.

⁹ П.Е. Щеголев. Там же. – С. 381, прим.1.
98

Присовокупив, что Арсеньев состоял «кавалером» (т.е. воспитателем) при великих князьях Николае и Михаиле Павловичах и что в дальнейшем он также пользовался фавором у императора Николая: в 1835 г. из кабинета Е.И.В. ему были пожалованы 10 тысяч руб., «неизвестно за что»¹⁰.

Исследовательская интуиция не подвела Щеголева – «царский след» наконец-то обнаружен именно там, где он искал. Свидетельство об «интересе» царя к Любови Борх содержится в дневниковой записи Долли от 17.2.1832: «*Позавчера мы в свою очередь дали бал в честь Их Величеств. Он весьма удался. Император с Императрицей выглядели очень веселыми и красивыми. Император и Великий Князь Михаил танцевали до половины четвертого утра, что случилось с ними впервые в нынешнем бальном сезоне. На нашем бале присутствовала миниатюрная особа, которая в нынешнем сезоне в большой моде. Мадам Борх только что вышла замуж*¹¹. У нее прекрасные ярко-синие глаза; небольшого роста, миниатюрная, с очень маленькими прелестными ножками, ничего особенного в фигуре, самодовольный вид, не особенно умна, но весьма соблазнительная. Движется и танцует неграциозно» (подч. – С.Б.).

Появление на балу, данном Фикельмонами в честь Их Величеств, не очень знатной жены скромного актуариуса коллегии иностранных дел Любови Борх – это и есть ЦАРСКИЙ СЛЕД, так упорно искомый пушкинистами. Замечание Долли

¹⁰ П.Е. Щеголев. Там же. – С. 381. Следует заметить, что по сведениям из «Истории родов русского дворянства П.Н. Петрова (СПб., 1886) воспитателем вел. князей Николая и Константина (не Михаила) Павловичей был не генерал-лейтенант П.И. Арсеньев, а сенатор, тайн. советник Александр Александрович Арсеньев (1756–17.11.1844).

¹¹ У Щеголева указана ошибочная дата: 13 июля 1830г. (Там же. – С. 376). Мне удалось установить точную дату её вступления в брак – 13.1.1832.

*Имп. Александра Федоровна и имп. Николай
Худ. Кристина Робертсон. 1840-е*

о том, что зимний сезон 1832 Борх *была в большой моде*, в переводе со светского языка означает: на неё обратили внимание при Дворе, т. е. сам император. Надо полагать, что её присутствием объяснялось хорошее в тот вечер настроение Николая I и его брата, и совсем чрезвычайное обстоятельство – император танцевал до утра.

Запись Долли проясняет и резкую реакцию Николая I на прочитанный им (наконец-то!) после смерти Пушкина пасквиль – в нём он увидел, в первую очередь, оскорблении своей персоны – весьма прозрачный намёк на его связь с женой Борх. Этого-то он и не смог простить Дантеzu. Суд над дуэлянтом с первоначальным приговором – «повесить», заменённым царём высылкой из России и лишением чинов, отказ в последней аудиенции «его батюшке» Геккерену, награжденному Николаем эпитетом «гнусная каналья», – всем

этим ЦАРЬ ОТПЛАТИЛ не столько за Пушкина, сколько, прежде всего, **ЗА СЕБЯ САМОГО**.

Дневник Долли поможет завершить и затянувшийся спор пушкинистов о прототипе «Клеопатры Невы». Большинство считают, что им была Аграфена Закревская. А вот в конце XIX века Богуславский (автор воспоминаний о Николае I)¹² заявил: «*покойный Пушкин Клеопатрою Невы» называл гр. Е.М. Завадовскую.* В.В. Вересаев – особенно рьяный противник этой версии – возразил: «...об исключительной красоте её (Завадовской) не устают твердить воспоминания и письма этой эпохи. Однако среди всех этих упоминаний мы не встречаем нигде ни одного указания даже просто на очень обычную неверность мужу, а тем более на такую любовную разнузданность, которая давала бы возможность назвать её Клеопатрой»¹³

Ан нет, встречаем! Притом не одно, а несколько во всём том же державшимся под спудом дневнике Фикельмон. Приведу лишь три из них:

12.1.1830: «*Мадам Завадовская чрезмерно поглощена присутствием Императора, и это на многих производит тягостное впечатление*».

Вел. кн. Михаил Павлович.

Худ. Д. Доу 1820-е.

¹² Опубликованы в «Русской старине», 1898, № 7.

¹³ Вересаев, В. Княгиня Нина. О Нине Воронской. Любовный быт пушкинской эпохи. Т. П. М.: Из-во «Васанта», 1994. – С.141.

8.9.1830: «В высшем светском обществе бросается в глаза любовь графини Завадовской и генерала Апраксина. Бросается в глаза, ибо эти два существа, всецело поглощенные друг другом, представляют такой фраппирующий контраст с напускной благопристойностью петербургских дам, что это не может не быть мгновенно замечено всеми».

Гр. Елена Завадовская.
Худ. Альфред Чалон, 1838

17.1.1831: «Красивая и блестящая Завадовская совсем исчезла из светского общества; из-за болезни, как толкуют, или из-за сердечных мук, а, может, из-за неприятностей в семье, но вот уже три месяца она не показывается – заперлась дома. Но эта бедняжка не пользуется репутацией святой. Хочется верить, что все сплетни о ней не что иное, как злословие» (подч. – С.Б.).

Таков приговор Долли одной из «самых восхитительных» петербургских красавиц после пристального наблюдения за её адюльтерами – продолжительным, фраппирующим общество с генерал-майором от кавалерии Степаном Федоровичем Апраксиным и с императором Николаем I (чему, вероятно, её супруг и обязан назначением в 1833 обер-прокурором Сената).

Дневниковые записи кн. Фридриха Лихтенштейна говорят о том же – в глазах тогдашнего общества графиня Завадовская отнюдь не **выглядела святошей**¹⁴.

Это и многое другое – отголосок в творчестве Пушкина романа Завадовской с Апраксиным со всеми его последствиями, в том числе и вероятной беременностью – позволили мне выдвинуть версию, что именно она, а не Долли, и была героиней «жаркой истории» Пушкина¹⁵. Из всех кандидаток на эту роль прекрасная Елена более всего соответствовала перечисленным Нашокиным качествам: графиня, блестящая придворная дама, подруга императрицы (последнее подтверждают записи Долли). Полагаю, именно она прототип Графини в обойденном вниманием исследователей наброске драматического произведения из французской жизни, условно озаглавленном «Через неделю буду в Париже» и так же условно датированном 1834–1835 гг.¹⁶

Герой повествования Дорвиль застает свою возлюбленную в слезах. Полагая, что их причина – её интересное положение, успокаивает: «*никто ничего не подозревает; все думают, что у вас водяная. Для виду останетесь ещё недель шесть в своей комнате, потом опять явитесь в свет и все вам обрадуются*». Графиня сообщает ему пренеприятнейшее известие: завтра неожиданно возвращается из армии муж. Оба ищут спасительный выход. Наконец Графиню озаряет прекрасная мысль. «*Что такое?*» – спрашивает Дорвиль. – Я умру со

---

¹⁴ Выдержки из дневника Лихтенштейна см. в книге «Она друг Пушкина была» (Там же, глава «Пушкинский след в Лихтенштейне». – С. 437–485).

¹⁵ Подробнее об этом см. «Она друг Пушкина была» (глава «Героиня «жаркой истории Пушкина». Там же. – С. 378–391).

¹⁶ Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 16 т. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1959. Т. 7. Драматические произведения. – 1948. – С. 251–253.

стыда, но нет иного способа. – Что ж такое? – После узнаете». На этом месте текст обрывается.

И мы так никогда и не узнаем, какой выход из пиковой ситуации придумала литературная графиня. Но как выкрутился её прототип, объясняет запись Долли от 21.1.1833: «долгий траур и очень продолжительная болезнь». Траур в самом деле был долгим: 12.1.1831 умирает Евгений Влодек – 19-летний брат Елены Завадовской; 24.6.1831 скончалась Елизавета Павловна Завадовская (8.2.1763–24.6.1831) – супруга мужного дяди генерал-майора Якова Васильевича Завадовского (ум. в 1794), наместника Новгород-Северского наместничества.

А болезни? – Вероятно, та самая беременность. А может, освобождение от неё и последовавшие осложнения. Во всяком случае, у супружеских было только один ребенок – сын Петр Завадовский [у Л.А. Черейского ошибочно назван Павлом¹⁷ (1828–20.12.1842)], похоронен в Александро-Невской лавре, Федоровская церковь, где позднее будут погребены его **мать и отец**¹⁸. После долго отсутствия в обществе свой первый выезд (на бал в Департамент удолов) гр. Завадовская совершает 19 января 1833. «Побледнела, потускнела, и это не красит её. Но всё-таки была очень хороша в своем черном платье», – записывает Долли в дневнике 21.1.1833.

Светские кривотолки о неприятностях в семье Завадовских, пожалуй, не были безосновательными. Вот весьма любопытный факт: в Адресной книге жителей Санкт-Петербурга за 1837 год супруги записаны на разных адресах: дейст. статск. совет. гр. Василий Петрович Завадовский и его мать

---

¹⁷ Л.А.Черейский. Пушкин и его окружение. Изд. второе, дополненное и переработанное. – Л.: Наука, 1989. – С.160.

¹⁸ Петербургский Некрополь. – СПб.: Издание вел. кн. Николая Михайловича 1912–1913. – Т. I. – С. 171..

гр. Вера Николаевна Завадовская – по Невскому пр., д. 12;¹⁹
гр. Елена Михайловна Завадовская – по Литейному пр., д. 76.
В это же время, в январе 1837 (по свидетельству А.Н. Карамзина), она блистала на балах в Париже, «затмевая всех своей красотой». Известно также, что в 1838–1839 на деньги, полученные в наследство от кузена²⁰, Завадовские «с таким великолепием и вкусом отделали свой дом в Петербурге, с залами в стиле Людовиков XIV и XV, с мебелью, выписанной из Англии, что его ездили смотреть как диво знакомые и даже незнакомые хозяевам люди»²¹

Но принимала ли участие в его обустройстве графиня Елена или этим занималась вместе с сыном её свекровь? Сведений о разводе Завадовских не имеется. По всей вероятности, они просто жили в разъезде – графиня путешествовала по Европе, граф нёс свою службу в Петербурге: с 1833 обер-прокурор 4-го департамента Сената, с 1840 сенатор. В 1842 графиня пребывала в Неаполе с 14-летним сыном, где он и скончался (данные из Петербург. Некрополя).

---

¹⁹ С 1816 г. дом принадлежал богатому греческому торговцу надвор. советнику Эммануилу Калержи (20.12.1754–22.9.1829), после смерти которого перешел к его сыну Ивану Эммануиловичу Калержи (1814–1863). В нем сдавались в наём «большие и малые покой хорошо умеблированные» («СПб. ведомости» от 3.1.1829), один из которых с осени 1827 до весны 1828 снимал Пушкин (как установил В.Старк). А если в то время большие покой в этом доме уже были арендованы и Завадовскими, соседство это не только превращается в дополнительный аргумент для моей версии о «жаркой истории» Пушкина с гр. Еленой, но подтверждает дату сего события – конец 1827 г. (в начале 1828 в СПб. приехала К.Собаньская, и Пушкин снова был у её ног).

²⁰ Гр. Завадовский Иван Яковлевич (7.5.1785–6.3.1833, похор. А Александро-Невской Лавре, духовская црк.), действ. статск. советник, камергер двоюродный брат гр. В.П. Завадовского, которому он оставил наследство в 600 тыс. руб. Источник: СПБ.: Некрополь. – Т.1. – С.171).

²¹ Цявловский М. Автограф стихотворения «Красавица». «Московский пушкинист». – М.: Федерация, 1930. – Т. II. – С.176.

В другой адресной книге Петербурга за 1854 среди его жителей указан только тайн. советник гр. Завадовский В.П., проживавший по адресу Бол. Морская ул, дом Галлера. После смерти мужа в 1855 г. Елена Михайловна снова «прописана» в СПб., но уже по новому адресу: Дворцовая наб., д. 7 (Адресная книга за 1857 г.).

Бессспорно, вышеизложенные факты – не более как намётки для дальнейших поисков – в архивах, газетах и журналах пушкинской эпохи, адресных книгах, воспоминаниях современников. Послужные списки В.П. Завадовского также содержат данные для хронологии жизни его супруги. Однако розыски оставляю исследователям иного рода, убедить которых в реальности того или иного события может лишь официальная, желательно скрепленная печатью, бумага. А где взять подобную для подтверждения, скажем, той самой «пылкости воображения», что позволила Пушкину назвать Завадовскую Клеопатрою Невы? Уж он-то как никто другой знал, заслуживает ли она подобного сравнения – определенный опыт в отношениях с ней давал для этого основания. Знал это и князь Петр Вяземский, передавший в письме Пушкину от 23.1.1829 привет Нине Воронской (шалунишки-мужчины ох как любят баxвалиться своим победами над женщинами!). Но что там Вяземский? Что красноречивые свидетельства Долли? Не поколебать им устоявшегося мнения солидных пушкинистов типа Вересаева: «*Если бы не один Вяземский с каким-то Богуславским, а все близкие и далекие друзья Пушкина дружным хором свидетельствовали, что Клеопатра – это Завадовская, мы вправе им не поверить и не признать за их свидетельствами решительно никакой ценности*».²² Как бы ни мимолетна была «жаркая история» Поэта с Завадовской, она воспламенила его Вдохновение. Оставила след в его

---

²² Вересаев, В. Княгиня Нина. Там же. – С.142.
106

творчестве. Ей посвящено одно из лучших его стихотворений «Красавица». Ее портрет воссоздан в известной XVI строфе 8-й главы «Евгения Онегина»:

*Она сидела у стола
С блестящей Ниной Воронскою
Сей Клеопатрою Невы;
И верно б согласились вы,
Что Нина мраморной красою
Затмить соседку не могла,
Хоть ослепительно была*

И в варианте той же строфы, оставшейся в черновиках:

*[Смотрите] в залу Нина входит,
Остановилась у дверей
И взгляд рассеянный обводит
Кругом внимательных гостей.
В волненыи перси – плечи блещут,
Горит в алмазах голова,
Вокруг стана [вьются] и трепещат
Прозрачной сетью кружева,
И шелк узорной паутиной
Сквозит на розовых ногах...²³*

Ее образ видится не только в вышеупомянутом наброске драматического произведения, но и в «Арапе Петра Великого», «Египетских ночах», в неоконченной повести «Мы проводили вечер на даче...»

Новые штрихи к портрету Завадовской – всего лишь малая толика сведений, зафиксированных в Дневнике Долли о «спутниках» Пушкина. Чтобы только перечислить их имена, потребуется добрая страница. Здесь и многие друзья Пуш-

---

²³ Пушкин А.С. Полное собрание сочинений в 17 т. – М.: Воскресенье. – Т.6. – 1995. – С.515.

кина – Михаил Виельгорский, Александр Тургенев, Петр Вяземский – с этим с ворчуном, ставшим завсегдатаем её салона, её балов, загородных прогулок, она особенно сблизилась. Военные, политики, общественные деятели, учёные, царедворцы, просто светские люди. И плеяды дипломатов – известных: гр. Беарн, герц. Мортемар, Бургун, Лагрене, Барант, Геккерен, Морнэ, Сюлливан, Дюрэм, кн.Фридрих Лихтенштейн, Лудольф и неизвестных, тем кому еще предстоит занять место на орбите Пушкина: лорд, английский посол бар. Уильям Хейтсбери, поверенный в делах прусского посольства гр. Матиас Галлен, португальский дипломат и поэт Джоан Алмейда, бразильский посланник маркиз Силва да Резенде, сотрудники австрийского посольства Миарт и Келлер и французского – гр. Монтессюи.

Из сонма прекрасных дам – пассий Поэта, представленных гр. Фикельмон в новых неожиданных, порою шокирующих ракурсах, позволю выделить ещё двух – гр. Марию Мусину-Пушкину и её сестру княжну Софию Урусову. Разбросанные по дневнику записи о первой (о её внешности, о её «довольно скучном» супруге Иване Алексеевиче, светских флиртах, в том числе с её будущим 2-м мужем кн. Горчаковым А.М.) – живые детали к портрету Марии Мусин-Пушкиной, далеко не столь лучезарному как тот, что сложился к сегодняшнему дню в пушкинистике. О том, что Пушкин был влюблён в неё, стало известно еще в начале 20 в. Но вот когда это было, продолжают гадать. Снова отвечает Долли: «*Графиня Пушкина в этом сезоне в зените красоты; она сверкает новым блеском благодаря почитанию, которое ей воздает Пушкин-поэт*»²⁴. Значит, было это в ЗИМНИЙ СЕЗОН 1832–1833.

Как уже отмечалось, Дневник Долли введен в научный оборот главным образом из-за сведений о Пушкине и его кра-

---

²⁴ Запись в Дневнике Долли от 17.11.1832.
108

савице-жене. Та, которую по великому заблуждению, называют Героиней «жаркой истории», казалось бы, должна «заклиниться» на своем Герое. Ничего подобного. Записи о Пушкиных – капля в море в сравнении с превеликим вниманием к «белокурой, бело-розовой, с ослепительной кожей лица», подобной «изумительному сиянию дня» – княжне Софии Урусовой.

Долли вообще страдала болезненным любопытством к красавицам. Будто сравнивала их с собой. А эта к тому же, как поговаривали, была фавориткой Императора. Прелесть княжны в глазах Долли сразу померкла: и глупа, и лицо невыразительно, и ведет себя вызывающе. За всем этим так и слышался невысказанный вопрос: «Что он в ней нашел?». Свое недоброе пристрастное внимание к княжне оправдывала лицемерной жалостью к бедняжке Императрице. Облегченно вздохнула, когда фавор, по установившейся традиции, перешел в затянувшиеся поиски подходящего мужа для метрессы. Но тут всплыло еще одно обстоятельство, затронувшее – непосредственно и весьма унизительно – честь «кутузовского тавра», а именно семьи любимой тетушки Долли – Дарьи Михайловны Опочининой. Император решил женить на Урусовой Павла Александрова – побочного сына великого князя Константина Павловича. А тот с отрочества был помолвлен с двоюродной сестрой Долли – Александрой

София Урусова. Худ. П. Соколов. 1827

Опочининой. Из «благородства» и уважения к её отцу Фёдору Петровичу Опочинину – шталмейстеру двора, а фактически своему «постельничему», Император удостаивает его доверительным разговором: «*Дорогой друг, не скрою от вас, что я люблю княжну Урусову превыше всего и что это то супружество, которого я желаю для Александрова. Но подождём полгода, пусть юноша за это время решит, какая из двух особ ему большие подходит, и если его выбор не падет на княжну, я предпоючила, чтобы его избранницей стала Ваша дочь, чем какая-либо иная*»²⁵. Опочинин «отверг эту сделку и отказал Александрову от дома». Сердце его прелестной дочери разбито. В январе 1833, после оповещения помолвки Александрова с княжной Анной Александровной Щербатовой, 19-летняя девица получает апоплексический удар, две недели пребывая в горячке, на грани между жизнью и смертью: «*Она осталась в здравом рассудке, сохранила память, но сколько ростков горечи и муки проросло в её душе!*»²⁶

Жених фаворитке тоже был подобран. 15.9.1832 Долли радостно отмечает: «*Была объявлена помолвка княжны Урусовой. И новость эта как изумила одних, так и обрадовала других. Ловлю себя на мысли, что я в самом деле плохой человек! Ибо даже известие о её замужестве не приглушило моего беспокойства за Императрицу. О помолвке оповестили в день водружения Александровской колонны. Это грандиозное и волнующее событие состоялось 30 августа*».

Помолвка Урусовой с кн. Леоном Радзивиллом²⁷ и есть та самая изюминка, ради которой пересказана сия «душев-

---

²⁵ Там же, Запись от 25.1.1832.

²⁶ Там же. Запись от 23.3.1833.

²⁷ Князь. Леон Радзивилл (1808–25.01.1885), с 1825 юнкер л.-гв. Гродненского гусарск. полка, с 1832 флигель-адъютант Николая I, позд. генерал-лейтенант.

щипательная» история. Вспомним одно из самых трепетных любовных посланий Пушкина «*Нет, нет, не должен я, не смею, не могу волнениям любви безумно предаваться*». По последним уточненным данным оно написано 5 октября 1832. Адресат посвящения, как принято считать, – Надежда Соллогуб. Вникнем в смысл заключительных строк стихотворения: «*И сердцем ей желать все блага жизни сей, Веселый мир души, беспечные досуги, Все – даже счаствие того, кто избран ей, Кто милой деве даст название супруги*». Несомненно, это желание некой, вступающей в супружество невесте, которая к тому же хорошо знакома Поэту. Таковой в то время и была княжна София Урусова: недавно обручена, жених её «избран» самим Николаем I. Юная же Надежда Соллогуб – ну ни в клин, ни в рукав. Только что выпорхнула из пансиона «Святой Екатерины», ей еще предстоит стать возлюбленной цесаревича Александра Николаевича, а затем великого князя Михаила Павловича. И лишь спустя четыре года (9.10.1836) стать женой А.Н. Свистунова. Естественно сразу же возникает вопрос: почему столь запоздала реакция Поэта на событие, взбудоражившее всю столицу? Проверяю, был ли тогда Пушкин в Петербурге? Да был. Но с начала сентября голова его занята важными делами – сначала издательскими, а затем хлопотами о разрешении перевезти в Полотняный завод тело умершего (8.9.1832) деда жены А.Н. Гончарова. Только 17 сентября он выехал из Петербурга: Полотняный завод, с начала октября – Москва, где оставался до 10 октября.

Визиты к друзьям. 5 октября – встреча с Полиной Бартеневой²⁸. В тот день она пела.

---

²⁸ Прасковья (Полина) Арсеньевна Бартенева [13/25.11.1811–24.1/5.2.1872, Петербург), — салонная певица (сопрано), с 1835 камер-фрейлина императрицы и, благодаря чарующему голосу, придворная певица.

Баратенева Прасковья (Полина)
Арсеньевна

Разнеженный и вдохновленный её пением, он записывает ей в альбом строки из «Каменного гостя»: «*Из наслаждений жизни Одной любви музыка уступает, Но и любовь гармония...*», в которых по странной прихоти заменяет «любовь – мелодия» на «любовь – гармония». Так ли уж странна эта прихоть, если предположить, что в тот вечер падкие на пересуды московские кумушки перемывали косточки княжны Урусовой? Особенно раздражали всех её уверения, будто

вступает в брак по любви. Любви к человеку – по словам Долли – абсолютно «лишенному ума и привлекательности»?! Так что этой заменой Пушкин словно бы возражал ей, Софии Урусовой: любовь – это даже не мелодия, а ГАРМОНИЯ! А когда поздним вечером вернулся в гостиницу «Англия» на Тверской, где остановился на постой, встрепенувшиеся БЫЛЫЕ чувства к ЮНОЙ княжне полились Мелодией любви...

Об образах Пушкина и его жены в дневнике Фикельмон поминать не буду – об этом писано–переписано. Пожелаю будущим читателям Дневника самим рассмотреть их средь той обстановки, в какой их представила Долли. Они воспримутся совсем по-иному, чем из хорошо известных, но оторванных от контекста цитат.

Сколько еще нового, неназванного здесь, осталось в сокровищнице дневника Фикельмон! Два неизвестных факта, которые непременно впишутся в летопись жизни Пушкина:

пребывание в России летом 1830 Ф.И. Тютчева²⁹ и приезд в Петербург в январе 1833 князя А.М. Горчакова, что предполагает ещё одну и последнюю встречу Поэта со своим лицейским товарищем. Подобная могла состояться у Пушкина и с Тютчевым³⁰. Волнующий рассказ Долли о смерти Екатерины (Теклы) Дмитриевны Шишковой – жены трагически погибшего поэта и переводчика А.А. Шишкова, приятеля Пушкина, который принимал участие в судьбе его вдовы и дочери. Пикантные подробности об Александре Россетти, Princesse Nocturne – Евдокии Голицыной, Надежде Соллогуб, Анне Абамелек, Идалии Полетике, Аграфене Закревской, Наталье Строгановой, Амалии Крюднер, за которую Пушкин удостоился от Натальи Николаевны звонкой пощечины. А Тютчев обессмертил положенными на его стихи романсами «Я помню время золотое» и «Я встретил вас – и все былое...». Сведения о ней в пушкинистике весьма скучные, притом недостоверные. У Долли же описания залетной красавицы заполонили дневник на целых пять месяцев – с мая по сентябрь 1833 г. Оказалось, Амалия была не дочерью, а единокровной сестрой пресловутого баварского посланника в Петербурге Максимилиана Лерхенфельда. Биографические данные о последнем (даты его жизни, сроки пребывания в Петербурге, карьера),

---

²⁹ О встрече с Тютчевым – «маленьким человеком в очках, весьма некрасивом, но хорошо разговаривающим» Фикельмон рассказала в записи от 18.7.1830.

³⁰ До недавнего времени об этом приезде Тютчева с семьей в Россию не было известно. В Петербурге супруги Тютчевы наносили светские визиты. Трудно представить, чтобы Вяземский не встретился со своим старым знакомцем и не представил его Пушкину, пребывавшему в СПб. три недели (19 июля–10 августа). Считается, что оба поэта не были знакомы (второй раз Тютчевы приезжали в Россию в 1837, уже после смерти Пушкина) и что Тютчева «рекомендовал» Пушкину И.С. Гагарин, весной 1836 приславший из Мюнхена через Амалию Крюднер несколько десятков его стихотворений для публикации в «Современнике».

впервые введенные в пушкиноведение многоуважаемым П.Е. Щеголевым, также оказались ошибочными. Установить это, как ни парадоксально, помог мне сам Павел Елисеевич.

Описания светской суеты перемежаются с мудрыми рассуждениями графини о политической ситуации в Европе 1830-х годов. Несомненно, в них слышится и мнение австрийского посла, и отзвук бесед в её салоне. Благодаря этому размышления Долли вдвойне интересней – они являются своеобразной канвой тем, которые она могла обсуждать при встречах с Пушкиным! Одну из них знаем с достоверностью – польское восстание 1830–1831 гг., в спорах о котором пересорились друзья: Пушкин, Вяземский, Фикельмон. Было из-за чего скрестить шпаги – ведь Долли внимательно, со страдательным сердцем и глазами мудрой жены дипломата, следила за развитием событий в Польше.

А что же с легендой о «жаркой истории» Пушкина и Долли, побудившей Н. Раевского к поискам свидетельств в архиве Фикельмонов? Убежденно заявляю: бессмысленная, оскорбительная для чести гордой и высоконравственной внучки Кутузова напраслина, в чем читатель удостоверится сам, ознакомившись с её записками. Не более как «устная новелла Пушкина», рассказанная П.В. Нащокину. Сторонники подлинности сего происшествия относят его к 1832 или 1833 гг., записи которых находятся во второй, неизданной Каухчишвили, части дневника. Именно непрочтение всего текста записок и подвело Раевского: *«Мне кажется вероятным, что именно 22 ноября 1832 года можно считать той датой, после которой произошло незабываемое для Долли событие. Когда будет опубликована (надо надеяться) и вторая тетрадь дневника, промежуток времени, в течение которого могла произойти интимная встреча графини и поэта, быть может, удастся сократить.»*

Что же такого случилось 22 ноября 1832?

Справимся в дневнике Фикельмон. Вот что она записала в тот день: «*Вчера (т.е. 21-го) у нас был первый в сезоне большой раут, который прошёл совершенно блестательно и имел огромный успех. Общество пока лишено своего лучшего украшения, поскольку почти все молодые дамы ещё не выезжают. Однако самой прекрасной вчера была Пушкина, которую мы прозвали Поэтической, как из-за её супруга, так и за её небесную и несравненную красоту. Это образ, возле которого можно оставаться часами как перед совершеннейшим творением Создателя!..*»

И какое же заключение можно сделать из этой записи?

– Искреннее восхищение несравненной красотой! Только абсолютное непонимание натуры Долли может привести к иному выводу: будто в ней заговорила ревность или того хуже – подлецкое желание подвергнуть испытанию чувства Пушкина к красавице-жене, соблазнив его и тем самым утверждив свое превосходство над Совершеннейшей!

Запись заканчивается упоминанием о «несколько провинциальном» бале у графов Зубовых: «*Я привезла оттуда только насморк и кашель*». Следующая сделана лишь 30 ноября. В ней Долли весьма буднично заметила: «*Не выходила из дома несколько дней, в течение которых Медженис, Марцеллин, Лубенский, Вяземский и Скарягин приходили развлекать меня*».

17-го декабря – у Фикельмонов второй большой прием, интересный для нас сообщением: «*За столом я сидела рядом с Пушкиным, у которого очень подвижный ум, намного больше, чем мы привыкли встречать здесь*», – как ни вчитывайся, прозаическое, без каких-либо эмоций, повторение того, что Долли ещё ранее подметила в Поэте. А далее, до конца года и в течение следующего – ровное повествование о светских

раутах, встречах, обедах, ужинах и танцах, в котором не сыщешь даже намёка на интимную близость с Пушкиным.

Защищая честь Поэта, Раевский возразил Гроссману: «Если признать, что рассказ Пушкина о приключении с графиней Фикельмон – выдумка, своего рода «новелла», то пришлось бы этот «художественный» оговор ни в чем не повинной женщины назвать не «устной», а «гнусной» новеллой».³¹

Хотя бы только для того, чтобы снять этот гнусный оговор, следовало поторопиться с изданием полного текста дневника.

В чем же причина столь преступного отношения к Запискам современницы и друга Пушкина? Ведь микрофильм с их текстом ещё в сентябре 1947 г. был привезён делегацией чехословацких писателей в дар советским коллегам³².

Однако следы его затерялись – никто из известных пушкинистов, даже сотрудников ИРЛИ, к которым я обращалась за справкой, не слышал о его существовании. А он, как оказалось, был у них под боком, и кое-кто все-таки знал, где он хранится. Вот, что читаем в статье М.И. Гиллельсона «Пушкин в итальянском издании дневника Д.Ф. Фикельмон»: «Итальянское издание дневников Д.Ф. Фикельмон бесспорно доказало их важность как исторического источника. Вместе с тем это издание, ограниченное 1829–1831 годами и содержащее ряд купюр – еще раз подчеркнем, что перед нами связный, но не полный текст, – побуждает высказать желание о необходимости русского издания этих дневников. Микрофильм, хранящийся в рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский дом), дает возможность

³¹ Н.А. Раевский. «Портреты заговорили». – Алма-Ата: из-во «Жазушы», 1980. – С. 295–296.

³² О чём я узнала из переписки бывшего директора Всесоюзного музея Пушкина М.М Калаушина с проф. Братиславского ун-та А.В. Исаченко (с их письмами меня познакомила в Вене дочь Исаченко Варвара Александровна Куннельт-Леддильн, у которой они хранятся в большом сундуке).

осуществить это издание, столь необходимое для историков русской литературы XIX в. » – так заключает свое изложение М.И. Гиллельсон.³³

Подчеркнутые мною слова – пожалуй, самый пронзительный аккорд в патетической оратории «Наше все»

Более шести десятилетий дневник Долли пролежал невостребованным! Но и сему есть некоторое оправдание. Как уже сказано выше, первые его исследователи «выудили», оторвали от контекста все записи о Пушкине и его жене и в таком виде пустили на свет Божий. Самое ценное изъято, остальное – любопытно, но показалось не столь важным (как жестоко ошиблись они! – в чем читатель сам убедится!). Другая причина – в знамении времени: моя работа над записками Фикельмон пришла на эпоху, когда книгоиздатели предпочитают выпускать лишь то, что приносит мгновенную коммерческую прибыль. У тех же, кто пытается держать марку и не печатает ширпотреба, как правило, нет денег на издание такого гроссбуха (330 стр. текста, двойной объем комментариев и около ста иллюстраций, в основном цветных). Один из таких последних могиканов – московское издательство «Минувшее», с которым ещё в декабре 2001 мною подписан договор о публикации дневника. А пока суть да дело, имевшиеся у издательства средства ушли на другие насущные нужды. Поиски спонсоров не принесли желаемых результатов. Год назад проглянул лучик надежды – Федеральное агентство РФ по печати и массовым коммуникациям выделило грант на печать горемычного дневника. С выплатой гранта тянули и, наконец, отказали под предлогом слишком большой сумма, на которую можно издать две других важных книжки!

Такова истинная цена российской любви к «*нашему могу-чему духовному исполнину*». К сожалению...

---

³³ Опубликовано еще в 1970 г. – см. прим. 5 к 1-й странице статьи.

*Рисунки Пушкина на полях рукописей.
К стр. 134*

*Поморские
страницы*

Anatolij Černyšev

Дыханье вечности

*В небесах торжественно и чудно.
(M. Лермонтов)*

* * *

Как таинство, не видим и не слышен,
От наших глаз ты, Господи, сокрыт.
Яви свой лик и глас низвергни свыше
На суетный, на меркантильный быт.
И грянул глас!
И молния, как росчерк,
Легла на голубое полотно.
Автографа доподлинней и бросче
Не начертать – не пробуй, не дано.
И вихря столб запеленал берёзу
В тугую шелковистую листву.
И крупные, горошинами, слёзы
Упали на лицо и на траву.
И понял я, что бог материален,
Что осязаем, первороден бог,
Как этот купол голубой, реален
И, словно вечность, истинно глубок.
И пал я ниц в смиренье перед богом
И душу сокровенную открыл.
И в тот же миг, ничтожный и убогий,
Я ощущил касанье его крыл.

* * *

А ведь в небе можно заблудиться:
Столько звёзд и столько там планет.
И, наверно, души, словно птицы,
Там летают, излучая свет.
И, наверно, тянутся друг к дружке
Вдалеке от матери земли.
И, конечно, несравненный Пушкин
Там свою встречает Натали.
И туда стремятся наши души.
И туда уносятся мечты.
Пушкин, Пушкин, ты хоть и воздушен,
Всё же с нами остаёшься ты.
Человечность, устремляясь в вечность,
Помнит всё, что было до неё.
Вот и мы, забыв свою беспечность,
Всё возьмём: и ваше и свое.
И конечно, родичей отыщем,
Возродим единую семью.
Сколько вас?
Наверно, больше тыщи?
Я с земли вам голос подаю.

* * *

Поплыну на чьих-то плечах
К недрам матери земли.
Будет утро.
Будет вечер.
Будет зарево вдали.
И душа, летая в небе.
Бестелесная уже,
Будет видеть мир, как небыль,

Весь распахнутый душе.
Он лежит, как на ладони,
Сокровенность не тая.
Светят окна в каждом доме.
В каждом доме есть семья.
С кошкой возится малышка.
Улыбается отец.
Мать стоит на кухне с плошкой:
День закончен, наконец.
Тихий вечер.
Сытный ужин.
Разговор о том, о сём.
Телевизор есть, к тому же.
И достаток есть во всём.
И душе моей уютно.
Звёздный светится эфир.
Засыпает многолюдный
Городской и сельский мир.

* * *

Клокочет мир.
И грозы громыхают.
Вот-вот ударит молния с небес.
Земля ж томится, горькая, сухая.
Изнемогает от удушья лес.
А человек?
Ему б пахать и сеять
И собирать богатый урожай.
Ему бы Русь кормить свою, Расею:
Живи, родная, и детей рожай.
А мсье француз?
А гордый англичанин?

А фермер из Техаса?
Что ж они?
Нужны им эти грозы и печали
И письма фронтовые от родни?
Мы божьи дети.
Мы его творенье.
Должны хранить достоинство его,
Нести в себе священное горенье,
Заложенное в душах божество.
И не грозить ближайшему соседу,
Не покушаться на чужой надел.
А пригласить на мирную беседу
И отдохнуть от горечей и дел.

* * *

А ты слезу у сироты не вытер,
Убогому копейки не подал,
Не совершил в душе своей открытий,
Чтоб вознести к Творцу на пьедестал.
А он не пожалел такие клады,
Таких задатков в душу заложил,
Чтобы она благоухала садом,
И мир вокруг, благоухая, жил.
Но где они, великие порывы,
Уроки состраданья и добра?
Твоя душа калитки не открыла
Той нищенке, что мёрзла у двора.
Зачем она?
Пускай бредёт с сумою,
Не портит вид, ухоженный уют.
Она слезой судьбу свою омоет
И, может, встретит тех, что подают.

* * *

Мне кажется, портреты улыбаются:
Портреты моих близких на стене.
И хочется беседовать и каяться
За всё, что не пришлось доделать мне.
Как будто мог я дать им и не додал
Уюта, коммунального тепла,
Круизов на шикарных пароходах,
Обильного домашнего стола.
Увы, не мог.
Теперь иное дело.
Я кое-что умею и могу.
Да только время быстро пролетело.
И ты живёшь безрадостно в долгу.

* * *

Куда уходит время?
Да, куда
Уходят краски, звуки, ароматы.
И красота не та уже, не та.
А та исчезла, уплыла куда-то.
Ни адреса, ни прочих позывных.
Не позвонить, не попросить о встрече.
А мне не надо радостей иных,
Вернуть бы тот, неповторимый вечер.
Но он ушёл куда-то в никуда,
Истаял в неизвестности вселенской.
И лишь с хрестоматийного листа
Онегину толкует что-то Ленский.

* * *

Уходящие тени всё плывут и плывут
Уходящие тени смутно в сердце живут.
Истончаются, тают, всё бледней становясь,
И вот-вот оборвётся последняя связь.
Я едва узнаю облик первой любви.
Слишком он далеко: хоть зови не зови.
Уходящая тень.
Уходящая жизнь.
Ну, куда ты спешишь?
Подожди, задержись!
Расплывается, тает.
Не слышит меня.
А ведь столько в ней было когда-то огня.
Негасимый огонь еле тлеет в ночи.
Не дозваться его, хоть кричи не кричи.
Уходящие тени всё плывут и плывут
И, наверно, меня за собою зовут.

* * *

Дефиска между датами – и всё.
Год смерти, год рождения – очень сухо.
Для путника она – ни то, ни сё.
А где судьба?
А где величье духа?
Но вот лежат привядшие цветы,
Распространяя аромат последний.
И понимаешь неизбывность ты:
Не зря приходят с этим даром летним.
Кому-то дорог этот человек.
Видать, поныне в сердце остаётся.

Наверно, был достойным его век,
Коль у живых любовно сердце бьётся.
Я не знаком, не ведаю, кто он.
Но с уваженьем голову склоняю.
Прими и мой бесхитростный поклон:
Чему-то научился у тебя я.

* * *

Не старейте, старые актёры,
Сохраняйтесь в жизни, как в кино,
Будьте нашей юности опорой,
И не пойте про «давным-давно...»
Никаких «давно».
Всё обок, рядом.
«Муля, не нервируй», – в сотый раз
Слушаю Раневскую с отрадой
И с экрана не спускаю глаз.
Красота Дорониной, Орловой,
Гундаревой женственность и смех
Пусть живут как вечная основа,
Не тускнея в памяти у всех.
Скажут – бред.
А нам плевать на это.
Мы несём их образы в душе,
Не старея, как они, при этом,
С ними породнённые уже.

Женщина

Да это же творение искусства,
Почти невероятный образец.
Живую плоть и трепетность, и чувство, –
Всё, что имел, вложил в неё Творец.

Ах, как идёт!
Как царственна походка!
И как изящен, бесподобен стан.
Её улыбка женственно и кротко
Вполне подходит к трепетным устам.
Вот так пройдёт видением по жизни,
Покачивая бёдрами слегка.
И улыбнётся, приближаясь к тризне,
И уплывёт легко за облака.

* * *

Ах, как любил он, как любил.
Так жаждут солнца в непогоду.
Он отраженьем её был,
Старея тихо год от года.
И даже в свой последний час
Её, любимую, он помнил.
Душа светилась в нём, лучась.
Он весь был ею переполнен.
Собрались близкие, друзья
Отдать последний долг поэту.
Она на тризне бытия
Печальней всех была одета.
За гранью смертного конца
Он в том увидел божью милость.
И с отрешённого лица
Слеза не здешняя скатилась.

* * *

Душа возносится на небо,
Когда над храмом слышен звон.

Как будто сказочную небыль
Моей душе дарует он.
И эта сказочность полёта
Сулит блаженство и покой.
И так порою неохота
Томиться в клетке городской.
И сердце тает,
Сердце тает,
Куда-то к звёздам возносясь,
Где жизнь небесная, святая
Нам обещает тиши да ясь,
Где отдыхают сладко нервы,
Где бьют целебные ключи,
Где сладкий голос Анны Герман
Как колыбельная звучит.
Плыvите сладостные звуки,
Призывней колокол звучи.
Пусть тают, тают наши муки,
И бьют целебные ключи.

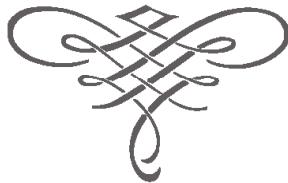
* * *

Коль чутким сердцем слышишь небо
И ощущаешь близость гроз,
Коль веришь в сказочную небыль,
Как будто с нею вместе рос,
То значит – сердце всё ранимей,
Отзычивей твоя душа.
Она Вселенную обнимет,
В ней растворится, не дыша.
Там всё распахнуто, радушно,
Без наших дрязг и мелочей.
Там звёздный полог благодушно

Мерцает в сумраке ночей.
Оно покоем дышит, небо,
И дарит людям благодать.
Оно как сказочная небыль,
Где люди учатся летать.

* * *

Вокруг обыденные лица
И обычательский покой.
И лишь Гагарин со страницы
Приветно машет нам рукой.
Он машет всем: кто с центрифуги,
Слегка покачиваясь, слез,
Кто, напрягаясь от натуги,
В тайге дремучей валит лес.
Идут года.
Мелькают лица:
Вожди, политики, зека.
Но та великая страница
Дана России на века.

Ольга Федорищева

Петербургские зарисовки. Пушкину

Весна — но с прежней живостью рисуется
Старинный град над сутолокой уличной.
Я шла вдоль старой стреловидной улицы,
Дома смотрели вежливо и сумрачно.

И окна в них темнели, будто омыты.
Они довлели арками и сводами,
И, рябью суетливо подёрнута,
Катила Мойка воды с теплоходами.

Желала прикоснуться тихо к свету я.
Переживала боль твою и горе я.
Вокруг меня, в холодный дождь одетая,
Стояла молчаливая история.

Когда же я узнала, что не сбудется
Моя мечта побывать в твоей обители,
Как будто постарели разом улицы.
И разбрелись собравшиеся зрители,
И двор дремал громадою неслышною,
Стена желтела кротко многоокая.
Лишь в высоте невидимо над крышами
Всё пела, пела птица одинокая.

Я шла назад — кафе манили красками,
На Невском ветер промышлял разбойники
И думала, что в день зимы неласковый
Белело небо так же над тобой.

Ася Горская

* * *

Зажжём свечу и сядем кругом?
Прислушаемся, помолчим,
И под крылом февральской выюги
Полозьев звуки различим.

Кого оплакивают сани?
Кто в них с поникшей головой?
То Пушкин, он смертельно ранен.
Наш Пушкин. Он ещё живой...

Его везут тайком от люда,
Над ним судьба свершила суд.
А может быть, свершится чудо
И боги Пушкина спасут?

Взмахни крылом февральским, выюга,
И отступи с дороги. Чу...
Мы поспешим на голос друга!
Зажжём в честь Пушкина свечу...

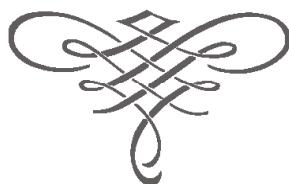
Зажжём свечу и сядем кругом.

* * *

Какие берёзы в Михайловском...
Они излучают рассвет.
На каждой берёзе в Михайловском
Посланий таинственный свет.

По белому знаками, точками
На бересте письмена.
Прочти, что за этими строчками,
Чьи вписаны там имена...

Вот почерк родной с завитушками
Доносит взволнованный сказ...
На каждой берёзе от Пушкина
Автограф оставлен для нас.

Изобразительная
пушкиниана

Мстислав Добужинский

О рисунках Пушкина

Тот факт, что Пушкин умел и любил рисовать, кажется совершенно нормальным явлением при пламенности темперамента и силе воображения его гениальной натуры. Но его рисунки, наброски, композиции и простые «шутки пера» не только ценны как автографы поэта и «психологические документы» – они замечательны и как настоящие художественные произведения, говорящие об исключительной одаренности Пушкина-художника.

Рисовали многие писатели и поэты, иные были настоящими художниками. Делал прекрасные рисунки Гете; известны замечательные сепии Виктора Гюго, где он – подлинный мастер-романтик; был искусным, изящным офортистом Жуковский; Лермонтов серьезно занимался живописью и даже колебался, не отдаваться ли ей всецело. Рисунком владел отлично Гоголь.

Но лишь в редких случаях такие рисунки полностью отражают художественную натуру автора. Чаще эти рисунки «не похожи» на настоящее «лицо» поэта. Как далека, например, точная гоголевская графика от горячечного темперамента его прозы.

Пушкин, правда, никогда не относился к своему рисованию серьезно и, в сущности, был «любителем», но, как и все, до чего он касался, даже и слегка, рисунки его носят печать его гениальности, причем можно с уверенностью сказать, что рисование было его духовной потребностью. Оно занимает

совершенно определенное место – правда, скромное – в области его творчества, а с его думами и образами и с многими сторонами его душевной жизни связано нераздельно. Об этом не столь говорят его альбомные, часто случайные, рисунки (которых, кстати сказать, до нас дошло немного), сколько те многочисленные наброски и рисунки его черновых рукописей, которые стали известны широкой публике лишь в недавнее время, так как вряд ли при жизни Пушкина кто-либо мог их видеть. Рисунки эти сделаны Пушкиным для себя, для показа не предназначались, и эта их интимность придает им совершенно исключительное значение.

После смерти Пушкина в критической литературе об этих рисунках почти не упоминается до того, как Анненков и Якушкин, изучая рукописи Пушкина, впервые обратили на них серьезное внимание: отмечена была их живость и темпераментность, но занимала больше их сюжетность, художественная же сторона оставалась в тени. Впервые выставлены были некоторые отдельные рисунки на юбилейных выставках 1880 и 1899 гг. и воспроизведены впервые в альбомах этих выставок. Но по-настоящему широкая публика ознакомилась с рисунками Пушкина по Венгеровскому изданию его сочинений, а серьезное изучение этих рисунков началось лишь в самое последнее время в Советском Союзе.

В фототипическом издании всех рукописей Пушкина нас ожидают новые сюрпризы, новые находки. Но можно утверждать, что мы знаем лишь небольшую часть всего, что было нарисовано Пушкиным за всю его жизнь, потому что очень многие рисунки настолько техничны, что естественно считать их как бы результатом целого ряда других, нам неизвестных, где эта техника сама собой вырабатывалась, где Пушкин, так сказать, «набивал руку». Все же то, что мы в настоящее время знаем из его рисунков, представляет настолько обширный и

разнообразный материал, что можно уже делать определенные выводы. В рисунках Пушкина открываются нам еще новые и новые черты его личности; они воскрешают живого Пушкина, приближают его к нам и даже по-новому освещают некоторые стороны его творчества.

Естественно любопытство: как и у кого учился Пушкин, кто мог на него влиять и как он сам относился к художеству?

Его учителем рисования в Лицее был Сергей Гаврилович Чириков – тогда еще молодой художник, окончивший Академию «со шлагай». Чириков был очень любим лицеистами и, со своей стороны, награждал их лестными аттестациями «великих» и «отличных» дарований. Пушкин учился у Чирикова лениво и стоял последним по успехам. Все-таки его выпускная аттестация по рисованию такова: «отличных дарований, но тороплив и неосмотрителен, успехи неощущительны» (если «торопливость» означает беглость штриха, то с нашей точки зрения – это может звучать похвалой).

Видимо, Чириков, несмотря на академический метод учения, умел заинтересовать своим предметом. Лицеисты не только рисовали с гравюр, иллюстраций, народных картинок. Рисовали и друг друга вместе со своим учителем, который каждый год делал портреты выпускных лицеистов. И, наконец, лицеисты издавали свой рукописный журнал с карикатурами. То, что дошло до нас из рисунков первых лицеистов, показывает довольно большое разнообразие техники, которую им преподавали. Сохранились две копии, сделанные Пушкиным, а также его собственный портрет в профиль (в заштрихованном круге), технику которого узнаем и в дальнейших его рисунках – лишь более свободную. Несомненно, рисование с антиков привило Пушкину привычку к классическим формам, привычку, с которой впоследствии он часто боролся, но к которой часто и возвращался.

Хотя все время Пушкин рисует «между делом» и никогда специально не упражняется в рисунке (кроме некоторых чисто графических приемов – его фантастические птицы), его потребность рисовать никогда не покидает его, и рисунки необычайно разнообразятся по темам и приемам. Что при этом совершенно замечательно, это его отзывчивость на все, чем жило в его годы искусство: в одних рисунках он – классик; в других – романтик или реалист; наконец, в его рисунках встречаются даже импрессионистические приемы – явление удивительное и редкое в его эпоху.

Пушкину легкодается рисунок; если же иногда он и переделывает заново по нескольку раз одно и то же, добиваясь улучшений, то далеко не так мучается над этим, как над иным словом в своих черновых рукописях. Может быть, эта «простота достижения» ставила вообще рисование в глазах самого Пушкина на некую низшую ступень в ряду других искусств. И, конечно, высшей формой искусства была для него музыка, как и родственная ей поэзия – гармония.

Время Пушкина было, несомненно, самой счастливой странницей в русской художественной культуре 19-го века, как и та атмосфера и среда, в которой зрел его гений. На глазах Пушкина и его современников расцвела величественная красота Петербурга, возникли ничем еще не искаженные, неповторимые ансамбли нашей столицы. Эстетический уровень общества и вкус стояли на очень большой высоте. Можно сказать, что весь быт был проникнут искусством. Царствовали классические идеалы, но в то же время самое сплетение сентиментальных и романтических настроений, как и всюду в Европе, создавало очаровательную и неповторимую «рамку» жизни.

Прелестные мелочи быта и обстановки, необычайно элегантная, хотя и вычурная, мода тогдашних женских нарядов,

эффектные военные формы, блестящий Двор, балы и парады, весь облик стройной петербургской улицы и очарование домашнего уюта – все было проникнуто единым, органически создавшимся стилем.

Деревня стояла еще не тронутым заповедным миром, с еще не вырубленными лесами и бесконечными дорогами, и трактами, не знающими еще паровоза, со своими патриархальными, хотя порой и жестокими, нравами. Старина, которой держались и помещики, и народ, традиции обычаяев и костюмов – все было необычайно красочно, давало богатейшую пищу и поэту, и художнику.

Чрезвычайно интересно выяснить – что ближайше влияло, кроме внешних впечатлений и общего «климата эпохи», как теперь любят выражаться, на Пушкина-рисовальщика? Было ли у него стремление кому-нибудь подражать? Как складывались его художественные симпатии?

С юности Пушкин дружески общается с Карамзиным. «Письма русского путешественника» ему много рассказывают об европейском искусстве прошлых веков. Его друг Жуковский – сам художник (он делает прелестные офорты Царского), и в доме у него царит атмосфера истинного любителя искусства. Сильно влияет на Пушкина Батюшков, – он наш первый художественный критик и энтузиаст красоты Петербурга (его «Прогулки в Академию Художеств» дают много сведений о живописи). Несомненно, были Пушкину известны и картины Эрмитажа, который хотя еще не был открыт для широкой публики, но избранные его посещали.

Художественный «index nominum»¹ у Пушкина обширен: у него читаем имена Буонарроти, Рафаэля, Леонардо, Корреджо, Рембрандта, «Пицциана» (как он писал), Рубенса, Ван-Дика, Пуссена, Сальватора Роза, Альбани, Миериса, Жозефа Верне

---

¹ «именной указатель» (лат.).
138

и других. Петербург продолжают, как и прежде, посещать иностранные художники, их картины, портреты и скульптура украшают дворцы и частные дома. Пушкин прославляет Дау, посвящает стихи Канове, упоминает Торвальдсена.

1820–30-ые годы – время появления целой плеяды замечательных русских живописцев и ваятелей. Пушкин часто бывал на выставках картин. Есть воспоминания о визите его с блестящей Наталией Николаевной на выставку в Академию Художеств и о беседах с художниками. Со многими он в приятельских отношениях.

Пушкин позирует Тропинину, Кипренскому, Чернецову. Пушкин особенно любит Кипренского («любимца моды легокрылой»), восхищается Ал. Орловским («Бери свой быстрый карандаш, рисуй, Орловский, ночь и сечу»), с юности пленен «волшебной» – как он выражается – кистью Федора Толстого. С Брюлловым он на «ты». Тот бывает в доме у Пушкина и делает великолепный акварельный портрет жены Пушкина в бальном наряде. Пушкин восхищен «Гибелю Помпеи». На том же листе, где он начинает (но так и бросает незаконченными) стихи, посвященные этой картине, он делает очень живой набросок (конечно, на память) одной из групп брюлловской композиции. Рисунки Брюллова Пушкин очень ценит. Совсем незадолго до смерти, как рассказывает очевидец, академик живописи Мокрицкий, в январе 1837 года Пушкин был у Брюллова в мастерской вместе с Жуковским. Они восхищались альбомами и рисунками Брюллова, и Пушкин стал на колени и выпрашивал у Брюллова один из его рисунков: «Отдай, голубчик! Ведь другого ты не нарисуешь для меня. Отдай мне этот». Но Брюллов все-таки не отдал рисунка (потом он искренне каялся в этом).

При таком тесном общении Пушкина с миром художников естественно искать в его собственных рисунках сторонних

влияний. Но если и можно найти у Пушкина в штрихе и манере с Кипренским и Орловским некоторое сходство, это не дает оснований видеть в Пушкине подражателя – по-видимому, это простое совпадение темпераментов. Рисунки Пушкина вполне индивидуальны.

Чрезвычайно любопытно знать, в какой обстановке жил сам Пушкин. Известно, что до женитьбы он жил почти «как попало». В Кишиневе у Инзова – комната с решетками на окнах, на столе складное зеркало и щетка (собственный рисунок Пушкина). По-видимому, он был довольно равнодушен к тому, что его окружало. В Михайловском он живет среди пустых стен, «анахоретом» – как он себя называет, в очень бедной обстановке (у него сломанная кровать). По словам его соседа и приятеля Вульфа, он не любит у себя в комнате картин на стенах: «они ему мешают сосредоточиться»².

Но не свое ли Михайловское описывает Пушкин в «Евгении Онегине»:

...стол с померкшою лампадой,
И груда книг, и под окном
Кровать, покрытая ковром,
.....
И лорда Байрона портрет.
И столбик с куклою чугунной
Под шляпой с пасмурным челом...

В Болдине у него полки с книгами и, по-видимому, чай-то бюст (его рисунок 1830 года).

---

² Есть также одно интересное воспоминание того же Вульфа: у них в Тригорском висела старая почерневшая картина, перед которой Пушкин часто останавливался в раздумье; по-видимому, то был какой-то старый фламандец или голландец – может быть, одно из искущений св. Антония. Ее «чертовщина» и дала Пушкину, по словам Вульфа, пищу для сна Татьяны.

Изобразительная Пушкиниана

Свою первую квартиру в Москве после женитьбы Пушкин обставляет чрезвычайно изящно: выписывает нарядные обои с рельефными синими бархатными цветами, обставляет модной мебелью. Женская рука, несомненно, коснулась с тех пор его *interieur'a*. Кабинет последней пушкинской квартиры с библиотечными полками и с портретами и гравюрами на стенах ныне восстановлен в его первоначальном виде. Насколько эта реконструкция действительно правильна?

Про пушкинскую эпоху можно сказать, что в тогдашнем обществе искусство было «в моде». Быть близким к искусству было вообще «лестно», чем-то действительно послужить Аполлону было общим стремлением.

В такой атмосфере расцветало, как никогда, любительство, но это был просвещенный, культурный дилетантизм, часто очень талантливый и часто очень наивный, но далекий от претенциозности. Это любительство создавало милые, иногда курьезные, но теперь для нас истинно драгоценные вещи, полные вкуса, – все было проникнуто неповторимым, романтическим подъемом, да и вокруг образцы для подражания были действительно высокохудожественного уровня.

*Когда блистательная дама
Мне свой in-quarto подает.
И дрожь и злость меня берет,
И шевелится эпиграмма
Во глубине моей души,
А мадригалы им пиши!*

В альбомах рисовали, как Ленский, и «сельски виды»:
Надгробный камень, храм Киприды, '
Или на лире голубка
Пером и красками слегка...

Рисовал в альбомы и Пушкин: за ним знали талант карикатуриста, ловко схватывающего сходство. Сам он своими

рисунками не дорожил, иные ходили по рукам и пропадали. Пропали и многие альбомы. До нас, кроме отдельных листков, вырванных из альбомов, целиком дошел с рисунками Пушкина лишь один альбом – Елизаветы Николаевны Ушаковой. Другие два альбома, принадлежавшие ее сестре, Екатерине Николаевне, переполненные пушкинскими рисунками, были сожжены из ревности ее мужем Наумовым. Сохранившийся альбом с 22 рисунками Пушкина тем ценен и интересен, что Пушкин в нем рисовал не из любезности и не для того лишь, чтобы «отделаться», а охотно, влюбленным и в довольно счастливую пору своей жизни (в 1829 году), в полном своем расцвете. Эти рисунки очень различны по технике и содержанию: портреты, карикатуры, шутливые виньетки, кавказские виды.

Главное же и самое замечательное заключается, как уже было сказано, в рукописных тетрадях стихов Пушкина и в разных черновых бумагах – часто самого прозаического рода.

Всего нам теперь известно более 100 листов с чрезвычайно разнообразными по сюжетам и технике пушкинскими рисунками; на большинстве этих листов по несколько рисунков (число их иногда доходит до 20 и даже больше), на иных же один-два рисунка. Наиболее ранние рисунки относятся к лицейским годам, самый последний сделан в октябре 1836 года. Судить о том, какие годы были у Пушкина наиболее продуктивными, невозможно, так как нет сомнений, что многие рисунки исчезли. Больше всего сохранилось от кишиневских и одесских лет (1821–1823) – 39 листов. И от 1828 по 1830 год (время Ушаковского альбома и Болдина) – 47 листов. По сюжетам это – огромное количество портретов и шаржей; вольные копии с чужих рисунков; проекты обложек, виньетки и простые «пробы пера».

Портреты, рисованные Пушкиным, – большей частью профили, большей или меньшей законченности. Иногда это лишь едва намеченный, легкий абрис. Большинство повернуты влево, редко вправо, и лишь очень немногие головы сделаны en face. Пушкин стремится достигать наибольшего портретного сходства, часто делая по нескольку рисунков одной и той же головы. Пушкин рисует также и целые фигуры – портреты в рост. Рисует он всегда наизусть – зрительная память его необыкновенна. Эти портретные наброски – галерея друзей и врагов (Вяземские, Нашокин, Пущин, добрый Инзов, Раевский, декабристы; «полумилорд» Воронцов, Милорадович и другие). Он рисует женщин, которых любил и которыми увлекался (Ризнич, Калипсо, Воронцова, Раевская, обе Ушаковы, Гончарова), и людей, которым он удивлялся (Наполеон, Вольтер, Байрон, Данте, Робеспьер). Есть много и до сих пор не расшифрованных портретов.

Особо стоят пушкинские автопортреты – их больше 30. Любопытно, что при этом он любит себя рисовать «travesti»³; то в виде арапа в чалме или монаха в клобуке; то в кавказской папахе, то Робеспьером, то в лавровом венке. Часто он льстит и изображает себя с длинными кудрями до плеч, иногда не щадит себя, рисует старым, лысым и в морщинах. В этих автопортретах у него вырабатывается определенный прием рисовать линию острого и приплюснутого носа и треугольной ноздри. Интересно, что его баки (всегда зачесанные вперед) появляются только, начиная с 1826 года. В Кишиневе и Одессе он их не носит еще. Есть два портрета с усами (в 1829 году во время «горестного сидения» в холерном карантине и в 1834 году).

Портреты часто переходят в карикатуры. Иногда шарж у Пушкина достигает совершенно необыкновенной остроты.

---

³ в переодетом виде, travesti (фр.).

Особенно замечательны Инзов, Пальчиков и Веневитинов (1826). Последние два, которые находятся в Третьяковской галерее, – быстрые и ловкие экспромты, их импрессионизм совершенно нам современен. Часто портреты сделаны одной линией – Пушкин стремится к наибольшей простоте: и некоторые своим графическим лаконизмом – лучшие его «удачи». Иногда в этих рисунках он совершенно мастерски играет пером.

Рисуя профили и «головки», Пушкин обыкновенно не думает ни о какой манере, а просто лишь ищет сходства. Но нередко его пером водит привычка к античным формам, которая ведет начало из Лицея. Пушкинское время, особенно 20-е годы, – конечный расцвет русского ампира, и классические идеалы еще царствуют повсюду и в архитектуре, и в живописи. И в то же время начинаются тяга к романтизму, и борьба этих двух столь разных начал. Можно проследить, как сквозь классические черты пушкинских портретов пробивается «характерное», динамическое. И в рисунке – этой интимной сфере Пушкина – видно, как свободное начало все время берет верх. Иногда же Пушкин, видимо, добровольно возвращается к классическому идеалу. Знаменательно, что самый последний в его жизни рисунок (сентябрь 1836 года) – женский античный профиль. И все же за этим кажущимся спокойствием классики и сдержанностью чувствуется в каждом завитке волос и в бегущей линии очерка лица скрытое пушкинское горение.

Пушкин очень редко рисует с натуры – можно назвать лишь несколько альбомных рисунков, и всегда эти рисунки вялы, с натурой ему справиться трудно: такое рисование требует упражнений, которыми Пушкин не занимается, и оно связывает его темперамент. Впрочем, такая робость перед натурой – явление нередкое у многих, очень сильных в других

областях художников. Иногда он делает копии, для себя. Тут он чувствует себя более свободным, так как не стесняется точной передачей. Пример тому – три рисунка с обложек французских книжек: «Les mauvais garçons» и «Cesaria», сделанные им в 1830 году.

Среди отдельных рисунков, разбросанных в рукописях, особенно обращают на себя внимание рисунки лошадей, сделанные уверенной рукой и напоминающие романтические рисунки Орловского. Все говорит за то, что это не копии, но возможно, что Пушкин руководился не столь воспоминаниями о живых лошадях, как запомнившимися ему чьими-то рисунками. Эти рисунки Пушкина, помимо их виртуозной линии, замечательны по-своему великолепно найденному стилю. Поражают также своей неожиданностью схемы лошадиных движений, сделанные одной беглой чертой. Как и в некоторых шаржах, рисунок Пушкина достигает тут наибольшей выразительности и лаконичности и на десятки лет опережает современность по силе и смелости экспрессии.

В пейзажных рисунках Пушкин большей частью остается стилизатором. Способы рисования листвы, ветвей, стволов, травы и скал – всем этим Пушкин владеет свободно и с большим искусством. Несомненно, у него сохранилась лицеистская выучка тех приемов, которые преподавались Чириковым, приемов, выработанных в XVII–XVIII вв. и ставших классическими. Но можно думать, что многое было также подсмотрено Пушкиным в современных ему и старинных гравюрах, которые он повсюду мог видеть и еще с раннего детства рассматривать во французских книгах.

Большой частью портреты и другие рисунки рукописей не имеют прямого отношения к тому, что Пушкин писал на том же листе. Это несоответствие иногда поражает и представляет чрезвычайно интересную загадку в его творчестве. Рисунки

часто иллюстрируют его побочные мысли, живущие, так сказать, в другом «этаже» его духа. Может быть, посторонние мысли и образы мешают ему, и, рисуя их, он дает своему воображению выход и освобождается от них, а может быть, зарисовывая образы, которые толпятся где-то сбоку главного русла его мысли, он освежается этим и находит минутный отдых среди творческих затруднений. Исчерченные страницы черновика второй главы «Онегина», заполненные вереницами портретов декабристов, говорят именно об этом таинственном параллелизме.

Но часто тема стихов рождает родственные образы. На черновике стихотворения «Осень», где Пушкин пишет о «Египте колоссальном», появляется египетский колосс и очерки летящих перелетных птиц. Пушкин делает и рисунки, совершенно совпадающие с текстом: на рукописи «Цыган» он рисует медведя (замечательный по живости рисунок) и телегу-шатер; в третьей главе «Евгения Онегина» – Татьяну, сидящую на постели с обнаженным плечом; на листе с «Каменным гостем» – фигуру Дон-Жуана и дерево – один из элегантнейших его рисунков!

Для «Сказки о попе и работнике его Балде» Пушкин уже рисует несколько настоящих иллюстраций к тексту: самого попа, беса, бесенка и Балду с зайцем. Рисует две иллюстрации для «Домика в Коломне» (причем замечательно, что он забывает, что у него старуха входит в комнату и на пороге видит бреющуюся Марфушу, а рисует эту старуху появившейся в окне!). Из трех иллюстраций для «Гробовщика» особенно поражает та, где изображена похоронная процессия. Это – один из шедевров Пушкина по замечательному графическому силуэту композиции, нервному и артистическому штриху в подлинно жуткой романтике.

Иногда Пушкин делает рисунки точно к какому-то ненаписанному тексту: бронзовый конь на скале Фальконета без

фигуры Петра – волнующий образ, мелькнувший у него в связи с мыслями о «Медном всаднике». А то – в разные периоды жизни – он рисует «бесовские сцены», иногда под влиянием одного промелькнувшего слова в своих собственных стихах, иногда же без всякого видимого повода.

Рисунки эти смущали первых исследователей: Анненков в 70-х гг. находит в них даже мрачно-патологическое! Это кажется преувеличением. Но чем-то таинственно-грустным веет от одного рисунка, связанного с мыслью о снах – «бесовских мечтаниях» (слова Григория в «Борисе Годунове», написанные на том же черновике, что рисунок). Сидящая фигура беса в виде какого-то «коленчатого насекомого полна отчаяния. Так же странно-жутко придуман и другой бес, съежившийся и щетинистый, словно дрожащий шаровидный комок. Загадочно – откуда такие действительно странные явления? Из какой они «морозной тьмы», всегда для Пушкина полной «таинственных сновидений» (сон Татьяны, «Бесы»)? Рисунок этот сделан в январе 1825 года в михайловском зимнем одиночестве.

Другие, более ранние (кишиневские и одесские) листы с бесовскими сценами – скорее шуточные рисунки, где как бы звучит веселый детский смех («Великий Пушкин – малое дитя», – сказал Вяземский). Эти рисунки изображают комариные фигурки танцующих бесенят и скелетов, ведьм, летающих на помеле, черные силуэты чертей, греющихся у адского огня или поджаривающих подвешенного грешника, вокруг которого вются облачные образы каких-то духов. Во всех этих шалостях рисунок Пушкина кажется вполне оригинальным, лишь некоторые бесы с козьими ногами (как и бесенок в его рисунке к сказке о Балде) имеют отдаленное сходство с чертами на русских лубочных картинках, которые Пушкин не мог, конечно, не знать.

Замечательно, что Пушкин, при всей несдержанности и чувственности своего темперамента, везде в своих рисунках целомудрен. Даже поцелуй он изображает только раз, и притом очень неловко и наивно. Лишь в одной рукописи скрывается маленький «галантный сюжет» в стиле его бессовских фигурок.

Пушкин старается рисовать «*al primo*», без переделок, «свежим» штрихом. В его профилях видно, как он добивается этой легкости. Если это «не выходит», он зачеркивает начатое. В одних рисунках видны результаты скрытых усилий и воля, в других (настоящих пушкинских) – линия бежит, уверенно следя какому-то интуитивному чувству, и из линий и штрихов, как будто сами собой, выливаются разные образы. Таков один из самых совершенных рисунков Пушкина – виньетка «Странник» (1835), где орнамент из трав и ветвей нарисован виртуозной рукой и полон какого-то трепета. Таков и упомянутый рисунок из «Гробовщика». Таковы его экспромты-шаржи.

К чисто каллиграфическим рисункам Пушкина относятся его «летящие птицы». Это трудный фокус росчерка, на котором упражнялись каллиграфы XVII–XVIII вв., когда одним махом пера, не отрываясь от бумаги, наводились различные, иногда чрезвычайно сложные фигуры. Тут Пушкин – в сфере любимого росчерка. Он вообще не окончит рукописи, чтобы не сделать какой-нибудь финальной черты; точно его темперамент ищет и тут какого-то последнего размаха, и он рисует или волнистую линию в виде скобки, или загогулину в виде спирали, и все время по-иному. Такими же кудрявыми и элегантными завитками он сопровождает иногда и надписи на обложках своих тетрадей.

К этому интересно привести воспоминания Колосовой-Каратыгиной, которая говорила, что Пушкин имел терпение

скопировать все росчерки и наброски пером, которые были на бумажной обложке переплета ее альбома. Подлинную взял себе, а копией подменил ее, и так искусно, что долгое время не замечали этого подлога.

«Зачем вы это сделали?» – спрашивали его.

«Старую обложку я оставил себе на память».

Пушкин – чистый график в своих рисунках: он рисует только линией и штрихом и никогда не делает ни «тоновых» рисунков, как Гюго, ни акварелей: кисти никогда не употребляет, и органическая связь рисунков Пушкина с вольно льющейся изумительной линией его почерка несомненна.

В Лицее преподавалось и чистописание, учителем был Калинич, дисциплинировавший почерки лицеистов. В Лицее Пушкин выработал свой «парадный» почерк, которым переписывал набело свои произведения и писал официальные письма – почерк, через который всегда просвечивает его индивидуальность. В лицейском преподавании еще держались витиеватые традиции XVIII века, и у Пушкина осталась на всю жизнь любовь к большим прописным буквам и иногда высказывающим среди строк завиткам некоторых букв (буква «д»). Но почерк Пушкина «для себя», черновой, или почерк дружеских и любовных писем – совсем иной. Особенность этого почерка – слитность букв. Он до конца слова не отрывается пера от бумаги (лишь иногда прерывает для точки над «и»); в нем нет украшений, задерживающих бег пера, он весь порыв и непрерывная текучая линия. Росчерки («паузы» или концовки) им любимы, как «игра пера». В природе самой пушкинской линии и в этих веселых и разнообразных арабесках и заключается зерно пушкинской графики.

Эти легкие, кудрявые завитки повторяются часто в его рисунках (в линиях волос и листве) и в штриховке. Из его почерка как бы вырастают все его графические приемы. «По-

черком» объясняется также и его штриховка справа налево по диагонали (никогда не наоборот), и то, что профили его портретов большей частью повернуты влево: так ему удобнее, привычнее, и Пушкин не сilitся переделывать своих привычек; если иногда он и пытается нарисовать голову в обратную сторону или *en face*, то па этом он долго не останавливается и снова обращается к старому приему.

В этой самоограниченности технических приемов, в этом упрощении задачи весьма интересная особенность пушкинского рисования. При всем разнообразии его рисунков по технике и темам – Пушкин не разбрасывается, и вкус ограждает его от попыток, которые выше его умения. В тех пределах, которые он себе отвел в этом его «искусстве для себя», он остается самим собой и почти играя, полушутя достигает графического совершенства.

Здесь дан лишь общий очерк того, что ждет еще внимательных исследований, ибо многое в области пушкинских рисунков остается совершенно не расшифрованным и даже загадочным. По сравнению с тем, что сделано для изучения творчества и жизни Пушкина, эта область еще удивительно мало и невнимательно исследована: не только нет точных и хороших репродукций всех рисунков, но даже до сих пор не составлено их полного и строго проверенного хронологического списка.

Рисунки Пушкина тесно связаны не только с его биографией, но и с множеством явлений в пушкинской современности. Одной из самых интересных задач будет выяснение художественных влияний – непосредственных, косвенных и «подпочвенных», – которые в той или иной мере могли действовать на Пушкина-художника.

1937

Иркутские
страницы

Галина Солуянова

Пушкин, прописанный в иркутском Доме драматурга Вампилова

В русском фольклоре очень значима цифра «3»: три дороги, три желания, три сестры, три брата... Нежданно, но гаданно Центр А. Вампилова имеет в покровителях трёх Александров. Первый – Александр Андреевич Юзефович, который более века назад в центре Иркутска построил кирпичную усадьбу из жилого и доходного домов, да с флигелем, в котором разместился семейный молельный дом. Именно во флигеле после длительных реставрационных работ 19 августа 2012 года в день 75-летия со дня рождения Александра Валентиновича Вампилова гостеприимно распахнул двери Культурный центр Александра Вампилова.

19 августа текущего года российская общественность будет отмечать 80-летие классика. Только за два дня до этого юбилея, 17 августа, наши души невольно сожмутся от неизбывного горя, ибо 45 лет назад озеро Байкал не выпустило из своего водного плена Вампилова. Избавил батюшка Байкал от мучений непонятости и обманностей младшего сына учительницы математики Анастасии Проkopьевны Копыловой и учителя русского языка и литературы Валентина Никитича Вампилова. В 1937 году, когда Россия отмечала 100-летие со дня гибели Александра Сергеевича Пушкина, появившегося в этом мире новорождённого, четвёртого в семье ребёнка, решено было назвать в честь «солнца русской поэзии». Задаюсь вопросом: знал ли Вампилов об этом? Наверняка, знал. А вот как к этому относился? Неведомо... А, может быть, ЭТО и предопределило столь короткую, ясную, но самосгорающую судьбу?

Сегодня в Доме драматурга, что находится в центре города Иркутска на улице Богдана Хмельницкого, 3 «Б» в работе четыре аспекта. Это музейная экспозиция «На антресолях», где более 80% экспонатов, сохранивших тепло вампиловских прикосновений. Нам удалось собрать рукописи, предметы быта, мебель, одежду и много чего другого, чтобы в интерьере, придуманном блестящим дизайнером и художником Владимиром Дейкуном, разместить уникальный мир творца. Что запечатлел иркутский период жизни и творчества Александра Вампилова с 1955 по 1972 годы, а также – сегодняшний взгляд на его авторский театр.

Другой аспект – это Литературно-театральный салон. В нём мы проводим творческие встречи, вечера, беседы на заданные темы, презентуем выставки, книги, проекты. Это театральная территория, которая трансформируется, это территория и для многочисленных художественных и графических выставок.

Есть там место нашему третьему защитнику – Александру Пушкину. Целая вертикальная витрина отведена Поэту. Очень любим рассказывать о привезённых из Пушкиногорья от директора Георгия Николаевича Василевича альбомах с прекрасными рисунками Игоря Дмитриевича Шаймарданова на пушкинскую тему, а также о шести чайных парах с названиями сказок Александра Сергеевича. Бюсты, значки, открытки, колокольчики можно, не уставая, разглядывать бесконечно.

В цоколе флигеля расположилась Картинная галерея, которая начала собираться портретами Вампилова, но разрослась тематически: «Вампиловское окружение», «Иркутск», «Кутулик», «Байкал», «Театр»… На сегодняшний день в галерее не только представители художественно-графического прибайкальского цеха, но и Москва, Питер, Екатеринбург имеют место быть. Среди них портреты Поэта: выполненный чёрной нитроэмалевой краской екатеринбуржцем Николаем Предеиным и петербуржцем Игорем Шаймардановым (кр., м.) «Ключ Иппокрены».

Есть в коллекции магнитов «Литераторы и памятные места» изображения на разных фактурах как самого Александра Сергеевича, так и Натальи Николаевны Гончаровой.

Четвёртый аспект в деятельности Культурного центра Александра Вампилова – это библиотечный фонд, где также есть и произведения Александра Сергеевича Пушкина, есть литература о нём, о декабристах, с кем он был близок духовно и душевно.

Наши защитники – Александр Юзефович, Александр Вампилов, Александр Пушкин – действительно, охраняют нас, придают силу и веру в то служение, что предназначено было исторической судьбой. Мы их тоже оберегаем, сохраняем и преумножаем. Да будет так!

Прозаирекие
страницы

Татьяна Трофимова-Воронцова

От первого лица

Когда-то издавались книги Якова Перельмана «Занимательная физика», «Занимательная математика».

Они выходили большими тиражами и тут же расходились. Человек любознателен от природы. Едва научившись говорить, он задаёт десятки вопросов: «А это чё? А это чё? А это почему?»

Предлагаемые рассказы из той же познавательной серии. Только они посвящены «занимательной природе» и рассказаны самой природой. А «подслушала» их и записала Татьяна Трофимова-Воронцова. Записала так, как «подслушала»: от первого лица.

Тополиная участь...

А ведь обещали учёные, что найдут нам замену, но так, видно, и не нашли.

На свободе-то мы живём лет триста, а в городе хоть бы до ста дотянуть. В год только я один вбираю в себя двадцать-тридцать килограмм пыли и сажи. А вокруг меня всю землю вытоптали, дышать нечем. Но самое страшное – ещё по молодости привязали к моему стволу трос металлический, да ещё скобой прибили. А растут тополя быстро, в год до двух метров вырастаем. За быстрый рост нас назвали «Эвкалиптом Севера!» Вот трос и врезался в моё тело. Да так глубоко,

даже лопнул в одном месте. А люди мимо ходят, никто и не догадается, что тяжко мне.

Недавно женщина проходила, я раньше её не видел, остановилась, повздыхала и давай трос из моего тела вытаскивать. Вытащить-то вытащила, а скобу так и не смогла осилить.

А я стою и боюсь, если вытащит скобу, то в эту огромную дыру попадёт влага, и тогда точно я погибну.

Единственno, в чём мне повезло, что я мужской тополь и пуха от меня нет, а то бы ещё и сверху всю корону обрезали. Вот мои соседи пострадали, им весной все ветки обрезали. Во-первых, дерево выглядит уродливо, а во-вторых, срезанные места ничем не залечили. Они подгнили от дождей и погибать стали.

Ох, и участь нам досталась. А рasti бы нам по берегам рек и оврагов, защищать местность от разрушений.

А в городе пора нам памятник ставить, ведь одно наше дерево выделяет столько кислорода, сколько семь елей, четыре сосны и три липы вместе!

А пользу мы, тополя, какую приносим, может любое дерево позавидовать. Сколько всего интересного из нашей древесины изготавливают!

Ещё в древние времена, благодаря присущим гибким свойствам, из нашей древесины изготавливали воинские щиты!

А также изготавливают и спички, и посуду разную, не говоря уже о строительных материалах!

В некоторых Среднеазиатских странах существует такой обычай: при рождении сына отец рассаживает тополя для того, чтобы сын, когда вырастет, из готового сырья построил себе дом!

Сколько всего я наслушался, когда нас высаживали в городе. Руководил высадкой молодой учёный, он и рассказал рабочим о наших качествах. Он говорил, что тополиный пух,

как «щётка» для воздуха – впитывает в себя канцерогены и соли тяжёлых металлов, которые поступают в воздух от автомобилей. Ох, уж эти автомобили. Вот почему мне трос привязали, чтобы под окна машины не ставили. Да сейчас и не ставят, стоянки везде организовали, а трос так и висит, никому не нужный.

До чего же умный был этот учёный! Он рассказал рабочим, что планировалось выбрать неприхотливое дерево и засадить им выделенные участки вблизи домов, по окраинам дорог и в парковых зонах. Предполагали, что лет через пятнадцать найдут замену, да так до сих пор и не нашли. А мы растём себе!

И ещё учёный говорил, что замену нам найти не так-то просто. Другие деревья в загазованных городах будут расти очень плохо, если вообще приживутся. И сказал, что ещё древние греки высаживали «мужские» тополя на площадях и центральных улицах.

Сколько же всего интересного я услышал. А завезли нас, оказывается, из Северной Америки. Ещё железнодорожники, когда проводили железную дорогу в Сибирь, посадили нас на станциях, а со станций мы перекочевали на городские улицы.

И ещё, помню, рассказывал учёный, что какой-то Наполеон был страстным поклонником тополя! Он повелел высаживать эти деревья по всей Европе по пути следования его армии. Он был уверен, что будет триумфально возвращаться уже по зелёным аллеям быстрорастущих тополей...

Ох, люди, люди, забыли видно слова этого учёного, совсем не заботятся о нас. А ведь он так хорошо говорил о наших качествах... В голодные годы даже скотину нашими листьями кормили. А тополиный пух, как он сказывал, заменяет вату! Вот ведь как! А на свободе на некоторых тополях появляются нарости – капы, так их используют как отделочный материал для мебели.

И рыбаки уважают нашу кору, изготавливают поплавки к рыбным снастям – «балбера». Какое интересное название!

Всё вспоминаю этого молодого учёного, уж он бы не позволил трос привязывать на мой ствол, он понимал ценность нашу. Теперь только эта женщина проходит мимо и вздыхает, жалеет меня, сердобольная. А я продолжаю, что есть сил воздух для людей очищать. На сколько лет меня хватит, не знаю...

А сегодня услышал всё ближе и ближе приближается звук пилы, кого-то из нас ждёт неведомая участь...

06.06.2016

Придорожная трава

Сколько же в жизни мне пришлось повидать!

Помню, и дорог-то в те времена не было, а лишь одна тропинка полевая, по которой ходили жители соседних деревень друг к другу в гости.

Но, однажды, проскакал на коне всадник да так спешил, и я почувствовала – что-то неладное случилось.

И пошли по этой тропинке люди пешие с малыми детьми и пожитками, и всё слезами травинки мои поливали...

Война... это непонятное слово звучало до тех пор, пока они шли...

А потом что-то страшное началось – задрожала земля, и смешался воздух вместе с пылью...

И двинулись по полю чудовищные машины с крестами. Топтали меня и заливали горючей жидкостью...

Небо потемнело от взрывов и продолжалось всё до самой зимы, пока снег не прикрыл меня своим покрывалом.

Тишина установилась...

Да и с приходом весны никто уже не ходил мимо меня...

Только летом пошли сапоги солдатские. Идут солдаты, уставшие, ни песен тебе, ни улыбок.

Лишь один солдат всё стихи читал, да такие душевые, тоскливые...

Остановились они рядом со мной на отдых. Гляжу, да это же мужик из дальнего села, он часто мимо меня проходил. Вот он-то и читал стихи. Запомнились мне эти слова:

*Бой шёл всю ночь, а на рассвете
Вступил в село наш батальон.
Спешили женичины и дети
Навстречу к нам со всех сторон.*

*Я на окопице приметил
Одну девчонку лет пяти,
Она в тени столетних ветел
Стояла прямо на пути.*

*Пока прошла за ротой рота,
Она не опускала глаз
И взглядом пристальным кого-то
Разыскивала среди нас.*

*Дрожал росой рассвет погожий
В её ресницах золотых:
Она на дочь мою похожей
Мне показалась в этот миг...*

На этих словах он смахнул слезу рукавом гимнастёрки, затем подошёл к надломленной берёзке, поправил её ветки и перевязал своим платком...

Несли они раненого командира, да умер он в дороге, и похоронили они его под этой берёзкой, поставили крест из веток берёзовых и дощечку прибили с надписью:

*Здесь похоронен командир
Партизанского отряда
Иван Павлович Бессмертный,
родом из деревни Ломня,
на Смоленищине*

Как только солдаты прошли, стали возвращаться в сёла люди. И вижу, бабушка с маленькой девочкой идут, остановились, присели отдохнуть рядом с берёзкой. И вдруг бабушка увидела платочек на берёзе и запричитала: «Ах, сыночек, ты жив! А мы вот возвращаемся с внучкой! Какая радость, что знак нам подал. Теперь ждать тебя будем...» – и заплакала. Долго так они сидели, а потом положили букет полевых цветов на могилу коменданта и пошагали дальше в свою деревню.

А вскоре вышли на поля люди и стали землю пахать, кто на коровах, а кто на лошадях, да всё женщины, да дети малые...

Ох, сколько горя людского я увидела...

А сейчас такую дорогу рядом проложили, любо дорого посмотреть! А мимо машины проезжают! Недавно одна вся цветами украшенная проехала. Свадьбу кто-то празднует – это хорошо!

А на полях траву косят да про меня песни поют:

*Травы, травы, травы не успели
От росы серебряной согнуться,
И такие нежные напевы, ах,
Почему-то прямо в сердце льются...*

А мне грустно немного, мало кто по тропинке моей теперь ходит, всё по той дороге новой. Но рядом берёзка, моя подружка, подросла. Беседуем с ней. И только во сне иногда взрывы слышу, такое не забывается...

А недавно опять этого бывшего солдата повстречала, шёл он с маленькой девочкой, видимо, уж внучка его. Остановился

у этой берёзки и поведал девочке, как в войну проходили по этим местам и похоронили командира своего. Присели они рядом со мной, а я стараюсь не шелохнуться, не потревожить их.

А потом он грустную такую песню запел и слёзы вытирав, а девочка слушала его и тоже плакала...

*От героев былых времён
Не осталось порой имён.
Те, кто приняли смертный бой,
Стали просто землёй и травой.
Только грозная доблесть их
Поселилась в сердцах живых...*

Встал, крест поправил, постоял немного, а девочка на могилу цветы полевые положила... и пошли они дальше по тропинке...

Прошли годы, и однажды, машина остановилась на дороге, вышла из неё молодая женщина и спустилась вниз под откос. Смотрю, а она ко мне идёт. А мы с берёзкой затаились и ждём, что же будет... А она присела на травку-то мою да и задумалась... Долго так сидела, а потом нарвала цветов полевых, и положила у подножия берёзки на могилу, и пошла не спеша к машине... Вот ведь – память человеческая...

Я тоже всё помню...

Щука - не волшебная

Да, сама удивляюсь, дорогие подруги, вроде бы я Щука не волшебная и желания исполнять не научена, но этот странный Старичок меня отпустил.

А история со мной приключилась такая:

Плыву, значит, себе спокойно, никому не мешаю, а есть хочется! Ну и стала я себе добычу высматривать. Вижу, а рыбы уйма собралась, сеть то с одной стороны приоткрыта

немного оказалась, ну я и попыталась одну рыбёшку оттуда выхватить. А то и не подумала, что сама угодить могу. Рыбёшка-то крутанула хвостом и выскоцила, я за ней, да и совсем про сеть-то забыла.

Ну, как вы поняли, сама в сеть и угодила... Притаились все... Вот тут-то он нас и вытащил на свет божий.

А старичок-то такой интеллигентный, с бородкой, глаза – добрее не придумаешь, не видывала я таких глаз у рыбаков. Всю «мелкоту-то» он вытряхнул себе в рюкзак, а на меня, не поверите, уставил свои глаза, да и говорит: «Ну, Щука, я тебя отпущу. Может, ты и правда волшебная, кто вас Щук знает? Может, когда и пользу мне принесёшь. Мне так-то ничего не надо, всё, вроде, есть. Вот только пишу я книгу про Флору с Фауной подводного Мира. Ты бы познакомила меня со своими подружками да порассказали бы вы мне чего интересного про Мир ваш подводный». Ну, думаю, хитёр мужик. Это значит, чтобы я своих подружек к нему сама и привела... Что делать, даже ума не приложу... А ведь пообещала... Ну и предложила своим подружкам – давайте, мол, вместе и подумаем... Может, в подарок ему что-нибудь такое интересное отыщем, а он и скажет: «Зачем мне щуки, вот подарок, так подарок!»

И предложила я им каждый день плавать ближе ко дну и высматривать в иле что-нибудь интересное. С утра и начали... Всё, что находили, приносили ко мне... И решили мы подкладывать в сеть этому старичку найденное вместе с его любимой «мелкотой».

Ну а дальше, слушайте:

Каждый день подруги отыскивали мне всякие безделушки. И чего только люди не набросали в реку: и бутылки, и банки, и проволока разная, и окурки, но и достойные штучки находились! Я сама нашла часы, мужские, сразу видно, на них надпись такая: «За доблестный труд!» Я немного понимаю

по-человечьи. Прабабушка-то моя волшебница была, да мало чему я у неё научилась, всё резвилась и не думала, что пригодится её наука.

Отправили мы часы наверх к этому старику... и наблюдаем... А он рад радёшнек, да и говорит вслух: «Ух ты! Это же Петька, мой сосед по даче потерял, пьяный купался. А потом обвинил соседских мальчишек в пропаже. Долго родители их допытывались, брали или нет часы-то Петькины? Вот, ведь Петька, допился. Ну, ничего, сегодня вечером верну ему часы, и пусть извиняется перед соседями».

Вот, дорогие подружки, и вроде я Щука не волшебная, а доброе дело сделала...

Кроме этого, всё, что попадалось, и складывали в сеть, а дно-то всё чище становилось, и вода прозрачнее...

А дальше, слушайте, ещё интереснее история получилась: Мальчик маленький на берегу с родителями сидел, а в руках у него игрушка была, да такая красивая круглая, выпала у него из рук и покатилась да прямо в воду. А волна и понесла игрушку-то. А родители, оказалось, и плавать не умеют. Сейчас многие плавать не умеют, не знаю, почему... А мальчонка-то плачет криком... Ну я опять созвала своих подруг, мы и подхватили эту игрушку и прямо на берег и выкатили...

Ах, как нас родители благодарили...

Вечером этот старичок опять на берег пришёл, сеть поставил. Посидел, помолчал и сам себе говорит: «С утра пораньше приду, может, рыбка какая попадётся. Надо бы соседей пригласить на ужин. Ведь завтра День Памяти моей жены. Уж

третий год, как её не стало... Одному-то мне немного рыбки надо, а раз соседей приглашу, так уж побольше бы поймать...»

Ну, думаю, чтобы такое приятное старику устроить...

Уже и дно-то всё чистое. Стали мы с подружками опять нырять-выныривать. И, вдруг, под корягой я обнаружила блестящий предмет – я такой же видела недавно на руке у одной купающейся женщины!

Подхватила я его и в сеть принесла. Наутро, смотрю, пришёл старик грустный ... Да и чтобы ему весёлым-то быть, день такой – поминальный...

Вытащил он сеть, стал от рыбы освобождать да так и ахнул: «Господи, да это же браслет моей жены, она его потеряла буквально перед уходом из жизни. Помню, мы с ней на берегу сидели, болела она сильно тогда... и часто любила вечерами к речке ходить. Бывало, костёр небольшой разведём. Ох эти воспоминания... Последний вечер, да это был наш последний вечер... Тихо было, тепло, она искупаться пожелала. Вышла из воды на берег такая счастливая, улыбающаяся, чего давно с ней не случалось. И, вдруг, как вскрикнет: «Ой, я ведь твой подаренный браслет потеряла – это плохая примета...». И наутро её не стало. Вот уж три года прошло, а я всё на берег прихожу, смотрю... вдруг волной браслет-то выбросит. А тут, надо же, в сети с рыбой оказался! Удивительно... И как тут в сказку не поверишь... Значит, я Щуку-то тогда волшебную отпустил... Вон сколько добра она мне в сеть-то положила... Ай да Щука...»

А я с подружками притаилась в заводи да и слушаю...

А он дальше сам с собой разговаривает:

«Вот бы моя старушка обрадовалась. А теперь вечером соседям расскажу, не поверят! А браслет подарю внучке

своей маленькой в городе, пусть будет как семейный оберег!
Да и сын обрадуется!»

Подошёл ближе к берегу, а сам и плачет, и смеётся: «Спасибо тебе, Щука, за такой подарок! Век не забуду твоей доброты!»

Вот такая история получилась, дорогие подруги, хотите верьте, хотите нет. С тех пор река чище стала, мы всё найденное-то в сети к рыбакам подкладываем, вдруг, да опять что-то нужное найдётся, а не найдётся, так дно чище станет! А то последнее время дышать нам труднее стало, бросают, что ни попадя в реку-то... Люди-то разные встречаются... Если бы все такие были, как этот благородный стариk, то и нам бы легче жить стало...

Может, и в книжке своей про нас пропишет!

07.08.2016

*Иконные
страницы*

Маргарита Хренова

10A класс, лицей № 81

Путешествие в прошлое

Какую прекрасную экскурсию предложила нам юная сибирская лицеистка. Правда, литературную, но очень предметную, наглядную. К тому же великолепно иллюстрированную. Академик Глушков, соратник Сергея Королёва, когда-то прилетев в Париж, из иллюминатора самолёта показал и Нотр-Дам, и Лувр, и Эйфелеву башню. А он до этого никогда не был в Париже. Откуда же такая осведомлённость? Из литературных источников. А тут юная спутница мягко, не назойливо ведёт нас по Москве и Петербургу от дома к дому, от особняка к особняку. С мемориальными досками, бюстами и памятниками Пушкина.

И мемориальные доски начинают говорить, воскрешая давние времена и судьбы. Они, эти дома и особняки, наполняются полно-кровной жизнью, где когда-то устраивались светские смотрины, знакомства, где музицировали и пели романсы, играли в карты, иногда просаживая целые состояния, слушали стихи и поэмы. Где Пушкин читал «Евгения Онегина», «Бориса Годунова», оду «Вольность». Откуда шли на Сенатскую площадь или в гвардейские полки. Или, подобно Матюшкину, отправлялись в дальние морские плавания.

А порой по воле случая вставали к барьера: честь дороже жизни.

Да, прошлое встаёт наяву. И, что скрывать, вызывает восхищение, удивление и... некую зависть к той беспечности и лёгкости, с какой встречали превратности судьбы. «Товарищ, верь: взойдёт она, заря пленительного счастья». Вот так, легко и беспечно.

Вместе с нашей юной спутницей мы проходим весь Пушкинский путь от родительского дома в Москве, где великий поэт родился,

до особняка княгини Волконской, куда его принесли после дуэли с Дантеом. И весь этот путь насыщен поэзией Пушкина. От грозного – «Восстань, поэт, и виждь и внемли...» до напевной музыки его лирических строк: «Роняет лес багряный свой убор...», «Редеет облаков летучая гряда...», «Унылая пора, очей очарованье...»

Так и хочется сказать «прелестная пора, очей очарованье». Но... строки классиков отлиты на века. Поэтому в унисон великому поэту скажем:

*Вы заходили в Пушкинское время,
Где светские красавицы, балы,
Где барышни, поставив ногу в стремя,
Неслись, как ветер, женственно милы?
Ни телевизора и ни смартфона.
Самой природы тиши да благодать.
Каким беспечным было время Оно:
Младенчество души – ни дать, ни взять.
Мы искушений многих навидались.
Ушли от той эпохи далеко.
Но всё глядим, глядим в былые дали,
Где так красиво жили и легко.*

А. Чернышёв

Пушкинские адреса Москвы и Санкт-Петербурга

*Тебя жс, как первую любовь,
России сердце не забудет...!*

Ф.И. Тютчев

Есть события, которые, отдаляясь от нас, не стираются в памяти, а как бы становятся резче и отчетливей, входят в нашу судьбу, в наше бытие, обращаются частицей нас самих.

Мы не можем представить себя без Пушкина, без его биографии, которая слилась с его временем.

Москва дала России Пушкина. Это его малая родина, и неудивительно, что жизнь его героев связана с Москвой. В одной из черновых рукописей романа «Евгений Онегин» сохранились такие строки:

В изгнанье, в горести, в разлуке, Москва!

Как я любил тебя,

Святая родина моя!

С Москвой у Пушкина были связаны самые первые, самые яркие, самые живые «впечатления бытия». Поэт родился в Немецкой слободе, ныне Бауманская. Дом не сохранился. Но на Бауманской расположена школа № 353, носящая имя Александра Сергеевича Пушкина. В скверике перед ней в 1967 году установлен бюст Пушкина-подростка работы скульптора Е.Ф. Белашевой. На здании школы мемориальная доска с надписью: «Здесь был дом, в котором 26 мая (6 июня) 1799 года родился А.С. Пушкин».

Раннее детство поэта прошло в районе Большого Харитоньевского переулка, в доме Волковых-Юсуповых. Здесь в 1801 по 1803 год жил во флигеле вместе со своими родителями.

На Старой Басманной стоит небольшой, в девять окон по фасаду, одноэтажный особняк, который невольно привлекает внимание: так не похож на расположенные рядом здания. Дом от мечен мемориальной доской, поскольку А.С. Пушкин бывал здесь у своего дядюшки, поэта Василия Львовича Пушкина. Их общение было особенно тесным во время детства поэта. У дядюшки он часто читал книги из превосходной библиотеки. Именно Василий Львович первым оценил дарование племянника. «Мы многого от тебя ожидаем», – пишет он Александру в 1816 году, называя его «братьем по Аполлону». В ответ юный Пушкин пишет короткое послание под названием «Дяде, назвавшему сочинителя братом»:

*Я не совсем еще рассудок потерял,
От рифм баихических шатаясь на Пегасе,
Я не забыл себя, хоть рад, хотя не рад.
Нет, нет вы мне совсем не брат:
Вы дядя мне и на Парнасе.*

Василий Львович всю жизнь поддерживал дружеские связи со многими литераторами, в том числе и с Карамзиным,

Жуковским, Вяземским. Его поэма «Опасный сосед», распространявшаяся в списках, пользовалась огромным успехом. Героя поэмы Буянова Пушкин упоминал в «Евгении Онегине»:

*Мой брат двоюродный, Буянов,
В пуху, в картузе с козырьком
(Как вам, конечно, он знаком) ...*

Пушкин был по-родственному привязан к дядюшке, навещал всякий раз, бывая в Москве, и Василий Львович очень этим гордился и дорожил дружбой племянника.

В последний год жизни Василий Львович страдал от жестоких приступов подагры. Когда он умер, Пушкин, находившийся тогда в Москве, взял на себя хлопоты и расходы, связанные с похоронами дяди. Теперь здесь дом-музей.

Теперь отправимся к Покровским воротам (на Покровке дом № 22, «дом-комод» – дом Трубецких). Это памятник архитектуры барокко. Он поражает богатством, разнообразием и изощренностью декоративных приемов. Коринфские колонны, ниши, фронтоны, обилие лепнины, разные по размерам окна придают дому призрачный вид и вместе с тем

сходство с комодом времен Регентства. Москвичи и прозвали дом «комодом».

Глава семьи – князь Иван Дмитриевич Трубецкой – приходился троюродным братом С.Л. Пушкину. В те времена такая степень родства считалась достаточно близкой, и, бывая у Трубецкого, Пушкин называл своих четвероюродных братьев и сестер кузенами и кузинами. Его сестра Ольга Сергеевна Павлищева вспоминала, что в детстве её вместе с Пушкиным возили на Покровку к Трубецким «на уроки танцевания».

В 1820-х годах Пушкин бывал в «доме-комоде» Трубецких на Покровке, памятном ему с детства.

Есть в Москве переулок с характерным старомосковским названием Кривоколенный, отражающим его необычную конфигурацию. Сегодня в Кривоколенном переулке, 4 установлены две мемориальных доски. На одной надпись, что здесь родился и жил поэт Дмитрий Владимирович Веневитинов; другая сообщает, что А.С. Пушкин читал здесь «Бориса Годунова».

С Дмитрием Веневитиновым Пушкин познакомился по приезде в Москву из Михайловского 10 сентября 1826 года. М.М. Погодин вспоминал четыре десятилетия спустя, как читал свою поэму Пушкин. Поразительно, как сумел Погодин удержать в памяти все детали того знаменательного чтения: «Когда Пушкин дошел до рассказа Пимена о посещении Кириллова монастыря Иоанном Грозным, о молитве иноков “да ниспошлёт Господь покой его душе, страдающей и бурной”, мы все как будто обеспамятали. Кого бросало в жар, кого в озноб. Волосы поднимались дыбом...»

А на Покровской улице на фасаде дома № 27 у центрального входа установлена мемориальная доска, которая гласит: «Здесь в декабре 1828 года читал поэму «Полтава» поэт А.С. Пушкин».

Венчание Александра Сергеевича Пушкина и Натальи Николаевны Гончаровой состоялось 18 февраля 1831 года. Церемония прошла в церкви Вознесения Господня.

В 1999 году, когда отмечалось 200-летие со дня рождения Александра Сергеевича Пушкина, в сквере на площади Никитских Ворот был открыт фонтан «Наталья и Александр», посвященный венчанию великого поэта и первой московской красавицы.

Из церкви Пушкин привез молодую жену в дом на Арбате. У дома особая судьба. Здесь, на втором этаже Пушкин снимал квартиру из пяти комнат. В этом доме началась семейная

жизнь Пушкина. На арбатской квартире молодые Пушкины принимают гостей в день свадьбы. А 27 февраля устраивают у себя «славный бал и званый ужин». «И он и она прекрасно угожают гостей своих, – сообщает брату А.Я. Булгаков. –

Она прелестна, и он и она как два голубка. Дай Бог, чтобы всегда так продолжалось».

В арбатском доме Пушкин читал друзьям восьмую главу «Евгения Онегина», «Повести покойного Ивана Петровича Белкина». Пушкины прожили на Арбате всего три месяца. В доме на Арбате открыт мемориальный отдел Государственного музея А.С. Пушкина – «Квартира А.С. Пушкина на Арбате». В анфиладе комнат второго этажа, где жили Пушкины, представлены подлинные реликвии: конторка Пушкина, стол для рукоделия Натальи Николаевны, их прижизненные портреты, рукописи. И только в одной из комнат воспроизведен интерьер пушкинского времени: старинная мебель, портреты тех, кто бывал в этом доме у Пушкина. Образный смысл гостиной, ее назначение – стать как бы местом встреч друзей поэта разных поколений – современников и потомков, здесь проводятся литературные и музыкальные вечера.

На первом этаже находится экспозиция, тема которой «Пушкин и Москва». Экспонаты рассказывают о литературной и художественной жизни Москвы, о своеобразном колоритном быте «отставной» столицы.

В 1999 году напротив дома-музея установлен памятник поэту и его жене Н.Н. Гончаровой.

А шестью годами ранее неподалеку от Старого Арбата в Спасопесковском переулке в небольшом скверике рядом с Храмом Спаса Преображеня на Песках был открыт еще один памятник Пушкину. Надпись у подножия скульптуры гласит:

«Если жизнь тебя обманывает, не печалься, не сердись, в день уныния смирись, день веселья, верь, настанет!».

Приезжая в Москву, Пушкин нередко останавливался у Нащокина, хотя в его доме обстановка и не располагала к мирному досугу. Вот что писал Пушкин Наталье Николаевне о днях, проведенных им у «Войныча»: «Здесь мне скучно: Нащокин занят делами, а дом его такая бестолочь и ералаш,

что голова кругом идет. С утра до вечера у него разные народы: игроки, отставные гусары, студенты, цыганы, шпионы, особенно заемодавцы. Всем вольный вход, всем до него нужда, всякий кричит, курит трубку, обедает, поет...»

Пушкин познакомился с Нашокиным, когда сам еще учился в Царскосельском лицее, но по-настоящему они сдружились в Москве, после возвращения из ссылки.

С конца XVIII века в Белогородном собрании устраивались балы и праздники, давались первые в Москве публичные концерты. Не только простой люд, но даже именитые купцы не допускались в Дворянское собрание.

В зале Дворянского собрания по воле московских «тетушек» побывала и Татьяна Ларина, любимая героиня поэта, здесь она познакомилась со своим будущим мужем.

Приехав в Москву 12 марта 1830 года, Пушкин, как писал он Вяземскому, попал «прямо из кибитки... в концерт, где находилась вся Москва» – в зал Благородного собрания. В том же году, 4 мая, Пушкин вместе с невестой и ее матерью был

в Дворянском со брании на «благородном спектакле в пользу бедных».

Знаменательно, что именно на родине Пушкина, в Москве, на средства, собранные по подписке, был сооружен памятник великому поэту. Одиннадцатиметровую скульптуру установили на Страстной площади (ныне Пушкинская) лицом к Страстному монастырю. В результате реконструкции улицы и площади был уничтожен Страстной монастырь, перед которым склонил голову Пушкин-памятник.

Идут годы, меняется Москва – город, где многое напоминает об Александре Сергеевиче Пушкине. Память о нем во все времена остается драгоценной не только для Москвы, но и для всей России, для всего человечества.

Своим творчеством А.С. Пушкин действительно «памятник себе воздвиг нерукотворный», а память о нем хранит не только собрание сочинений, но и множество зданий.

Пушкинский Петербург включает образ самого города и его историю, ставшую выражением целого пласта истории России, его архитектуру, которая складывалась именно в эти годы, годы жизни великого русского поэта. Петербург Пушкина существует как бы в двух измерениях: как историческая реальность и как поэтический образ, пришедший к нам из его творчества. Пушкинские строки, обращенные к Петербургу, будут сопутствовать на протяжении всего рассказа. Хочется увидеть город на Неве глазами самого поэта.

По приезде в Петербург поступать в Царскосельский лицей (а привёз его дядя Василий Львович), они гуляли по набереж-

ным, заходили в Летний сад, который был создан по проекту Петра Первого, желавшего иметь сад «лучше, чем в Версале у французского короля».

И само название учебного заведения, куда предстояло держать экзамены, – Лицей – непривычно для русского слуха. К этому названию еще предстояло привыкнуть. А пока

были назначены выпускные экзамены у министра народного просвещения А.К. Разумовского в доме на Мойке (дом, к сожалению, не сохранился).

В приемной министра Александр Сергеевич впервые увидел Ивана Пущина. С этой поры установилась и росла их дружба.

Дом Пушкина был совсем рядом с гостиницей Демута (набережная Мойки, 14). В этом доме жил Иван Пущин. Теперь мальчики вместе ходили в Летний сад.

Летом 1827 года, после окончания Лицея, Пушкин открывает для себя Петербург заново, заново узнает и обживает этот город.

Теперь Петербург начался для поэта с дома в Коломне, где жили его родители, часть города между Мойкой и Фонтанкой. Коломна считалась окраиной Петербурга. Жить в этом районе было непrestижно, зато недорого.

После окончания Лицея Пушкин жил с родителями в доме № 185 на Фонтанке. Выпускник занимал небольшую комнату с окном во двор.

Единственными достопримечательностями деревянной Коломны были Церковь Покрова и подъемный Калинкин мост.

Здесь, в доме в Коломне, была закончена первая поэма Пушкина «Руслан и Людмила».

Но истинным домом Пушкина в те годы была не столько квартира родителей, сколько весь Петербург, дружески откравший поэту свои дома и улицы.

После окончания Лицея молодого Пушкина вместе с Горчаковым и Кюхельбекером определили на службу в здание на Английской набережной в Коллегию иностранных дел. Дипломатическая деятельность не привлекла будущего поэта, вследствие чего в учреждении Пушкин появлялся нечасто.

Чтобы очертить круг дружеских Пушкину домов, приходится покинуть Коломну, как покидал ее Пушкин без сожаления каждый день, торопясь на Фонтанку, к братьям Тургеневым.

В квартире Тургеневых часто проходили собрания литературного общества «Арзамас», членами которого были Карамзин, Жуковский, братья Тургеневы.

Частым гостем этого дома бывал молодой Пушкин. Его приняли в «Арзамас» осенью 1817 года, и он получил прозвище Сверчок, подошедшее ему очень кстати: его поэтический голос звучал во всех петербургских домах, а его стихи в списках расходился по всему Петербургу.

Когда собирались у братьев Тургеневых (набережная Фонтанки, 20), споры о литературе переходили в разговоры политические: говорили об уничтожении рабства в России, спорили о лучшем государственном устройстве, обсуждали уроки европейских революций. Споры о тирании оставались постоянной темой разговоров. В один из таких вечеров на квартире Тургеневых Пушкин начал писать оду «Вольность».

Не успев закончить, дописал дома и принес Тургеневым все стихотворения, переписанные набело. Профиль Павла I, изображенный рукою Пушкина, так и остался в рукописи возле строк, напоминавших о событиях 11 марта 1801 года, когда был убит Павел I.

На Английской набережной, 4 стоит дошедший до наших дней особняк, принадлежащий супругам Лосваль.

В этом знаменитом особняке, одном из культурных центров Санкт-Петербурга первой половины XIX века, устраивались блестящие литературные и музыкальные вечера со множеством гостей. Пушкин читал здесь оду «Вольность» и трагедию «Борис Годунов».

Ниже по набережной реки Фонтанки, перейдя Невский проспект, можно увидеть дом (набережная Фонтанки, 97), где жила семья Алексея Николаевича Оленина – директора Императорской публичной библиотеки, археолога, художника.

Дом Оленина привлекал многих петербургских литераторов. Воистину Фонтанка – самая литературная река.

Частым гостем здесь был и Александр Сергеевич Пушкин. Так, именно в салоне Олениных он читал поэму «Руслан и Людмила». Кроме того, Пушкин был не на шутку увлечен младшей Олениной – Анной. И даже сделал ей предложение, но получил отказ.

Дом Олениных на Фонтанке еще был памятен Пушкину первой встречей с Анной Петровной Керн, племянницей жены Оленина. Потом, шесть лет спустя, он снова увидит ее и посвятит ей стихи:

*Я помню чудное мгновенье:
Передо мной явилась ты,
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты.*

Соседний дом на Миллионной улице, 30 принадлежал Евдокии Ивановне Голицыной, одной из красивейших женщин своего времени. Голицына не принимала в своем салоне раньше десяти вечера, за что ее и прозвали «княгиня ночи». Восемнадцатилетний Пушкин часто бывал в ее доме и, говорят, увлекся этой умной и образованной женщиной. Поэт посвятил Голицыной мадrigal «Краев чужих неопытный служитель», в котором спрашивал:

*Где женщина – не с хладной красотой,
Но с пламенной, пленительной, живой?
И сам же отвечал на свой вопрос:
Отечество почти я ненавидел –
Но я вчера Голицыну увидел
И примерен с Отечеством моим.*

В доме О.К. Брискорн А.С. Пушкин прожил всего несколько месяцев, но именно их называл самыми счастливыми в своей жизни. Ведь именно здесь находилась его первая петербургская квартира, в которую он переехал с молодой женой – Натальей Гончаровой. Во время недолгого проживания (с осени 1831 до весны 1832 года) здесь увидели свет Маленькие трагедии «Моцарт и Сальери» и «Пир во время чумы», шла подготовка к изданию альманаха «Северные цветы на 1832 год».

С 1934 года на доме расположена памятная доска, а в наше время смекалистые предприниматели открывают здесь атмосферный бутик – отель «Счастливый Пушкин».

В начале XIX века Кондитерская Вульфа и Беранже располагалась в доме Кожина, была весьма модным местом. Здесь не только подавали вкуснейшие десерты, но и работал своего рода литературный клуб, который любил посещать

Александр Сергеевич. Однако кондитерская была знаменита тем, что именно в ней поэт ждал своего секунданта Данзаса перед роковой дуэлью с бароном Дантесом. Дом сохранился до наших дней.

Просторную квартиру в доме княгини Волконской Пушкин наниял за несколько месяцев до своей гибели. Музей-квартира находится на набережной Мойки, 12. Именно в эту квартиру привезли раненного на дуэли Александра Сергеевича 29 января 1837 года, и здесь он умер, простившись с женой, детьми и друзьями. Музей был создан в 1925 году. Он рассказывает о последних месяцах жизни поэта. В рабочем кабинете собрали личные вещи и создали обстановку тех лет.

В небольшом сквере напротив дома № 10 по Каменскому проспекту в 1937 году на предполагаемом месте дуэли Пушкина и Дантеса был установлен монумент.

На набережной Макарова, 4 находится Институт русской литературы РАН (Пушкинский дом). Пушкинский дом – научное учреждение в структуре Академии наук и старейший

литературный музей России, основанный в декабре 1905 года. Идея создания Пушкинского дома родилась в процессе подготовки празднования 100-летней годовщины со дня рождения А.С. Пушкина. С 1937 года Пушкинский дом размещается в здании Морской таможни. Архитектор здания И.Ф. Лукин.

В 1870-х годах Павел Сюзар, мастер петербургской эклектики и модерна, автор одного из самых известных зданий на Невском проспекте – дома Зингера, по проекту которого возведены на Пушкинской улице дома № 2, 6, 12, 13, 16, 17, определившие ее своеобразный архитектурный облик.

Авторству Сюзара принадлежат два угловых дома, выходящих на Невский проспект, площадь и сквер в центре улицы и Московский переулок, соединяющий Пушкинскую улицу и Лиговский проспект. Сквер украшает памятник Пушкину, у которого часто собираются молодые поэты Петербурга.

Памятник Пушкину на площади Искусств скульптора М.К. Аникушина и архитектора В.А. Петрова был установлен 19 июня 1957 года в Ленинграде перед зданием Государственного Русского музея. Открытие памятника было приурочено к 250-летию города на Неве. Памятник поэту является объектом культурного наследия и охраняется государством. Почти 200 лет русская литература не перестает думать и говорить о Пушкине.

«Люди могут отворачиваться от поэта и от его дела. Сегодня они ставят ему памятники; завтра хотят сбросить его с корабля современности. То и другое определяет только этих людей, но не поэта; сущность поэзии, как всякого искусства, неизменна; то или иное отношение людей к поэзии в конце концов безразлично», – так говорил А. Блок в 1921 году.

Это далеко не все Пушкинские места в Москве и Петербурге, но сколько их по всей России!

*Слух обо мне пройдет по всей Руси великой,
И назовет меня всяк суцкий в ней язык,
И гордый внук славян, и финн, и ныне дикой
Тунгуз, и друг степей калмык.*

Виктор Липчанский

О значении Царскосельского Лицея на формирование личности А.С. Пушкина

(Доклад был сделан 21 октября 2017 года на заседании Пушкинского регионального общества в библиотеке имени В.И. Даля. Аналогичный доклад был сделан в 2005 году на заседании Пушкинского регионального общества в актовом зале академии водного транспорта)

«Желающий говорить о Пушкине, должен начать с извинения, что он берётся измерить эту неисчерпаемую глубину» – эти слова критика Николая Страхова, сказанные более 100 лет назад, сохраняют свою справедливость и ныне.

Чудо Пушкин!

Вот несколько высказываний о Пушкине.

«Пушкин – Солнце нашей поэзии»

Владимир Одоевский,

«Один Пушкин настоящий русский!»

«Пушкин – есть пророчество и указание»

Федор Достоевский,

«Пушкин – наше всё» – Аполлон Григорьев,

«Пушкин – школа гармонической точности»

Лев Гинзбург,

«При имени Пушкина, – тотчас осеняет мысль о русском национальном поэте»

Николай Гоголь,

«Пушкин победил и время, и пространство»

Анна Ахматова,

«Пушкин был призван быть первым русским поэтом-художником Руси, дать ей поэзию как искусство, как художество»
Виссарион Белинский.

История показала, что первым он и остался. Сам поэт так определил характер своего эстетического универсализма в стихотворении «Эхо»:

*Ревёт ли зверь в лесу глухом,
Трубит ли рог, гремит ли гром,
Поёт ли дева за холмом –
На всякий звук
Свой отклик в воздухе пустом
Родишь ты вдруг.*

*Ты внимлеши грохоту громов,
И гласу бури и валов,
И крику сельских пастухов –
И шлёши в ответ...*

Сегодня мы собрались по случаю того, что 206 лет назад 19 октября 1811 года был открыт Царскосельский Лицей, в котором учился Пушкин с первым выпуском лицеистов. С самого начала перед Лицеем была поставленаясная цель – подготовить деятелей для России будущего. Воспитанию новых людей было подчинено всё. Они готовились универсально, энциклопедически, многопредметно – для всего. В Лицее преподавались не учебные предметы, но науки, не учителями в школьном смысле, но профессурой. Часто рождалось непонимание, но всегда задавалась высота. Денег не жалели ни на книги, ни на обслуживание. Царь даже подарил Лицею свою юношескую библиотеку.

В 100-летний юбилей поэта И.Ф. Аненский в речи «Пушкин и Царское село» произнёс: «Именно здесь, в этих гармонических чередованиях тени и блеска, лазури и золота, зелени

и мрамора, старины и жизни; в этом изяществе сочетаний природы с искусством Пушкин ещё на пороге юношеского возраста мог найти все элементы той строгой красоты, которой он остался навсегда верен. Только здесь юный поэт мог до конца почувствовать, что

*Служенье Муз не терпит суety,
Прекрасное должно быть величаво...»*

Навсегда запомнилось Александру Пушкину в день открытия Лицея выступление профессора Александра Петровича Куницына:

*Вы помните: когда возник лицей,
Как царь для нас открыл чертог царицын,
И мы пришли. И встретил нас Куницын
Приветствием меж царственных гостей.*

А по окончании Лицея Пушкин напишет:

*Куницыну дань сердца и вина!
Он создал нас, он воспитал наши пламень,
Поставлен им краеугольный камень,
Им чистая лампада возжена...*

И ещё: в каждом лицеисте было воспитано чувств личного достоинства, непременной особенностью которого было в то же время уважение к другому, чувство дружбы, родства и братства.

*Друзья мои, прекрасен наш союз!
Он, как душа, неразделим и вечен,
Неколебим, свободен и беспечен,
Срастался он под сенью дружных муз.*

*Куда бы нас не бросила судьбина
И счаствие куда б ни повело,*

*Всё же мы: нам целый мир чужбина;
Отечество нам Царское село.*

Вот исторический результат Лицея, который стал паролем и залогом; празднование его годовщин – пиром духовности, торжеством человечности, береженой смолоду честью. Главное то, что на первый план в Лицее выносилось желание и умение соотнести себя с другими и каждую минуту быть готовым стать вторым. Известен случай, когда Пушкин на вопрос царя: «Кто среди лицеистов первый?» – ответил, что первых среди них нет, все – вторые. Впрочем, в ответе носившему номер первый царю Александру это могло выглядеть и как светский каламбур. Пушкин не сразу сошёлся с товарищами. Он сам о себе написал, что бывал очень разный:

*Порой ленив, порой упрям,
Порой лукав, порою прям,
Порой смирен, порой мятежен,
Порой печален, молчалив,
Порой сердечно говорлив...*

Пушкин был одним из самых подвижных и ловких мальчиков. Свою начитанность, прекрасное знание французского языка и французской литературы, за что ему дали прозвище «Француз», ценил он высоко. А вот ловкостью, умением прыгать, бросать мяч гордился. Ему больше нравилось его другое прозвище: «обезьяна с тигром».

*В те дни, когда поэме редкой
Не предпочёл бы мячик меткой,
Считал схоластику за вздор
И прыгал в сад через забор...
Когда французом называли
Меня задорные друзья,*

*Когда педанты предрекали,
Что ввек повесой буду я...*

Обучение в Лицее делилось на два курса. Первый назывался начальным, второй – окончательным. На каждом учились в течение трёх лет. При переходе с курса на курс проводился публичный экзамен. На что же прежде всего было устремлено внимание лицеиста Пушкина? В Лицее феноменальная память Пушкина была приспособлена прежде всего к языку, а из всех предметов – к поэзии. В Пушкине русская литература и русский язык обрели великого синтезатора и надёжный фильтр. Опытный поэт Жуковский, вдвое старше Пушкина, читал в Лицее отроку Пушкину свои стихи и уничтожал всё, что тот сразу не мог запомнить... Жуковский полюбил Пушкина. Пушкин платил ему тем же. Из стихотворения «К Жуковскому»

*Благослови, поэт! В тиши парнасской сени
Я трепетно склонил пред музами колени.
Опасною тропой с надеждой полетел,
Мне жребий вынул Феб, и лира – мой удел.*

Жуковский, только-только познакомившийся с лицеистом Пушкиным, назовёт его в письме Вяземскому «гигантом, который всех нас перерастёт». Позднее Жуковский скажет, что Пушкин – первый русский поэт, а все до Пушкина были сочинители. Пушкин рассказывал о себе: «Начал я писать стихи с 13-летнего возраста и печатать почти с того же времени.» Детские свои опыты до Лицея он в счёт не брал. Все лицеисты были в той или иной мере поэтами, но среди них был Пушкин, не просто лучший и превосходивший прочих, но первый в России абсолютный тип поэта. Всё это проявилось уже в Лицее и во многом благодаря Лицею.

*В те дни, когда в садах Лицея
Я безмятежно расцветал,
Читал охотно Апулея,
А Цицерона не читал...
В те дни – во мгле дубравных сводов
Близ вод, текущих в тишине,
В углах лицейских переходов
Являться муза стала мне...
Простите, хладные науки.
Простите, игры первых лет,
Я изменился. Я поэт!*

Пушкинская память уже в Лицее начала колоссальную историческую работу, выбирая все «удачные места» у известных и малоизвестных авторов, делая их общим достоянием. Педагоги отмечали в Пушкине необыкновенную чуткость к слову, реакцию на фразу. Пушкину нравилась в поэзии простота и искренность. Уподобляясь маститому служителю муз, лицеист Пушкин предупреждает начинающего поэта:

*На Пинде лавры есть, но есть там и крапива.
Страшись бесславия! – Что, если Апполон,
Услышав, что и ты полез на Геликон,
С презрением покачав кудрявой головою,
Твой гений наградит – спасительной лозою?*

Сочинял Пушкин повсюду. «Не только в часы отдыха от учения и на прогулках, но нередко и в классах и даже в церкви,» – вспоминал один из лицеистов.

И вот эпизод из занятий на старшем курсе. Профессор математики Карцев вызывает Пушкина к доске и диктует алгебраическую задачу: «Записали? Решайте» Пушкин задумался. Потом долго, переминаясь с ноги на ногу, стал писать на доске формулы. Карцев не выдержал: «Что же вышло?

Чему равен икс?» Пушкин улыбнулся: «Нулю» «Хорошо! У вас, Пушкин, в моем классе всё равняется нулю. Садитесь на место и пишите стихи» – сказал Карцев. Эту фразу Карцев произнес без обычной язвительности. Иван Пущин рассказывал: «Все профессора смотрели с благоговением на растущий талант Пушкина» В часы досуга лицеисты много времени отдавали чтению. Пушкин с раннего детства любил читать и был самым начитанным из лицеистов.

В Лицее же Пушкиным была пройдена ещё одна литературная школа, по сути пренебреженная в семейном литературном воспитании. Речь идёт о русской поэзии конца 18 века – начала 19 века. В свободные от занятий часы Пушкин подолгу засиживался в лицейской библиотеке. Что же он читал?

*На полке за Вольтером
Виргилий, Тасс с Гомером
Все вместе предстоят.
В час утренний досуга
Я часто друг от друга
Люблю их отрывать.
Питомцы юных граций
С Державиным потом
Чувствительный Гораций
Является вдвоём...
Мудрец простосердечный
Ванюша Лафонтен!
Ты здесь – И Дмитрев нежный,
Твой вымысел любя,
Нашёл приют надежный
С Крыловым близ тебя...
Воспитаны Амуром
Вержье, Парни с Грекуром...*

*Здесь Озеров с Расином,
Руссо и Карамзин,
С Мольером-исполнителем
Фонвизин и Княжнин.*

Больше всего любил Пушкин, захватив книгу, сидеть где-нибудь в траве на берегу озера.

*Люблю с моим Мароном.
Под ясным небосклоном
Близ озера сидеть,
Где лебедь белоснежный,
Оставя знак прибрежный,
Любви и неги полн,
Закинув гордо шею
Плыёт во злате волн...*

Отечественная война 1812 года выпала на второй год учебы в Лицее. Пушкин и его товарищи были глубоко потрясены событиями этой войны. Вместе с народом поэт переживал подъём патриотических чувств. Он видел русские полки, шедшие оборонять Москву от Наполеона. Большая дорога из Петербурга на юг пересекала тогда Царское Село. Бородинский бой, занятие Москвы французами, разгром и бегство французской армии – всё это были события, за которыми с напряженным вниманием следили лицеисты. Школьный товарищ Пушкина Корф писал в своих воспоминаниях: «Не могу не вспомнить горячих слёз, которые проливали мы над Бородинской битвой и над падением Москвы...». Какое взамен слёз пошло у нас общее ликование, когда французы двинулись из Москвы...» Под влиянием этих событий окрепла и углубилась любовь поэта к родине, к родному народу. Поэт гордился своим народом. Он уже тогда понимал, что победа принадлежит народу, что сила русских прежде всего в па-

триотизме широких народных масс. Он писал с гордостью в своих «Воспоминаниях о Царском Селе»:

*Страшись о рать иноплеменных.
России двинулись сыны.
Восстал и стар и млад; летят на дерзновенных
Сердца их миценьем возжены.
Вострепеши, тиран! Уж близок час паденья.
Ты в каждом ратнике узриши богатыря,
Их цель иль победить, иль пасть в пылу сраженья
за Русь, за святость алтаря!*

В Лицее Пушкин познакомился с Карамзиным. «Пари, как орёл, но не останавливайся в полёте!» – напутствовал юного поэта посетивший его Н.М. Карамзин. Пушкин часто бывал в доме у Карамзиных.

Батюшкова Пушкин считал одним из наиболее значительных русских поэтов, но, отстаивая свою поэтическую самостоятельность, отказывался от совета Батюшкова петь «войны кровавый пир». В свои 16 лет Пушкин отвечал старшему поэту:

*Бреду своим путём:
Будь всякий при своём.*

Именно Батюшков, судорожно сжимая листок со стихами Пушкина, скажет: «О, как стал писать, злодей!» Вот эти стихи Пушкина:

*А я, повеса вечно праздный,
Потомок негра безобразный,
Взращённый в дикой простоте,
Любви не ведая страданий,
Я нравлюсь юной красоте
Бесстыдным бешенством желаний...*

Сама легкость не только декларировалась, не просто являлась, она – была. Но то, что казалось в поэзии Пушкина легкостью и действительно такой легкостью было, становилось ею уже в Лицее в результате труда, упорнейшего труда.

На старшем курсе Пушкин подружился с офицерами Чаадаевым и Катениным, участниками Отечественной войны. Это были умные, образованные, честные люди. Все это заставило юного Пушкина серьёзно призадуматься над окружающей действительностью, о борьбе лучших людей страны с крепостным правом, с царским деспотизмом. Через год после окончания Лицея Пушкин напишет в стихотворении «К Чаадаеву»:

*Пока свободою горим,
Пока сердца для чести живы,
Мой друг, отчизне посвятим
Души прекрасные порывы!*

4 января 1814 года состоялось публичное испытание воспитанников первого приёма, по случаю перевода их на другой курс. На экзамене присутствовал патриарх российских поэтов знаменитый Гаврила Романович Державин. Пушкин читал свое стихотворение «Воспоминания д Царском Селе».

*Навис покров угрюмой нощи
На своде дремлющих небес;
В безмолвной тишине почили дол и роици,
В седом тумане дальний лес...*

*Не се ль Элизиум полнощный,
Прекрасный Царскосельский сад,
Где, льва сразив, почил орёл России мощной
На лоне мира и отрад?*

*Промчались навсегда те времена златые,
Когда под скипетром великия жены*

*Венчалась славою счастливая Россия,
Цветя под кровом тишины!
Здесь каждый шаг в душе рождает
Воспоминанья прежних лет;
Воззрев вокруг себя, со вздохом росс вещает:
«Исчезло всё, великой нет!»*

Пушкин читал с необыкновенным воодушевлением. И вот он дошёл до стихов о Державине:

*О громкий век военных споров,
Свидетель славы россиян!
Ты видел, как Орлов, Румянцев и Суворов,
Потомки грозные славян,
Перуном Зевсовым победу похищали;
Их смелым подвигам страшась дивился мир;
Державин и Петров героям песнь бряцали
Струнами громозвучных лир.*

Пушкин не помнил, как дочитал. Державин был в восторге. Сколь мог, торопливо выбрался он из-за стола, чтобы прижать к груди кудрявого мальчика, но того уже не было. Он убежал. А Державин еще долго не мог успокоиться...

Первое стихотворение Пушкина было напечатано в №13 «Вестника Европы» за 1814 год и называлось оно «К другу стихотворцу». Внизу стояла подпись: «Александр Н.К.Ш.П.». Пушкин написал свою фамилию наоборот и выпустил согласные. Любят великие загадывать загадки.

В ноябре 1815 года в Лицей пришло известие, что в противовес обществу литературных староверов и для борьбы с ним в Петербурге возникло общество «Арзамас». В него вошли: Жуковский, Тургеневы, Карамзин, Вяземский, Д. Давыдов, Василий Львович Пушкин и другие. Александр Пушкин уже из Лицея начал подавать свой голос в «Арзамасе» и полу-

чил за это прозвище «Сверчок». После окончания Лицея он вступил в это общество.

В Лицее к Пушкину пришла и первая любовь – к Екатерине Павловне Бакуниной, сестре одного из лицеистов. Он писал:

*В те дни... в те дни, когда впервые
Заметил я черты живые
Прелестной девы и любовь
Младую взболновала кровь,
И я томскуя безнадежно,
Томясь обманом пылких снов,
Везде искал её следов,
Об ней задумывался нежно,
Весь день минутной встречи ждал
И счастье тайных мук узнал.*

Уехали Карамзины, исчезли Бакунины. Пушкин достал перо и приступил к поэзии вплотную. Лицейское творчество Пушкина на старшем курсе отмечено блистательным ростом его мастерства, разнообразием тем и жанров и количеством созданных стихотворений: всего 136, из которых 4 стихотворения на французском языке. Из лицейских стихов этого периода:

*Слыхали ль вы за рощей глас ночной
Певца любви, певца своей печали?
Когда поля в час утренний молчали,
Свирели звук унылый и простой
Слыхали ль вы?*

И еще:

*Любовь одна – веселье жизни хладной,
Любовь одна – мучение сердец:
Она дарит один лишь миг отрадный,
А горестям не виден и конец.
Стократ блажен, кто в юности прелестной
Сей быстрый миг поймает на лету.*

Тогда же первый и единственный раз Пушкин побывал даже придворным, так сказать заказным поэтом. Ему были заказаны стихи для торжества в честь высокого жениха принца Оранского. Эти стихи Пушкин написал за два часа, и они пелись во время свадебного ужина. Матерью невесты, то есть вдовствующей императрицей Марией Федоровной, юному поэту были пожалованы золотые часы с цепочкой. Впрочем, также быстро Пушкин показал, что не будет придворным поэтом, разбив царские часики «нарочно о каблук».

В Москве Василий Львович Пушкин читал стихи племянника. Вяземский писал Батюшкову о Пушкине: «Чудо и всё тут. Какая сила, точность в выражении, какая твердая и мастерская кисть в картинах. Дай Бог ему здоровья и учения. И в нем прок и горе нам. Задавит каналья» в Царскосельский Лицей приехал в 1811 году из Москвы, как значилась с официальном документе, «недоросль Александр Пушкин». Из Царского села Пушкин увозил с собой кроме множества стихотворений и начало первой своей поэмы «Руслан и Людмила»:

Дела дано минувших дней.

Преданья старины глубокой

Посаженный за что-то перед выходом из Лицея в карцер, Пушкин написал первые стихи этой поэмы на стене. И конечно, не мог предположить, что академик-поэт Жуковский вскоре подарит ему свой портрет с лестной дружеской надписью: «Победителю ученику от побеждённого учителя».

15 мая 1817 года были выпускные экзамены в Лицее, и 11 июня 1817 года Пушкин покинул Лицей. Его указательный палец украсило надетое директором Е.А. Энгельгардтом чугунное кольцо. Такие кольца директор надел на руки всех своих двадцати девяти питомцев Лицея в качестве символа вечной, крепкой и неразрывной связии дружеского лицейского круга. Расставаясь с друзьями, Пушкин обратился к ним:

*Где б ни был я: в огне смертельной битвы,
При мирных ли брегах родимого ручья,
Святому братству верен я!*

Пушкин выходил из Лицея с мыслями:

*Великим быть желаю,
Люблю России честь,
Я много обещаю —
Исполню ли? Бог весть!*

Распорядок дня лицеиста:

6.00 Вставали мы по звонку в шесть часов. Одевались, шли на молитву в залу. Утреннюю и вечернюю молитву читали вслух по очереди.

7.00—9.00 — класс.

9.00 — чай;

прогулка — до 10.

10.00—12.00 — класс.

12.00—13.00 — прогулка.

13.00 — обед.

14.00—15.00 — или чистописание, или рисование.

15.00—17.00 — класс.

17.00 — чай;

до 18.00 — прогулка;

18.00—20.30 — повторение уроков или вспомогательный класс.

По середам и субботам — танцеванье или фехтованье. Каждую субботу баня.

20.30 — звонок к ужину.

После ужина до 10 часов — рекреация.

22.00 — вечерняя молитва, сон.

В коридоре на ночь ставили ночники во всех арках.

Дежурный дядька мерными шагами ходил по коридору.

Хроника

Уважаемая редакция!

Благодарим Вас за присланные издания «Пушкинского альманаха». Наши педагоги уже оценили их значимость и богатое содержание материала. Несомненно, они помогут им при подготовке к урокам, проведении различных мероприятий и при создании методических разработок. Эти альманахи – кладезь сведений о Пушкине и его творчестве. В наше время, когда библиотечный фонд школьной библиотеки пополняется очень незначительно, ваш подарок – большой вклад в интеллектуальное развитие учеников нашей школы.

С уважением, директор Яйской средней школы №2

Гирняк Т.И.

**Перечень иллюстраций на обложке
и вклейках**

1-я стр. обложки: Памятник А.С. Пушкину в Софии. 2001.
Скульптор В. Клыков, архитектор С. Константинов.

4-я стр. обложки: Новосибирск. ЖК «Нарымский квартал».

Фронтиспис: Б. Угаров. Пушкин. 1985.

Содержание

ПУШКИН И МЫ

А.С. Пушкин – П.Я. Чаадаеву 19 октября 1836 г.	4
<i>Феликс Кичатов</i>	
Кант и Пушкин о свободе, законе и праве.....	6
<i>Антонина Дорохова</i>	
«Записки пушкиниста».....	24
<i>Александр Громов</i>	
Четвертый праздник Пушкина	28

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Людмила Тонышева

Обида	46
<i>Ирина Крюкова</i>	
В доме моем.....	56

СИБИРСКИЙ ПАРНАС

Анатолий Чернышёв

Павел Васильев	64
<i>Павел Васильев</i>	
«Родительница степь, прими мою...».....	65
«Всё так же мирен листьев тихий шум...».....	65
«Сибирь, настанет ли такое...»	67
Лагерь.....	67
«Не добраться к тебе! На чужом берегу...».....	69
«Затерян след в степи солончаковой...».....	70
Сонет	70
«Сибирь...».....	71

ГОСТИ ПУШКИНСКОГО АЛЬМАНАХА

Никита Лобанов-Ростовский

Пушкин	74
<i>Светлана Мрочковская-Балашова</i>	
Дневник Долли Фикельмон как парадокс любви к «Нашему всё»	93

ПОЭТИЧЕСКИЕ СТРАНИЦЫ

Анатолий Чернышёв

«Как таинство, не видим и не слышен...».....	120
«А ведь в небе можно заблудиться...».....	121
«Поплыту на чьих-то плечах...»	121
«Клокочет мир...».....	122
«А ты слезу у сироты не вытер...»	123
«Мне кажется, портреты улыбаются...».....	124
«Куда уходит время...».....	124
«Уходящие тени всё плывут и плывут...».....	125
«Дефиска между датами – и всё...».....	125
«Не старейте, старые актёры...»	126
Женщина.....	126
«Ах, как любил он, как любил...».....	127
«Душа возносится на небо...».....	127
«Коль чутким сердцем слышишь небо...»	128
«Вокруг обыденные лица...»	129

Юлия Федорищева

Петербургские зарисовки. Пушкину.....	130
---------------------------------------	-----

Ася Горская

«Зажжём свечу и сядем кругом...»	131
«Какие берёзы в Михайловском...».....	132

ИЗОБРАЗИТЕЛЬНАЯ ПУШКИНАНА

Мстислав Добужинский

О рисунках Пушкина	134
--------------------------	-----

ИРКУТСКИЕ СТРАНИЦЫ

Галина Солуянова

Пушкин, прописанный в иркутском Доме драматурга Вампилова	152
--	-----

ПРОЗАИЧЕСКИЕ СТРАНИЦЫ

Татьяна Трофимова-Воронцова

От первого лица	156
Тополиная участь...	156
Придорожная трава.....	159

Пушкинский альманах. Выпуск 24

Шука – не волшебная	162
ПРОЗАИЧЕСКИЕ СТРАНИЦЫ	
Маргарита Хренова	
Анатолий Чернышёв Путешествие в прошлое	168
Пушкинские адреса Москвы и Санкт-Петербурга	169
Виктор Липчанский	
О значении Царскосельского Лицея на формирование личности А.С. Пушкина.....	191
ХРОНИКА	
Благодарность директора Яйской средней школы №2 Гирняк Т.И.	206
Перечень иллюстраций на обложке и вклейках	207

Литературно-художественное издание

Пушкинский альманах, выпуск 24

Редактор – Крыжановский В.Е., email: vek-nsk@mail.ru
Компьютерная верстка – Логуновой Н.Н.

Подписано в печать 04.04.2018 с оригинал-макета
Бумага офсетная № 1, формат 60 × 84 1/16, печать
Усл. печ. л. 12,3, тираж 100 экз., заказ №